

ВЪ ОГНѢ.

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ ПОСЛѢДНЕЙ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

ВАС. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

(Съ рисунками К. Н. ЧИЧАГОВА).

БИБЛИОТЕКА

А. И.

КУРОПАТКИНА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ Ф. А. ЮГАНСОНА.

Уголь Крешатика и Прорѣз-
ной ул., домъ Кирхгейма.

|| Подоль, Александровская ул.,
домъ Рихерга.

ВЪ КІЕВѢ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27 Мая 1892 года.

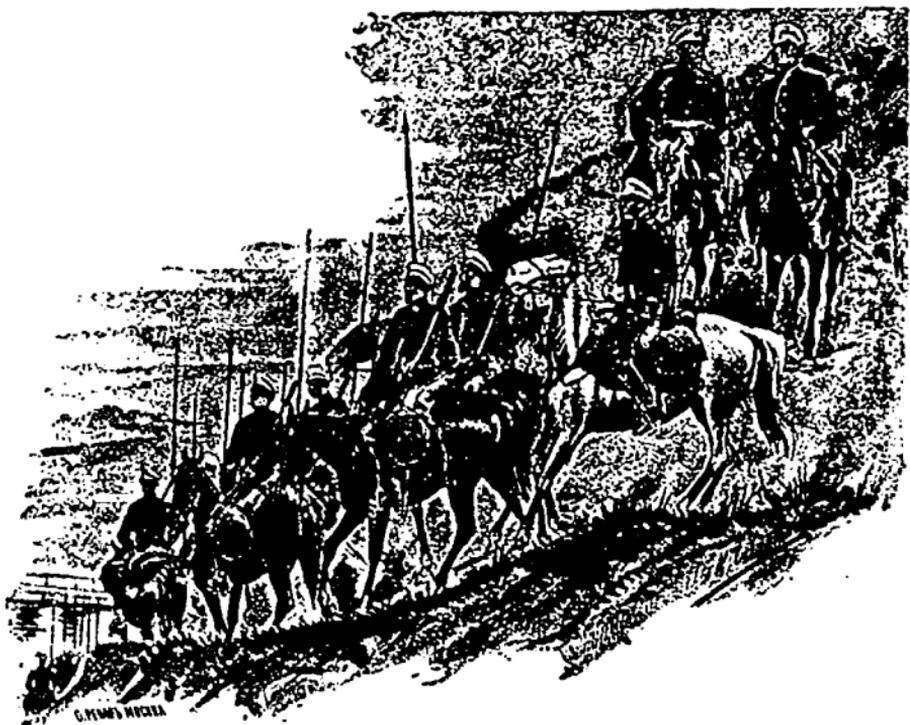
КІЕВЪ.

Типографія И. И. Чоколова, Мало-Житомирская ул., д. № 4.

1892.

I.

Казачья сотня медленно спускалась къ Дунаю отъ Зимницы, жалкіе домишки которой чуть-чуть показывались уголками кровель изъ-за пышныхъ раинъ, да-

На гребнѣ высокаго берега показались двое офицеровъ.

леко въ тепло и свѣтъ, распускавшихъ свои густыя вѣтви. Дорога была узенькая, и сотня растянулась такъ, что задніе казаки еще буюли на крутомъ берегу, а пе-

редніе уже подѣзжали къ понтонному мосту. Тишина стояла кругомъ. Не слышно было ни лязга оружія, ни ржанія лошадей. Только легкой шорохъ копытъ, глубоко уходившихъ въ рыхлую землю, напоминалъ еще здѣсь о жизни и движеніи. Впереди, по другую сторону великой славянской рѣки, чуть-чуть мерещились бѣлыми черточками минареты уже оставленнаго Турками Систова. Только въ бинокль можно было разсмотрѣть его дома, та и то въ нижней части города, выстроенной у самой воды. Верхняя вся пряталась за горбинами и неровностями берега.

Сегодня жарило сильно. Солнце, казалось, остановилось по срединѣ неба, обливая жгучими, точно огненными лучами всю эту зеленѣвшую отъ края и до края понизь. Сохла трава въ невыносимомъ зноѣ, утомлялись кони, невольно стихали люди. Никому не хотѣлось говорить въ рядахъ. Какъ-то машинально двигались они все впередъ и впередъ, даже не подымая глазъ. Въ воздухѣ отъ этого яркаго свѣта стояли искры и все кругомъ являлось слѣпящимъ миражемъ.

Когда послѣдніе всадники казачьей сотни спустились уже, а голова ея вѣзжала на мостъ, на гребнѣ высокаго румынскаго берега показались двое офицеровъ: на нихъ были пѣхотные мундиры, сидѣли верхами они неловко, то и дѣло пріостанавливали коней, старавшихся съ утомительной «ходою» перейти въ бойкую рысь.

— У, чортъ! злился старикъ, сѣдой маіоръ, толстый и загорѣвшій уже на болгарскомъ солнцѣ.—У чортъ! и безъ того разбило всего.

И онъ сильно натягивалъ удила, заставляя бѣдную лошаденку безнадежно дергать головой. За то другой, еще совсѣмъ юный, самъ не зная чему, улыбался на весь Божій міръ, казавшійся ему, даже среди этого невыносимаго зноя, такимъ прекраснымъ. На его погонахъ была только одна звѣздочка. Очевидно, сюда онъ попалъ прямо со школьной скамьи и радовался видя въ походныхъ трудностяхъ осуществленіе самыхъ пламенныхъ надеждъ и мечтаній. Онъ даже фуражку надѣлъ лихо на бекрень,

и, хотя конь его неистово билъ задомъ, старался не показать и виду, какъ ему трудно было сидѣть на непривычномъ сѣдлѣ. Изрѣдка онъ пощипывалъ верхнюю губу, точно ожидая, что на ней сами собою отъ этого преждевременно выростутъ усы, шурился всматриваясь впередъ и, наконецъ, когда чаша терпѣнія его спутника переполнилась и тотъ готовъ былъ весь мѣръ отправить туда, куда никому не хочется, юноша съ выраженіемъ блаженнаго восторга воскликнулъ:

— Маіоръ, взгляните—тамъ-то, тамъ... Вѣдь это уже Турція? Настоящая Турція... Господи! и я опоздалъ...

— Почему? угрюмо спросилъ его старшій.

— Какъ почему? Тутъ дрались наши... Это первая серьезная побѣда.

Чѣмъ хорошо-то? переспросилъ маіоръ.—Жарко, душно...

— Успѣете еще! неедобрительно пробормоталъ маіоръ,— а впрочемъ я васъ понимаю.—И все его лицо вдругъ озарилось ласковою улыбкой.—Я васъ отлично понимаю. Я въ такомъ же чаяніи, какъ вы... (онъ вдохнулъ про

себя) и въ такой же горячій солнечный полдень когда-то подѣзжалъ къ Севастополю!

Юноша съ завистью покосился на Георгіевскій крестъ видѣвшійся въ петличкѣ у маіора, и самъ про себя рѣшилъ: «ну, ужь тамъ что хочешь, а у меня будетъ такой же!» Къ кому онъ обращался мысленно и кому это предоставлялось «хотѣть», было тайной для него самого...

— Какъ красиво!.. Посмотрите! И онъ разомъ остановилъ коня на высокомъ обрывѣ берега.

Тихо струился Дунай, разбиваясь на рукава; плесы его сіяли, какъ расплавленное серебро подъ солнцемъ. Поросшіе густою зеленью острова казались совсѣмъ бархатными. Глазъ нельзя было отвести отъ ихъ нѣжной прелести... Изогнувшись длинною змѣей, медленно подвигалась казачья сотня... Каждый всадникъ обрисовывался рѣзко и красиво съ тонкою чертой пики, кидая рядомъ на казавшейся золотымъ песокъ отмелей черную движущуюся тѣнь... Въ голубыхъ небесахъ чуть замѣтными точками мерещились орлы.

— Какъ красиво! Какъ красиво! повторялъ про себя юноша, стараясь умѣрить сильно бившееся сердце, чувствуя въ душѣ приливъ восторга и увлеченія и какъ будто немножко стыдясь и того и другаго.—Какъ хорошо, какъ хорошо!

— Чѣмъ хорошо-то? переспросилъ его маіоръ:—жарко, душно...

— А приволье это?..

Но тотъ только отмахнулъ рукой и еще сильнѣй натянулъ поводья. Лошадь его въ эту минуту стала спускаться, и ему показалось, что онъ уже катится по ея наклоненному хребту и шеѣ внизъ.

— Странный вы человекъ, Иванъ Алексѣевичъ! вырвалось у молодого офицера.

— Чѣмъ такимъ странный?

— Да какъ же, помилуйте, ничего вамъ не нравится, на все вы здѣсь супитесь... А между тѣмъ вѣдь было же вамъ покойно въ отставкѣ и не нуждались вы ни въ чемъ. Зачѣмъ же и васъ на войну потянуло?

— Меня? точно удивился этому вопросу маіоръ.—
Меня?.. Казалось, что онъ самъ только въ эту минуту
хочетъ отдать себѣ отчетъ въ этомъ.—Меня-то?..

— Да, васъ именно...

— Видите ли: вопервыхъ, я военный; вовторыхъ ге-
оргіевскій кавалеръ,—ну, значить, долгъ. Стыдно сидѣть
мнѣ на печи, когда молокососы дерутся... Всѣмъ поды-
маться, такъ и моя хата не съ краю... И потомъ... И

...изрубилъ кучу враговъ и схватилъ знамя.

вдругъ лицо его все словно загорѣлось, точно заревой
золотистый лучъ упалъ на него и глаза засіяли моло-
дымъ огнемъ.—И потомъ... Кровь, знаете; тянетъ... Вспо-
мнишь, какъ бывало сидѣли въ траншеяхъ да отбивали
Француза, ну и мѣста не нашель себѣ дома... Именно
тянетъ. Вотъ и все... Если умирать, такъ здѣсь...

Иванъ Алексѣвичъ задумался. Предъ мысленнымъ окомъ старика вставалъ облитый кровью Малаховъ курганъ, слышалось грозное «ура» малочисленныхъ защитниковъ; впереди уже строились ряды отважно подступающаго врага, а издали прекрасное въ своемъ мирномъ покоѣ голубѣло и сіяло Черное Море... И самъ онъ вспомнилъ, какимъ тогда былъ. Какъ горѣли его глаза, какъ жадно дышала грудь: воздуху и простора!.. Онъ невольно вздохнулъ.

— Вамъ, кажется, тоже двадцать лѣтъ? спросилъ онъ.

— Да.

— И мнѣ тогда было двадцать... Да, хорошее, хорошее время. Жаль, что одинъ разъ только бываетъ молодость и счастье... Только разъ!.. Вы, Синявинъ, долго останетесь въ Систовѣ?

— Отдохну только. Мнѣ надо нагнать Брянскій полкъ. Вечеромъ выѣду дальше...

Петръ Ѳедоровичъ Синявинъ все еще былъ полонъ первыхъ весеннихъ впечатлѣній. Онъ доверчиво смотрѣлъ въ глаза людямъ и любилъ ихъ, и ему казалось, что и они за что-то должны также любить его. Последніе мѣсяцы въ школѣ онъ былъ истиннымъ мученикомъ и экзамены сдавалъ торопливо, «на ура»,—ему казалось, что онъ непременно опоздаетъ. Армія наша уже стояла въ Бессарабіи. Главнокомандующій жилъ въ Кишиневѣ, война не была объявлена, а Синявину чудилось, что нашъ авангардъ уже подходитъ къ Константинополю, что война кончится безъ него и онъ не извѣдаетъ того ощущенія, не узнаетъ того дѣла, къ которому такъ страстно готовился.

Война издали являлась ему прекрасною... Ему хотѣлось въ грозовой тучѣ пройти по міру, изумить всѣхъ своимъ героизмомъ, да такъ, чтобы его безвѣстное имя сразу стало всѣмъ и дорого и близко... Въ безсонныя ночи онъ зарывался головой въ подушку, весь горя молодымъ экстазомъ, представляя себѣ какъ онъ несется, во весь карьеръ, въ самый адъ стихійнаго боя, какъ ему

на встрѣчу стремятся пули, въ высотѣ картечью рвутся надъ самой головой шрайкели, ряды штыковъ грозятъ ему своими стальными жалами, а ему все ни почемъ. Онъ наклонился къ лукѣ сѣдла и прониоубываетъ молніей этотъ воздухъ полый смерти и ужаса. И когда близкіе говорили ему: «погоди, успѣешь», онъ восклицалъ тоскливо: «ахъ, нѣтъ, ей-Богу опоздаю!» и, окончивъ кое-какъ экзамены, немедленно подаль прошеніе о зачисленіи его въ дѣйствующую армію... Въ его памяти мелькаетъ теперь, въ эту минуту, точно въ явь, заплаканное лицо матери, ея тонкія руки, благословлявшія его въ послѣднюю минуту, и ея прерывавшійся рыданіями голосъ. Во всю эту дорогу, каждую ночь, смыкая глаза, онъ видѣлъ надъ собой эти тонкія, блѣдныя, благословляющія его руки, точно все еще мать была съ нимъ, провожая его горячею молитвой. Старикъ дядя крѣпился: «ну, смотри, Петя, будь молодцомъ, безъ Георгія не возвращайся»,— но и тотъ всхлипнулъ въ послѣдній разъ обнимая его.

Ему показалось что онъ полетѣлъ въ какую-то бездну.

«Неужели въ послѣдній?» переспросилъ самъ себя Петръ Федоровичъ... «Неужели мнѣ суждено остаться тамъ?» И онъ, казалось, пронизывалъ своимъ взглядомъ холмы и горы задунайской Болгаріи. «Тамъ. Тамъ!.. Нѣтъ, ра-

зумѣтся, съ чего такая глупость? Разумѣтся, я вернусь. Можетъ-быть раненымъ... Слегка!.. Я отниму тамъ пушку, что ли. Нѣтъ—знамя! Знамя лучше. И мнѣ Великій Князь предъ всѣмъ полкомъ повѣситъ на грудь Георгія, и я вернусь назадъ—въ Петербургъ, и мать будетъ такъ счастлива... И она кинется ко мнѣ... Кто это она?» задался онъ самъ этимъ вопросомъ. Дѣло въ томъ, что у него «ея» еще не было. Но «она» должна была быть и будетъ,—такъ полагалось по всѣмъ прочитаннымъ имъ до сихъ поръ романамъ... И «онъ» станетъ рассказывать «ей» и матери, какъ онъ бросился въ самый адъ, изрубилъ цѣлую кучу какихъ-то невѣдомыхъ ему враговъ и изъ самой кипѣни боя схватилъ знамя. Въ реляціяхъ напишутъ и всюду телеграфируютъ: подпоручикъ Синявинъ оказалъ подвигъ примѣрной храбрости и отличнаго мужества... И всѣ будутъ спрашивать, какой это подпоручикъ Синявинъ? И, вчера еще неизвѣстный никому, завтра онъ сдѣлается героемъ дня... Его пошлютъ въ Петербургъ къ Государю съ донесеніемъ. Онъ явится съ подвязанною рукой... И выйдетъ оттуда счастливый, съ вензелями на погонахъ... Вотъ онъ въ театрѣ. По столицѣ уже разнеслись его подвигъ и его имя. Всѣ только и говорятъ, что о немъ. Онъ скромно проходитъ въ первый рядъ, непременно въ первый.—«Вотъ, вотъ Синявинъ!» слышится кругомъ радостный шепотъ... «Который? Тотъ самый?»—«Да, тотъ самый!..» И сотни биноклей направляются на него, и незнакомые люди подходятъ и жмутъ ему руки... Старый генералъ рядомъ съ нимъ въ креслѣ поздравляетъ его и говоритъ: «Я былъ бы счастливъ, еслибъ имѣлъ такого сына». И мать его смотритъ изъ ложи и молодѣетъ отъ радости; она, все та же отвлеченная «она» тоже краснѣетъ въ восторженномъ порывѣ, что онъ «тотъ самый», выбралъ ее именно ее!..

А потомъ онъ возвращается въ армію флигель-адъютантомъ. Его хотятъ, въ главную квартиру, онъ отказывается и просится въ ряды. Его отпускаютъ... Онъ попадаетъ прямо въ разгаръ боя. Наши поколебались, от-

ступаютъ уже. Вотъ, вотъ минута, и растерявшіеся усталые побѣгутъ... Но да онъ смѣло кидается впередъ, вырываетъ у знаменщика знамя и кричитъ: «ребята, за мной, помнишь присягу!» И вся эта, еще минуту назадъ оторопѣлая масса бросается за нимъ какъ одинъ чело-вѣкъ, смываетъ прочь непріятеля, и ему-ему опять обя-заны побѣдой...

Воображеніе работаетъ во всю. Онъ уже командуетъ полкомъ, и полкъ этотъ считается первымъ въ арміи. «Синявинскій полкъ!» говорятъ кругомъ, и въ тонѣ это-го восклицанія слышится почтительное удивленіе. «Си-нявинскій полкъ! Ну еще бы не выиграть дѣло, если въ немъ участвовалъ Синявинскій полкъ!..»

И Петръ Ѳедоровичъ молодцовато выпрямляется на конѣ и грозно смотритъ предъ собой на тихія воды Ду-ная, воображая, что его полкъ, Синявинскій полкъ, строй-но двигается за нимъ. Да... тысячи смертей на встрѣчу, а они какъ на парадѣ, шоренги точно по линейкѣ вы-ровнены, въ ногу, офицеры на коняхъ, впереди играетъ веселая музыка.., Подъ маршъ, съ распущенными знаме-нами идутъ въ атаку, какъ на парадѣ, и Турки уже зна-ютъ, что это двигается на нихъ неустрашимый, безсмерт-ный Синявинскій полкъ, и выкидываютъ бѣлые флаги. Паша сдается. Онъ спрашиваетъ, гдѣ генераль Синя-винъ (изъ полковниковъ онъ уже перескочилъ въ гене-ралы), гдѣ Синявинъ? Тотъ, гордо сидя на бѣломъ араб-скомъ конѣ, говоритъ: «здѣсь, это я!» Паша отдаетъ ему свою саблю... «На какихъ условіяхъ вы сдаетесь?»—спра-шиваетъ его Петръ Ѳедоровичъ.—«На великодушіе по-бѣдителей!..» Онъ возвращаетъ саблю пашѣ и приказыв-ваетъ пуше зеницы ока беречь имущество военноплѣн-ныхъ. Ему даютъ Георгія на шею. Сотни, тысячи, десят-ки тысячъ телеграммъ шлются ему изъ всѣхъ концовъ Россіи. Его имя благословляютъ всѣ.

Но тутъ ему показалось, что земля разступилась у него подъ ногами и онъ полетѣлъ въ какую-то бездну.

Однако дно ея оказалось вовсе не такъ глубоко... Весь въ пыли Петръ Ѳедоровичъ поднялся... Въ ногѣ

почувствовала боль, усталая лошадь понурясь остановилась.

— Не ушиблись ли вы? участливо спрашивает его Иванъ Алексѣвичъ.

Увы! только теперь «тотъ самый генералъ Синявинъ» соображаетъ, что онъ всего только прапорщикъ, что его еще никто не знаетъ и что онъ даже не умѣетъ ѣздить верхомъ, потому что не удержался въ сѣдлѣ, когда лошадь его оступилась... Онъ сконфуженно поднимается, хмурится и чтобы чѣмъ-нибудь оправдать свое паденіе, говорить: «проклятая подпруга!» затягиваетъ ее, ловко вкладываетъ ногу въ стремя и сидитъ въ сѣдлѣ весь окруженный облакомъ пыли... Издали оно кажется золотымъ отъ этихъ преувеличенно яркихъ лучей солнца.

Генералъ, очевидно инженеръ, распекаетъ кого-то.

— Вы не ушиблись? повторяетъ свой вопросъ майоръ Глуховскій.—А то можно остановиться... Надъ нами не каплетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Пожалуйста. Ничего, это пустяки. Нога пройдетъ сейчасъ. Только потереть ее...

Но и потереть некогда... Лошади въѣзжаютъ на мостъ, гдѣ стоятъ часовыми саперы. Какой-то офицеръ въ бѣломъ кителѣ съ серебряными погонами идетъ мимо... Генераль очевидно инженеръ, распекаетъ кого-то. Петръ Ѳедоровичъ мгновенно теряетъ все свое величіе и форменно отдаетъ честь ему. Генераль его не замѣчаетъ. Синявину дѣлается ужасно обидно. Впереди, на томъ берегу Дуная, растеть Систово. Бѣлые дома у самой рѣки, бѣлые стройные минареты мечетей. Потомъ пустынный отвѣсъ берега и наверху опять бѣлые минареты, зеленныя шапки сливовыхъ деревьевъ и высокія, красныя черепичныя кровли домовъ изъ-за нихъ... Но какъ пусто тамъ! Точно чума прошла. На рѣкѣ никого, въ домахъ тоже. Оставленные хозяевами, они походятъ на какое-то кладбище.

А мечта работаетъ неустанно. Петръ Ѳедоровичъ уже забываетъ и не отвѣтившаго ему на его честь генерала, и это пустующее Систово. Онъ уже вновь на Балканахъ: боевая гроза только-что разгорѣлась, и опять онъ, Синявинъ, впереди, и опять солдаты бѣгутъ за нимъ, стараясь обогнать молодого героя. Турки отражены по всей линіи. Преслѣдуя ихъ, онъ на плечахъ у нихъ врывается въ ихъ редутъ, его съ бою, но въ послѣднюю минуту что-то сбрасываетъ его внизъ. Какъ будто обожгло его грудь. Онъ хватается за нее усталою рукой, и сквозь пальцы его сочится алая горячая струйка. Онъ раненъ? Подбѣгаютъ къ нему.—Нѣтъ убить!... спокойно отвѣчаетъ онъ. Его кладутъ на полотнище знамени и несутъ. Солдаты по пути строятся безмолвными рядами. Радецкій подходитъ къ нему и кладетъ на его голову руку.

— Благородный юноша! слышится умирающему.— Армія будетъ васъ оплакивать, какъ своего лучшаго героя, а отечество—какъ доблестнаго сына...

И вдругъ живому и здоровому пока Петру Ѳедоровичу такъ стало жаль себя, что онъ невольно прослезился надъ ожидающею судьбой и отвернулся даже отъ Івана Алексѣевича Глуховскаго, чтобы тотъ не замѣтилъ этихъ предательскихъ слезъ...

А копыта ихъ коней уже стучали по систовской мостовой, и, когда они проѣзжали кофейню, на встрѣчу имъ имъ неслись восклицанія и крики подкутившихъ тамъ Болгаръ.

Вечеромъ, отдохнувъ въ Систовѣ, Синявинъ собрался ѣхать далѣе.

— Куда вы? останавливали его...

— Какъ куда!? Помилуйте, — тамъ дерутся, — что же я здѣсь-то буду дѣлать?

— Оставьте! перебилъ убѣждавшихъ юношу офицеровъ Глуховскій. — Пусть ѣдетъ. Развѣ вы не видите, что у него горитъ все?

И, прощаясь съ нимъ старый маіоръ крѣпко обнялъ его и поцѣловалъ:

— Авось, Богъ дастъ, встрѣтимся!

Дорога была пустынна и тиха... Солнечный яркій день смѣнился ясною, задумчивою ночью. Мѣсяцъ серебрянымъ сіяніемъ обливалъ холмы и долины Болгаріи. Въѣхавъ на одну не большую гору и оглянувшись назадъ, Синявинъ, словно сквозь серебряный паръ различилъ свѣтлые разливы Дуная, медленно струившаго свои глубокія воды.

Тамъ, позади, оставалось все до сихъ поръ дорогое ему и близкое. Впереди ждала неизвестность, то, что называютъ судьбой — слѣпое, беспощадное, неизмѣнное.

Ему стало жутко. Теперь онъ былъ одинъ и уединеніе охватывало его чувствомъ страннаго опасенія. Онъ не зналъ, День смѣнился ясною, задумчивою ночью.

чего ему бояться, боролся съ этимъ, но помимо его воли сердце его билось сильнѣе и глаза зорко всматривались въ густыя тѣни роцъ, выбѣжавшихъ на дорогу, въ синеву глубокихъ ущелій, мимо которыхъ онѣ бѣжали... Самая дорога—тамъ гдѣ деревья отступали назадъ—была ярко освѣщена, и силуэтъ Синявина съ его лошадыю ложился на ней черно рѣзко. За то тамъ, гдѣ чинары и карагачи подступали къ ней, она вся уходила въ загадочныя, таинственныя потемки. Тутъ молодой офицеръ пріостанавливался, зорко всматривался въ нихъ и осторожно двигался впередъ, держа про всякій случай руку на кобурѣ съ револьверомъ.

II.

Одиночество, ночью, въ только-что завоеванномъ краѣ—далеко не успокоивало его возбужденные нервы... Онъ слишкомъ много читалъ и слышалъ о партияхъ баши-бузуковъ, пробиравшихся въ придунайскую Болгарію, проходившихъ по ней ночью (днемъ они спали во рвахъ и густолѣсьяхъ) и не щадившихъ никого, кто имъ попадался на встрѣчу. Безславная невѣдомая смерть здѣсь—ни за что, ни про что—не привлекала Петра Ѳедоровича. Когда онъ рисовалъ себѣ картину неожиданнаго нападенія и мученическую кончину здѣсь, ему казалось, что какая-то холодная, какъ ледъ, рука сжимаетъ, болѣзненно сжимаетъ его сердце. Онъ; нервно вздрагивая. дергалъ за уздечку, и его конь, поматывая головой, прибавлялъ шагъ...

Въ потемкахъ, тамъ, гдѣ деревья обступали дорогу, узловатыя вѣтви надъ ней казались ему чьими-то неожиданно протягивавшимися руками. Вотъ-вотъ, такъ и схватятъ его эти руки и сбросятъ съ коня, и онъ пугливо обертывается назадъ, и ему чудится что по сторонамъ,

въ чернолѣсѣ, рядомъ съ нимъ и по одноиу направле-
нію, скользятъ, крадутся, то пригибаясь къ самой землѣ,
то прижимаясь къ стволамъ и прячась за нихъ, то вы-
ступая и перебѣгая отъ одного къ другому, какіе-то бѣ-
лые силуэты.

Онъ останавливалъ коня и прислушивался, но ухо
его улавливало только біеніе его собственнаго сердца...
И опять кругомъ сдвигала вокругъ него свои зловѣщіе
призраки эта казавшаяся ему безконечною ночью, и толь-
ко въ недотягаемой вышинѣ неба царствовалъ кроткій
свѣтъ луны, едва-едва проступая въ немъ, мигали, буд-
то смаргивая слезинки, робкія звѣзды... Негодуя на са-
маго себя, уже вслухъ называя себя презрѣннымъ тру-
сомъ, онъ давалъ щпоры коню, и тотъ, точно просыпа-
ясь, рысью бросался впередъ. Но Синявинъ тотъ часъ-
же соображалъ, что дѣлаетъ глупость, что конь усталъ,
и если онъ его будетъ торопить, бѣдное животное по-
жалуюй протянетъ ноги на пути. Разъ ему послышалось
что-то... Но это была уже не галлюцинація слуха, а
дѣйствительные звуки доносились къ нему.

Онъ опять пріостановился: далеко, далеко—такъ да-
леко, что сюда долетали только отзвучія—выли волки.
Лошадь насторожила уши, и Синявинъ замѣтилъ, какъ
подъ ея кожей пробѣжала дрожь. Эта дрожь сообщилась
и ему. Онъ уже начиналъ горько раскаиваться, что
послушался своего молодого нетѣрпѣнія, а не совѣтовъ
благожелательныхъ товарищей... Теперь бы онъ спалъ
спокойно на коврикѣ, въ одномъ изъ оставленныхъ Тур-
ками домовъ Систова и снились бы ему счастливые сны.

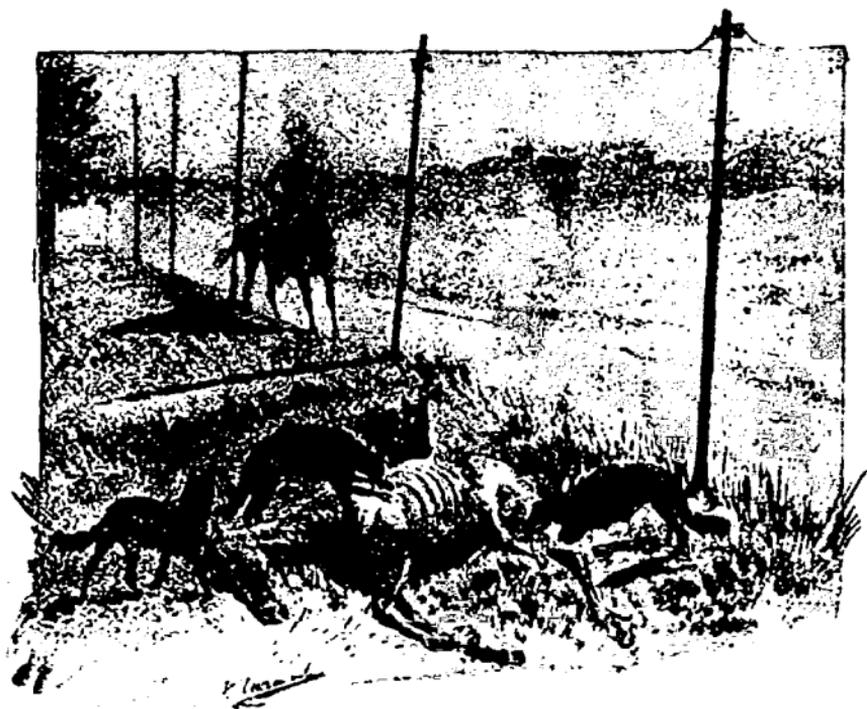
А спать его такъ и клонило. Цѣлый день въ пути
подъ жарой—давалъ себя знать. Утомленіе охватывало
молодаго офицера и отъ крайней настороженности и
болѣзненнаго возбужденія слуха и зрѣнія онъ вдругъ,
какъ ему казалось, падалъ въ какую-то пропасть, все
кругомъ точно пропадало у него изъ глазъ, уходило
куда-то, и онъ колыхался на сѣдлѣ, смыкая вѣки и
инстинктивно упираясь носками въ стремяна. Ему такъ
сладко, такъ хорошо становилось въ подобныя мину-

ты. Что-то нѣжное, ласковое проникало въ его душу. Все кругомъ въ такія мгновенія—и мѣсяцъ, и эта бездна темнаго неба, и благоговѣйно безмолствовавшая земля точно таились, чтобы какъ-нибудь не разбудить его; но, раскачавшись, онъ пригибался къ лошади на шею, тыкался о луку, и широко, разомъ раскрывалъ глаза, испуганный чѣмъ-то. Разъ ему даже почудился крикъ какой-то. Онъ встрепенулся и замеръ. Ощущеніе ужаса бѣжало по его похолоднѣвшему тѣлу, но въ природѣ казалось не было ничего, что бы его оправдывало... Черезъ нѣсколько времени, когда онъ также заснулъ, лошадь его шарахнулась въ сторону, и съ просонья онъ ухватился за ея гриву, тѣмъ только и удержался въ сѣдлѣ... Всмотрѣлся—предъ нимъ на дорогѣ, какъ нарочно здѣсь ярко освѣщенной мѣсяцемъ, что-то черное, рѣзко черное, растянувшееся, кажущееся громаднымъ. Сердце у него заколотилось, какъ птица въ клѣткѣ. Кто-тамъ притаился... Онъ крикнулъ. Отъ черной массы отбѣжала какая-то тѣнь и осторожно понеслась впередъ по дорогѣ. Онъ вынулъ револьверъ и поскакалъ туда прямо... «Ужь не лучше ли вернуться назадъ въ Систово? пришло ему въ голову.— Нѣтъ... Срамъ какой! Вѣдь тамъ засмѣютъ его всѣ... Покой не будетъ...»

Тѣмъ не менѣе онъ тихо подвигался и подвигался. Вѣтромъ, пахнувшихъ вдругъ, нанесло на него отвратительный запахъ гнѣющаго тѣла. У Синявина отъ этого даже голова закружилась. Онъ зажалъ носъ и далъ шпоры коню. Проносясь мимо онъ, замѣтилъ палаго коня съ выѣденными боками, изъ которыхъ торчали оголившіяся ребра. Кожа была тоже ободрана. Когда онъ совсѣмъ не ожидалъ этого, изъ-за хребта мертваго животнаго, поджавъ хвостъ и пугливо озираясь на него, выскочила и по полю пронеслась другая собака. Странное дѣло, эти одичалые псы точно разогнали на нѣсколько времени ужасы томительной ночи. Были живыя существа, и Синявину становилось легче, гораздо легче...

Но когда онъ отбѣхалъ и обступила чаща, опять знакомое чувство тоски подкралось къ нему, и призракъ

страха понесся рядомъ съ нимъ, голова въ голову съ его конемъ, заглядывая своими слѣпыми очами прямо въ ли-

Проносясь мимо, онъ замѣтилъ палаго коня.

по этому блѣдному всаднику.— Да, какая страшная эта ночь! думалъ онъ и, точно ободряя себя, начиналъ то что-то говорить вслухъ, то смѣяться, то пѣть... Но голосъ его звучалъ такъ дико, такія незнакомыя нотки вздрагивали въ немъ, что онъ пугливо озирался, не говоритъ ли, смѣется и поетъ другой кто? Повторивъ раза два это, онъ уже не осмѣливался больше продолжать этихъ опытовъ.

Но одинъ мигъ и ему стало легче.

Подъ мѣсяцемъ блеснули вдали какіе-то золотистые силуэты... Онъ подъѣхалъ ближе: оказались черепичныя и соломенные кровли. «Слава Богу, деревня, люди!» Радостный, возбужденный, онъ понесся туда. О, какъ ему

хотѣлось услышать въ эту минуту голосъ человѣка. увидать подобнаго себя! Никогда во всю жизнь онъ еще не любилъ такъ людей, какъ въ эти мгновенія... Можетъ быть онъ увидитъ Болгарь, которые не поймутъ его,— все равно, лишь бы ему не быть одному.

Ближе и ближе деревня. Спать должно-быть. Никакъ голоса оттуда? Онъ даже крикнулъ что-то дикое, но громко,— ему не отозвался никто. Онъ повторилъ свой крикъ, то же молчаніе. Вотъ и первыя хаты... Что это, ставни болтаются, двери вездѣ отперты? Онъ сошелъ съ коня, взялъ его подъ уздцы, заглянулъ въ одинъ домъ—ни души, въ другой—тоже. «Да есть ли здѣсь живой человѣкъ?»...

Не зная зачѣмъ, онъ вынулъ изъ кобура револьверъ и выстрѣлилъ,—та же тишина. Гулъ выстрѣла заглохъ въ вершинахъ деревьевъ, въ путаницѣ соломенныхъ кровель, и умолкъ, разбѣжавшись кругомъ. И опять ничего. Ночь молчитъ, безмолвствуетъ небо, земля, деревья притаились и ждутъ. На одну миуту ему пришло было въ голову забраться съ лошадыю въ одну изъ этихъ хижинъ и дожидаться тамъ утра. Но оставленное человѣкомъ жильѣ ужаснѣе безлюдной пустыни, и онъ выѣхалъ вонъ изъ этой деревни, выѣхалъ скорѣе, и успокоился только тогда, когда его опять окружили поля и рощи...

Блѣднѣя отъ негодованія на свою «трусость», какую ему чудилось все больше и больше охватывавшее его нервное состояніе, онъ начиналъ желать настоящей опасности. Она бы его отрезвила, привела въ себя. Присматриваясь и прислушиваясь къ тому что въ немъ творилось въ такія минуты, онъ задавался вопросомъ: «Неужели же это я,—малодушный, способный бѣжать отъ однихъ призраковъ?.. Вѣдь этакимъ образомъ мнѣ нельзя будетъ показаться въ бой, я побѣгу съ поля сраженія и стану посмѣшищемъ товарищей. Ко мнѣ всѣ, всѣ, дая же Иванъ Алексѣвичъ, потеряютъ всякое уваженіе, мнѣ перестанутъ подавать руку.

Ему доставляло странное удовольствіе беречь себя въ этомъ направленіи и, какъ недавно еще воображеніе

рисовало ему будущность лавровѣнчаннаго героя, теперь оно создавало ему инныя картины. Вотъ его подняли спрятавшагося изъ какого-нибудь рва. Блѣднаго и растеряннаго его ведутъ къ полковому командиру. Тотъ хмурится при одномъ его видѣ. Прапорщикъ Синявинъ? и онъ прячетъ руку въ карманъ, чтобы не подать ее Петру Ѳедоровичу.—Вы мараете честь мундира. Вы позорите нашъ славный полкъ. У насъ еще никогда, никогда не было трусовъ!.. «Да, я—трусъ, дѣйствительно трусъ, самый отчаянный и низкій трусъ!»

Соображая, онъ чувствуетъ, что кровь приливаетъ у него къ вискамъ и мозгъ его точно становится свинцовымъ. «Да, я именно трусъ»...

Но тутъ сама судьба пришла на помощь... Ему слышался вдали крикъ живаго существа. Странное дѣло, крикъ былъ полонъ ужаса и смятенія, но достаточно было ему раздаться, раздаться дѣйствительно, а не явиться въ его воображеніи, чтобы въ Петръ Ѳедоровичъ точно проснулся кто-то другой, а не онъ, кто-то совсѣмъ ничего общаго не имѣющій съ тѣмъ Синявинымъ, котораго онъ зналъ всю эту безконечно длившуюся ночь.

Крикъ повторился еще отчаяннѣе, чѣмъ прежде. И Петръ Ѳедоровичъ будто воскресъ. Уже не соображая трусъ онъ или нѣтъ, выхватилъ опять револьверъ и, рискуя разрѣзать бока утомленному коню, далъ ему такія шпоры, что тотъ, вытянувъ шею впередъ, стремглавъ понесся по направленію крика.

Теперь Синявинъ зналъ только, что тамъ дѣйствительная опасность, что кому-то, кто кричитъ такимъ предсмертнымъ крикомъ, онъ нуженъ сейчасъ, сію минуту.

Конь его рѣзалъ пространство, воздухъ свисталъ мимо ушей молодаго человѣка. Дорога здѣсь огибала выступъ небольшой роши. Онъ уже у самага ея излома. Гвалтъ слышится, за нимъ голоса. Какъ вихрь молодой офицеръ налетѣлъ на свалку, казавшуюся издали какимъ-то живымъ клубомъ. Въ сторонѣ стояла «каруцца», запряженная двумя лошадьми, въ эту минуту мѣрно и сильно

помахивавшими хвостами, а рядомъ возилось и боролось что-то живое, не замѣчавшее въ пылу борьбы приближенія нежданнаго путника.

Какъ вихрь молодой офицеръ налетѣлъ на свалку.

На первыхъ порахъ Синявинъ понялъ только одно, что Румынъ, извозчикъ «каруццы», съ другимъ Румыномъ бросили о земь какую-то Болгарку и зачѣмъ-то ташутъ ее за уши. Въ слѣдующее мгновение, прежде

чѣмъ они успѣли опомниться, онъ сообразилъ, что они съ кровью и мясомъ рвутъ у нея серьги. Болгарка отчаянно билась и кричала.

— Мерзавцы! прокричалъ Синявинъ и ближайшаго къ нему Румына угостилъ такимъ ударомъ револьверною ручкой въ голову, что тотъ покотился какъ подкошенный.

Другой кинулъ ему какое-то ругательство и схватился за ножъ, висѣвній на поясѣ, но тутъ уже кровь ударила въ голову Петру Федоровичу.

Видъ бѣдной женщины, изъ ушей которой текла кровь, ослѣплялъ его. Онъ бросился на грабителя, грудью лошади свалилъ его на землю и, схвативъ нагайку, началъ, уже ничего не соображая, бить его по лицу, по груди,—по всему, что ему попадалось подъ руки. Ограбленная въ это время поднималась съ земли и со стопами и рыданіемъ старалась удержать кровь... Синявину показалось этого мало. Онъ соскочилъ съ коня, поднявъ Румына за шиворотъ съ земли и, не обращая вниманія на другаго, еще лежавшаго въ безпамятствѣ, представилъ первому дуло къ виску, такъ что тотъ исполованный, со вздутымъ лицомъ, только поводилъ выпученными глазами, очевидно ожидая выстрѣла каждую минуту. Онъ даже не успѣлъ выпустить изъ рукъ пояса своей жертвы, съ серебряными крупными пряжками, какіе носятъ Болгарки. Только замѣтивъ все болѣе и болѣе надувавшіеся и наливавшіеся кровью шрамы отъ его ударовъ, Синявинъ поддался чувству невыносимаго отвращенія. Ему, въ первый разъ въ жизни, подъ вліяніемъ негодованія, пришлось поднять руку на человѣка, не въ бою даже. Онъ ткнулъ его ногой. Румынъ упалъ.

— Ты откуда? обратился онъ къ болгаркѣ.

Изъ ея разказа, прерывавшагося слезами и криками боли, онъ понялъ кое-какъ, что она шла въ деревню, которая находится еще на разстояніи одного «саата и поль» (полтора часа), когда ей встрѣтились два Румына, ѣхавшіе на Дунай. Они вздумали овладѣть ея серьгами и поясомъ. Дѣвушка стала сопротивляться, это

разозлило ихъ и они стали уже безцеремонно рвать серги изъ ея ушей.

— Есть ли телеграфъ въ твоей деревнѣ? наивно спросилъ онъ.

Она опять пустилась въ запутанный рассказъ, и Синявинъ понялъ, что въ деревнѣ стоятъ казаки и что ихъ сейчасъ же можно будетъ командировать въ погоню за этими негодяями. Онъ было хотѣлъ уже поѣхать съ освобожденною имъ женщиной по направленію къ этой деревнѣ, какъ ему пришла въ голову блестящая мысль. Онъ поискалъ въ каруцѣ и нашелъ веревки. Взялъ ихъ и, пригрозивъ Румыну револьверомъ, крѣпко связалъ ему руки и ноги, потомъ продѣлалъ то же самое съ другимъ,

Она сѣла на спину лошади и охватила Синявина.

только-что еще начавшимъ приходить въ себя, и, кончивъ это, предложилъ дѣвушкѣ идти съ нимъ... Радостная, благодарно смотря въ глаза своему избавителю, она пошла рядомъ, взявшись рукой за его стремя. Нѣсколько разъ оглянувшись съ сѣдла на нее онъ замѣтилъ, что

она очень красива. Прелестные глаза съ нѣскольکو навивнымъ, застѣнчивымъ выраженіемъ довѣрчиво смотрѣли на него...

— Однако, какая я скотина! вырвалось у Петра Федоровича:—застанляю раненую идти пѣшкомъ...

Ему съ минуту жаль было коня, но потомъ онъ рѣшился и приказалъ ей сѣсть позади. Она, очевидно, только и ждала этого, привычно вложила босую ногу съ освобожденное имъ стремя, сѣла по-мужски прямо на спину лошади и обхватила Синявина сильными руками. Ему стало хорошо и весело на душѣ. Впервыхъ, онъ убѣдится, что онъ не трусь, что раньше у него такъ только нервы шалили; вовторыхъ, близость красивой, спасенной имъ, именно имъ, дѣвушки приводила его опять въ восторженное состояніе.

— Ахъ, жаль, нельзя сняться съ ней такъ... въ фотографіи, и послать мамѣ и всѣмъ товарищамъ... Нѣтъ, значить я не трусь, совсѣмъ не трусь!

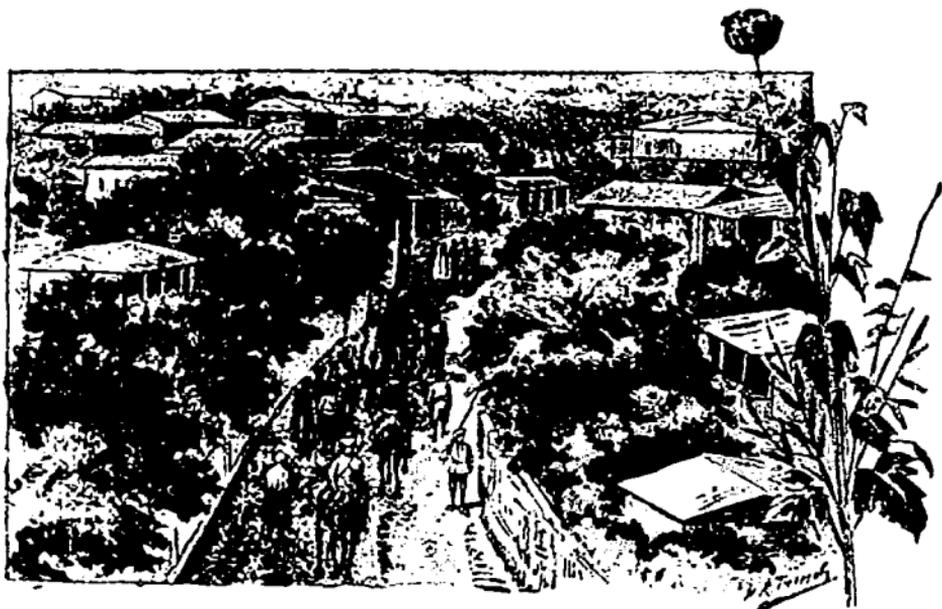
И что-то точно сѣло въ его душѣ и онъ влюбленно самъ на себя любовался, благословляя это неожиданное приключеніе.

III.

Весело шумить свѣтловодная Янтра, пробѣгая черезъ тихое нынѣ Габрово,—такъ весело и радостно, точно ей свѣтлый праздникъ вырваться наконецъ изъ балканскихъ ушелій и захолустій... Лощину, по которой несется она, называютъ въ Болгаріи «зеленою», и дѣйствительно здѣсь тѣнь и прохлада. Чѣмъ-то идиллическимъ вѣетъ на васъ отъ садовъ и рошъ, раскинувшихъ свои кудрявыя вершины надъ красивою рѣкой. Двухъ-этажные пестро расписанные дома спустились къ самой водѣ... На узкихъ улицахъ кишмя кишитъ народъ. Отъ «бѣженцовъ»-Бол-

гарь, спасающихся изъ-подъ турецкаго ножа по ту сторону Балканъ и толпами заполонившихъ этотъ городъ, — дѣваться некуда. Ихъ говоръ и крики покрываютъ порою громкій шумъ Янтры, даже тамъ, гдѣ она необузданно перенесется подъ перегородившими ея теченіе горбатыми мостами. Кряжи береговъ, кажется, нарочно сдвигаются, чтобы сбросить этотъ городъ въ воду. Только на югѣ ущелье Янтры раздвинулось, и проѣзжающій по улицамъ города Петръ Ѳедоровичъ Синявинъ не можетъ глазъ отвести отъ чудной картины, раскидывающейся тамъ, во всемъ своемъ великолѣпїи. На темносинемъ сегодня небѣ ни облачка. Только вершины Балканскихъ горъ рисуются на немъ, одна смѣняясь другою, напоминающая ступени чудовищныхъ лѣстницъ, и выше всѣхъ Св. Николай. Синявинъ даже вздрогнулъ, когда ему Болгаринъ назвалъ эту гору.

На узкихъ улицахъ Габрова кишитъ народъ.

Такъ вотъ это священное мѣсто, о которомъ еще въ Россїи онъ мечталъ съ такою болѣзненною тоской! Тамъ, цѣлое море крови, ужаса... Тамъ смерть царитъ во всемъ

своемъ могуществѣ, долины заволокъ дымъ отъ безчисленныхъ пожарищъ. За то здѣсь, къ сѣверу отъ Св. Николая, тишина. Онъ какъ часовой сталъ на рубежѣ и хранить миръ и покой придунайской Болгаріи. Золотясь на солнцѣ, лѣниво дозрѣваютъ горныя нивы. Тихимъ вечеромъ и яснымъ утромъ сады курятся неисчислимыми араматами. Большія деревни извиваются по дну ущелій, и медлительно, не глядя на войну, обычнымъ порядкомъ совершается въ нихъ трудовая жизнь болгарскаго крестьянина. Только изрѣдка, выходя на верхъ, онъ съ любопытствомъ вперяетъ свой взглядъ на вершину Св. Николая. Надъ ней то и дѣло словно взрываются бѣлыя пуховинки. И онъ понимаетъ, что это дымъ отъ артиллерійскихъ выстрѣловъ... Тамъ, въ самомъ орлиномъ гнѣздѣ, вперивъ внимательные взгляды на югъ, въ дымящіяся пожарища Долины Розъ, стоитъ горсть русскаго передоваго отряда, горсть сѣрыхъ солдатъ, прислонившіяся къ скаламъ. Ихъ немного. Малы батареи, вооружившія горы, рѣдки орудія. Но долины болгарскія столько же знаютъ эти батареи, какъ въ послѣдствіи узналъ ихъ цѣлый міръ... Это—Шипкинскій отрядъ!

«Такъ вотъ оно, вотъ!» И сердце Петра Ѳедоровича забилось радостно и возбужденно. «Такъ вотъ оно!» повторилъ онъ бессмысленно самъ про себя, не отводя взгляда отъ этихъ горныхъ вершинъ, и ему хотѣлось раскинуть крылья и ринуться туда, только поскорѣй, поскорѣй.

Онъ уже перемѣнилъ коня въ Тырновѣ. Тотъ не вынесъ тяжести похода и вьюки сбили ему спину. Конь, купленный имъ у бѣжавшаго изъ долины Марицы Болгарина, оказался сильнѣе и лучше. Онъ почти не усталъ, сдѣлавъ громадный переходъ въ Габрово, и когда здѣсь молодой офицеръ подкормилъ его, давъ предварительно отдохнуть, конь казался совершенно свѣжимъ.

У коменданта города, Синявина накормили и напоили чаемъ, предложили переночевать здѣсь, но тому не сидѣлось. «Какъ можно!» съ ужасомъ даже спросилъ онъ, вызвавъ улыбку на добродушныхъ лицахъ офицеровъ,

«какъ можно!» А самъ съ трепетнымъ любопытствомъ, какимъ-то влюбленнымъ взглядомъ всматривался въ нихъ, повторяя про себя: «Это все Шипкинцы». И точно онъ въ простыхъ и ничего не значущихъ линияхъ и чертахъ этихъ самыхъ обыкновенныхъ людей хотѣлъ прочесть разгадку ихъ подвиговъ, еще недавно волновавшихъ цѣлый міръ своимъ легендарнымъ героизмомъ.

— Чего вы это? спрашивали его тѣ; тихо улыбаась.

— Помилуйте! краснѣлъ онъ:—да вѣдь о васъ скоро начнутъ сказки рассказывать.

— Ну, и пусть ихъ!

На Шипкинскія позиціи онъ выѣхалъ тотчасъ же, какъ только казакъ доложилъ ему, что лошадь, его поѣла и напилась.

— Пора! порывисто вскочилъ онъ и поблѣднѣлъ.

Да еще бы, вѣдь вотъ сейчасъ, сейчасъ должно начаться. Что?—онъ не зналъ самъ, но именно то самое, къ чему онъ готовился, о чемъ мечталъ и думалъ все это время.—Пора...

Съ нимъ вмѣстѣ собирались ѣхать туда два офицера Минскаго полка. Имъ хотѣлось еще отдохнуть, но Синявину не сидѣлось... Весь раскраснѣвшійся онъ вскочилъ, пристегнулъ саблю, заботливо оправился, съ досадою взглянулъ въ зеркало на свою лищенную еще всякой поросли губу, пощипалъ ее пальцами, точно желая тѣмъ убѣдиться, что на ней дѣйствительно еще ничего не выросло, и вышелъ въ дверь. Казакъ уже держалъ подъ уздцы его коня. Тотъ поводилъ ушами и храпѣлъ, ожидая всадника.

— Ну, ты... турецкая животная! дернулъ его казакъ, показывая очевидное презрѣніе ко всему не своему.

— Она не турецкая, а болгарская! вступился за своего коня юноша.

— Все одно, ваше благородіе, что Бургары, что Турки. Только Турки, значить, вѣрны своему еултану, а Бургары бунтуютъ.

«Вотъ тебѣ и на! невольно остановился Синявинъ надъ этимъ своеобразнымъ толкованіемъ.—Вотъ тебѣ и

на!.. Неужели же въ самомъ дѣлѣ народъ такъ думаетъ объ этой освободительной войнѣ?»

Спутники его скоро догнали дальше. Они медленно уже ѣхали по запруженнымъ обозами и людьми Габровскимъ улицамъ. Петръ Ѳедоровичъ съ жадностью прислушивался къ ихъ разговорамъ о трехдневной героической оборонѣ Шипки и не могъ изрѣдка не восклицать:

— Нѣтъ, вѣдь какое несчастье мнѣ всегда!

— Какое еще!.. для несчастья-то вы слишкомъ молоды.

— Въ самомъ дѣлѣ, и зачѣмъ мнѣ вздумалось кончать курсъ держать экзамены?.. Только Шипку прозѣвалъ.

— Ничего, вы еще свое наверстаете...

Только когда ущелье раздвинулось и городъ остался позади, они вздохнули свободнѣй и, прищпоривъ коней, рысью понеслись вдоль Янтры къ вершинамъ, казавшимся теперь уже такими близкими... Вотъ онѣ, эти твердыни, воздвигшіяся самою природой, сдѣлавшіяся святыней для Русскаго народа. Вотъ онѣ!.. И, не обращая вниманія на то, что онѣ перестаетъ управлять лошадыю, что она то и дѣло спотыкается, Синявинъ уже не отводилъ взгляда отъ нихъ, переводя его на лица своихъ спутниковъ, точно искалъ въ нихъ отраженіе той славы, которая на вѣки вѣчныя увѣнчала эти темяни смѣло поднявшихся горъ. Что-то ухнуло тамъ. Выстрѣлъ покотился по ущельямъ и замеръ далеко, далеко... Вдругъ послышался другой ему въ отвѣтъ. «Начинается!» сорвалось у офицера.

— Что, что начинается? спросилъ его Петръ Ѳедоровичъ:—Бой, да?.. И онѣ уже готовъ былъ стремглавъ скакать туда.

— Нѣтъ, нѣтъ... Не торопитесь. Ничего особеннаго. Обычное. Это каждый день.

— Какъ каждый день?

— Да такъ: наши батареи разговариваютъ съ турецкими... Мы къ этому привыкли уже.

— Мы спимъ подъ тѣнью турецкихъ гранатъ! засмѣялся другой спутникъ.—Только не тѣхъ, которыя ро-

стуть на землѣ... пояснилъ онъ, видя на лицѣ своего молодого сосѣда недоумѣніе.

— Ахъ, право, вы не повѣрите какъ я боюсь... вырвалось у того.

— Чего это вы боитесь?

— Какъ бы мнѣ не сконфузиться, какъ бы не оказаться недостойнымъ чести служить на Шипкѣ. Вѣдь на насъ смотреть вся Россія теперь!

Они переглянулись съ добродушною улыбкой. Очевидно, они сами пережили когда-то все это и привыкли уже къ этой чести.

А сердце его билось все сильнѣе и сильнѣе. Эти выстрѣлы отзывались въ его груди и изъ нея въ голову поднимался какой-то угаръ молодого восторга. Его глаза такъ горѣли, онъ съ такимъ выраженіемъ счастья оглядывался кругомъ, что офицеръ, постарше, ѣхавшій справа отъ него, засмѣялся даже.

— Чего вы?.. казалось спустился онъ точно съ облаковъ.—Чего вы?

— Такъ. И жаль мнѣ васъ, и радъ я за васъ.

— Почему это?

— Да какъ же... Въ васъ именно много того матеріала, изъ котораго дѣлаются георгіевскіе кавалеры, но за то и...

— Чтò и..? Чтò и..? добивался польщенный юнона.
—Чтò и..?

— Нѣтъ, такъ я... безсознательно!

Ему не хотѣлось кончать своей фразы: ему жаль было юношу, потому что сто разъ раньше Георгіевскаго креста онъ могъ получить простой деревянный. Офицеръ зналъ такихъ, какъ этотъ,—они гибли десятками на его глазахъ,—и понималъ, что холодными совѣтами не остановитъ ихъ молодого увлеченія. Напротивъ благородіе окружающихъ только окрыляетъ молодыхъ орлятъ, они точно хотятъ всѣмъ передать свой жаръ и свои воинственные восторги...

Дорога тутъ уже пошла вверхъ... Пустынная, тихая... Издали доносились звуки артиллерійскаго боя... Казалось,

цѣлый адъ тамъ кипѣлъ и грохоталъ. Здѣсь все было еще мирно и спокойно. Только у одной скалы, куда повернула дорога, онъ невольно вздрогнулъ. Еще бы... Имъ пришлось проѣзжать мимо перевязочнаго пункта. Тихіе словно подавленные, стоны донесли до Петра Ѳедоровича. Инстинктивнымъ движеніемъ руки онъ остановилъ коня... Весь въ поту и смертельной истомѣ молодой докторъ, сбросивъ сюртукъ, возился надъ чѣмъ-то. Только когда Синявинъ втотрѣлся, онъ убѣдился, что это «что это» движется и корчится подъ его сильными, привычными руками. Изрѣдка это что-то вскрикивало... — Здравствуйте, Кондаковъ! крикнулъ его спутникъ доктору.

Тотъ только отмахнулся рукой. «Ну-де васъ! Не до того»...

Докторъ подошелъ къ нашимъ всадникамъ.

— Все мясничаете? весело спросилъ другой.

Петръ Ѳедоровичъ не могъ понять, какъ въ такую минуту.

— Да... Особенно сегодня... и докторъ, кончивъ съ раненымъ, подошелъ къ нашимъ всадникамъ.—Мясничае-ете! Сегодня—все вотъ такіе раненые!.. кивнулъ онъ въ сторону къ лежавшимъ.—Огнестрѣльныхъ нѣтъ. Только двѣ ружейныя пули вынулъ. А то все артиллерійскіе... Ну, а эти пострашнѣе будутъ. Тутъ уже если во-время не отхватилъ руки или ноги, пиши пропало и давай паспортъ на тотъ свѣтъ....

Петръ Ѳедоровичъ со страстнымъ любопытствомъ всматривался въ лежавшаго. Очевидно, тому приходится уже заботиться о паспортѣ. Лицо синее синее. На немъ точно выросли и округлились воспаленные глаза. Волосы смоченные потомъ и взъерошенные торчатъ во всѣ стороны.

— Этотъ какой?

— Брянскаго! шепотомъ отвѣчаетъ докторъ.—Да что, еще тише говорить онъ.—Напрасно только мучили его. Кончается...

«Брянскаго... и я Брянскаго», звучитъ въ ушахъ и сердцѣ Синявина, и онъ слѣдитъ, какъ по лицу умирающаго бѣгутъ, именно бѣгутъ, какія-то тѣни... одна за другою... И послѣ каждой въ глазахъ его отражается все больше и больше ужаса.. Грудь не дышетъ, а какъ-то всхлипываетъ, и каждый разъ, какъ поднявшись, она опускается, на разорванномъ сюртукѣ вскипаетъ новая кровь...

— Ой... горитъ... горитъ! слышится Синявину.

— Осколкомъ гранаты въ грудь угодило, поясняетъ Кондаковъ.—Все перевернуло тамъ. Удивляюсь, какъ еще дышетъ.

Вотъ двое солдатъ волокутъ еще. На носилкахъ лежитъ что-то... Это видно по очертаніямъ взгорбившейся шинели, которою тотъ покрытъ... Оттуда уже не доносится ни жалобъ, ни крика. Кондаковъ подходитъ, отворачиваетъ полу шинели и мелча отходить, указывая помощникамъ-санитарамъ далеко за скалу. Тѣ относятся туда свою ношу и бережно выкладываютъ изъ нея что-то. Петръ Ѳедоровичъ видитъ, что тамъ уже нѣсколько

такихъ... Ему бросаются въ глаза торчашія изъ подъ шинели ноги. Ступнями впередъ лежитъ онъ и ни одинъ членъ не шевельнется. «Убитые», соображаетъ онъ и невольно снимаетъ шапку и крестится. Оглядываясь на товарища, онъ убѣждается, что тотъ дѣлаетъ то же самое.

— Ну, голубчикъ! ласково говоритъ онъ ему:—здѣсь мы съ вами простимся. Дальше ужъ вы одни. Путь вправо и прямо. Не собьетесь. На первыхъ позиціяхъ спросите, гдѣ Радецкій, и представитесь ему...

Они крѣпко жмутъ другъ другу руку и расстаются. Двое его спутниковъ остаются съ докторомъ. Петръ Ѳедоровичъ одинъ ѣдетъ далѣе... Солдаты попадаютъ на встрѣчу. Утомленные, блѣдные, почернѣвшіе на балканскомъ солнцѣ... Онъ съ зоркимъ любопытствомъ всматривается въ нихъ. «Шипкинцы!» вслухъ отвѣчаетъ онъ самъ себѣ и, оглядывая, провожаетъ ихъ нѣжнымъ, полнымъ радостнаго удивленія взглядомъ... «А раны какія—ужасъ! Тому такъ полголовы отхватило...» И онъ весь такъ и вздрогнулъ... Неужели и съ нимъ будетъ то же самое?

Здѣсь начиналась сѣдловина. Между двумя горами, какъ мостъ, тянулся узенькій гребень.

Все было тихо; но стоило только Петру Ѳедоровичу показаться на немъ, какъ справа, точно пчела запѣла у него надъ ухомъ. Еще шагъ—и слѣва что-то съ тихимъ жалобнымъ свистомъ пронзило воздухъ. Онъ приостановился, ничего не понимая... По сторонамъ—горные скаты. Вотъ поднялись другія горы... «Откуда это налетѣли шмели?» Вдругъ одинъ съ силой ударился въ землю у самага копыта его лошади, и легкой клокъ пыли поднялся изъ-подъ него... «Пуля!.. Вздрогнулъ Петръ Ѳедоровичъ, да откуда же она?» и только сейчасъ сообразилъ, что эта сѣдловина, по которой надо добратъся до позиціи Св. Николая, совсѣмъ открыта, и что Турки справа и слѣва бьютъ на ней каждыга проѣзжающаго... «Ахъ... Вотъ что!»... и Синявинъ нервно торопилъ коня. Тотъ прибавилъ рыси, но и шмели точно этого только

и ждали; понесся онъ—и рой ихъ совсѣмъ окружилъ его... Онъ теперь уже чувствовалъ этотъ свистъ и справа, и слѣва, и предъ собою. Ему казалось, что свинцовыя пчелы переполнили весь воздухъ, что онъ долженъ раздвинуть ихъ прежде чѣмъ достигнетъ цѣли... Только доскакавъ до середины этого гребня, Синявинъ вдругъ опомнился.

Синявинъ нервно торопилъ коня.

— Боже мой, Боже мой! И я смѣю еще о Шипкѣ мечтать. Воображаю, если меня видятъ откуда-нибудь,— какъ смѣются надъ моею трусостью...

Онъ разомъ взялъ себя въ руки и натянулъ поводья. Лошадь храпя остановилась. Онъ выдержалъ себя, стоя съ минуту, стараясь привыкнуть къ свисту и жужжанію пуль... «Вѣдь которая слышна —та уже не страшна, значитъ мимо пролетѣла, та уже не убьетъ», соображалъ онъ. Вдругъ его конь вздрогнулъ и шарахнулся въ сторону. Петръ Ѳедоровичъ едва усидѣлъ. Остановилъ его. Потряхиваетъ тихо ухомъ. Синявинъ наклонился и видитъ, что по этому уху сочится струйка крови... Пулей оторвало кусочекъ его... И вдругъ Петру Ѳеодоровичу стало ужасно весело... Матери, разумѣется, онъ не на-

пишетъ, но товарищамъ непремѣнно: «сегодня уже подомною ранили коня. Да будетъ воля Божія!» почему-то совсѣмъ неожиданно закончилъ онъ.

IV.

Петръ Федоровичъ доѣхалъ уже до конца сѣдловины, какъ на встрѣчу ему показался какой-то генераль.

Онъ шелъ пѣшкомъ, засунувъ кисти рукъ въ рукава и точно ежась отъ холода. На ходу онъ слушалъ другаго, худаго и длиннаго, генерала, съ жаромъ рассказывавшаго ему что-то. Синявинъ не могъ отвести взгляда отъ перваго. По спокойному взгляду сѣрыхъ глазъ, ласково глядѣвшихъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей, по характерному облику лица, онъ сейчасъ же угадалъ въ немъ Радецкаго. Издали, не зная самъ что онъ дѣлаетъ, молодой офицеръ, забывъ всѣхъ этихъ шмелей и пчель, сошелъ съ коня и сталъ держа руку подъ козырекъ, а у самого между тѣмъ голова работала во всю и впечатлѣніе недавно переиспытаннаго вставало въ ней съ поразительною ясностію. Онъ представлялъ, какъ въ послѣднемъ актѣ трагедіи, именуемой Шипкинскимъ боемъ, этотъ самый, кажущійся такимъ скромнымъ, генераль въ карьеръ взлеталъ по крутой горѣ на брустверъ батареи, откуда открывалась вся атака Турокъ внизу и куда ливнемъ падали пули. Оставаясь невредимымъ подъ ихъ убійственнымъ огнемъ, тѣмъ же спокойнымъ орлинымъ взглядомъ онъ осматривалъ позиціи: «Покажите имъ скорѣе пушки!» приказалъ онъ. Турокъ кругомъ одѣвали позиціи, и только эта скала, съ сидящимъ на конѣ генераломъ, вырисовывалась на его темносѣромъ фонѣ. Стрѣльба глушила; когда мгла сползла, вся эта гора одѣлась въ огневую кайму; гремяло вверху и внизу... По-

томъ опять вспомнилось Синявину, какъ Радецкій 12 августа, пославъ въ атаку всѣ свои войска, остался одинъ. У него была только рота. Потребовалась и она. Федоръ Федоровичъ добродушно улыбнулся, оглядывая своихъ солдатъ орлинымъ зоркимъ взглядомъ. «Мнѣ не съ кѣмъ оставаться. Пойдемте вмѣстѣ, братцы!» И какъ простой ротный командиръ повелъ ее на штурмъ.

Все это какъ вихрь пронеслось въ головѣ молодого офицера, по мѣрѣ того какъ генераль приближался къ нему. Онъ вспомнилъ, какъ горячо Радецкій любитъ сол-

Вы только-что прибыли? спросилъ Радецкій.

дать и какъ онъ самъ беззавѣтно любимъ ими. Синявинъ не спускалъ глазъ съ этихъ чертъ, казавшихся строгими, съ этихъ нахмуренныхъ бровей, съ этихъ глазъ, будто всматривающихъ что-то вдаль. У орловъ такіе глаза, только рѣдко такая добрая улыбка замѣчалась на человѣческомъ лицѣ, какъ та, которая часто показывается изъ-подъ сѣдыхъ усовъ на губахъ Радецкаго. Умѣй ее уловить—и невольно полюбишь этого простаго боеваго генерала... На немъ два Георгія: одинъ на шеѣ, другой въ петличкѣ. Очевидно, въ Синявина цѣляютъ.

Теперь кажется ему, что каждая пуля летитъ прямо въ его голову, но онъ не отводитъ глазъ отъ Радецкаго. Это ему важнѣе его безопасности, интереснѣе его жизни. Вся его молодая, восторженная душа въ этомъ взглядѣ, и старикъ точно почувствовалъ это, обернулся къ нему, улыбнулся, взявъ его за руку, которую онъ держитъ подъ козырекъ, и опустилъ ее внизъ.

— Вы только-что прибыли? спросилъ Радецкій, любясь мягкими чертами юнаго лица.

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство.

— Боже мой, да сколько же вамъ лѣтъ?

— Двадцать! и онъ страшно покраснѣлъ. Въ эту минуту его двадцать лѣтъ казались ему чуть не преступленіемъ.

— Какихъ молодыхъ посылаютъ! недовольно проговорилъ генералъ, но сквозь это недовольство виднѣлась жалость къ только-что развернувшейся и уже стремившейся на встрѣчу смерти жизни.

— Меня не посылали... Я самъ просился въ дѣйствующую армію! вспыхнулъ опять Синявинъ.

Радецкій улыбнулся и взялъ его вновь за руку.

— Ну, милости просимъ... Милости просимъ къ намъ на Шипку. Вы поступаете въ доблестный полкъ. Это большое счастье... Прямо изъ школы?

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство.

— Добро пожаловать... Завтра васъ окрещу... Завтра будетъ дѣло...

Потомъ вдругъ замѣтилъ алую струйку крови, тянущуюся по лошадиной мордѣ, и точно онъ вдругъ услышалъ этихъ свинцовыхъ шмелей и пчелъ, что жужжали и свистали кругомъ.

— Э, да васъ и крестить нечего. Для новичка вы молодцомъ.

Онъ потрепалъ его по плечу, и Синявину въ эту минуту ужасно хотѣлось сдѣлать чтонибудь совсѣмъ необыкновенное, кинуться на что-нибудь, отнять у врага что-то или умереть героемъ на глазахъ у этого сильнаго и добраго человѣка.

— Да... да. Я васъ видѣлъ какъ вы стоите подь огнемъ, вы уже и теперь нашъ...

— Радъ стараться, ваше высокопревосходительство!

— Не трусите? шутиль Радецкій.

— Нѣтъ, трусилъ сначала, тамъ вотъ... покраснѣлъ Синявинъ.—Потомъ только въ руки себя взялъ.

— Въ этомъ юноша и есть разгадка настоящей храбрости. Экстаза хватаетъ не надолго, а надо всегда умѣть себя въ рукахъ держать. Есть это—всего достигнешь... Нѣтъ—плохо... Ъсть хотите? перешелъ онъ на другую тему.

— Хочу! признался Синявинъ.

— Ну, вотъ и отлично. Пойдемте ко мнѣ. Щами и котлетами мой Егоръ васъ угоститъ. Пойдемте обѣдать! обратился онъ къ спутнику.

Генераль по-клонился.

Не выпуская руки Синявина изъ своей, Федоръ Федоровичъ вернулся и тихо пошелъ вверхъ по горѣ, изрѣдка посматривая на молодого офицера, близость котораго очевидно была пріятна старику.

Здѣсь сѣдловина, справа защищая ихъ отъ выстрѣловъ кряжомъ, оставалась открыта съ лѣвой стороны, откуда все тѣ же свинцовыя пули посвистывали, впиваясь въ крутой отвѣсъ горы... Одна ударила, съ какимъ-то противнымъ чмоканьемъ, у самага уха Синявина, въ Рыхлую землю стоящаго стѣной откоса. Онъ вздрогнулъ и перекрестился.

Садитесь, садитесь... пригласилъ Радецкій.

— Ничего, ничего! ободрялъ его Радецкій.—Скоро привыкните. На первыхъ порахъ всѣ такъ. Ну, а потомъ нервы приспособятся и кончено.

Тутъ ужъ начинались знаменитыя Шипкинскія позиціи. По всему пути солдаты жались въ ложементы. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ стояли обозныя фуры, подъ ними лежали десятки отдохавшихъ бойцовъ.

— Не вставайте, не вставайте! приказывалъ имъ Радецкій.

Часто изъ овраговъ доносился сюда вѣтеръ, и Боже мой, какимъ смрадомъ онъ обдавалъ эти позиціи! Сотни труповъ, не убранные Турками, гнили тамъ... На днѣ долины поднялся туманъ, сѣрыя волны его наполняли ущелье. Несмотря на это, скалы утесы Шипкинскаго перевала были еще накалены. На голубомъ фонѣ неба вершина Св. Николая казалась горѣвшею отъ зноя...

— Ну, добро пожаловать! и Радецкій вошелъ въ открытую пошеру.

Она была какъ будто нарочно выдолблена въ этомъ скатѣ горы. Къ сожалѣнію, она оставалась открытою для выстрѣловъ слѣва. Часто во время обѣда, вслѣдъ за мгновеннымъ свистомъ, слышался звукъ разбитаго стакана или тарелки.

— Ишь, подлые! злился генеральскій денщикъ,—всю генеральскую посуду перебьютъ.

А разъ свалился подъ такую пулей обѣдавшей здѣсь генераль Дорожинскій. Синявинъ вошелъ сюда съ благоговѣніемъ, точно въ церковь...

— Садитесь, садитесь... на чемъ стоите! смѣясь пригласилъ его Радецкій.—Сегодня будетъ у меня вашъ полковой командиръ, и я васъ ему представлю. Слышите?

Только вечеромъ Синявинъ устроился, наконецъ, у себя.

Кругомъ кипѣла боевая суматоха. Шныряли солдаты... Изрѣдка громыхали орудія, ночью скалы раскальвались тамъ, или земля разсѣдалась. Всѣ, кому онъ представлялся, принимали его съ полуулыбкой, сначала его злившею, но потомъ молодому человѣку стало грустно. Не-

ужели онъ виноватъ въ томъ, что эти проклятые усы не растутъ у него? И онъ давалъ себѣ обѣтъ завтра же въ дѣлѣ показать имъ, что онъ настоящій мужчина,—да, именно настоящій. Не даромъ самъ Радецкій хвалилъ его... Онъ ему вѣдь сказалъ: «настоящая храбрость—это искусство взять себя въ руки». А онъ, Синявинъ,—юнецъ какъ его называютъ,—въ полной мѣрѣ владѣетъ такимъ искусствомъ.

— Завтра будетъ дѣло? надоѣдалъ онъ товарищамъ.
Да! Только вамъ что до этого?

Громадный мѣсяцъ уже поднимался изъ-за горъ.

— Какъ мнѣ что?

— Едва ли васъ, такого молодого, отпустить полковникъ.

И Синявину хотѣлось плакать, и онъ давалъ себѣ слово, во что бы то ни стало, участвовать въ этомъ «первомъ для него и настоящемъ сраженіи».

Солнце закатилось за горы, утопая въ цѣломъ морѣ золотистаго свѣта... Когда день отгорѣлъ, горы скрывались попеременно за однообразною дымкой тумана... Ночь наступила прохладная, таинственная, точно хранящая что-то въ своей злобѣщей тишинѣ. Изрѣдка, на невидимыхъ высотахъ, точно раскрывались чьи-то огненные зѣницы и всю окрестность будиль грохотъ дальнобойнаго орудія. Турки не давали покоя нашимъ и даже ночью продолжали обстрѣливать русскія позиціи... Потомъ, когда зѣницы эти смыкались опять, все уходило въ потемки.

Часовъ съ одинадцать ночи еще не спалось Петру Ѳедоровичу. Онъ, какъ и другіе, лежалъ въ траншеѣ, прислушиваясь къ словно крадущемуся, замирающему говору солдатъ, къ посвистыванію пуль и къ какому-то отдаленному говору живыхъ водъ, прорѣзавшихся изъ горъ въ долины. Ему надоѣло лежать, Онъ приподнялся, и ему показалось, что какое-то зарево направо охватило небо. Синявинъ всталъ и вышелъ изъ траншеи подъ открытое небо. Громадный кровавый мѣсяцъ уже поднимался изъ-за горъ.. На его громадномъ кругу вырисовалась часть какой-то вершины, съ едва замѣтнымъ силуэтомъ турецкаго укрѣпленія на ней. «Должно-быть туманъ уже опустился внизъ, въ долины», сообразилъ Петръ Ѳедоровичъ и прошелся далѣе. Дѣйствительно, горныя выси были уже обнажены и словно плавали въ его сплошномъ, слагка волнующемся маревѣ. Горныя выси, съ едва различимыми черточками редутовъ, профилями батарей, морщинками траншей и ложементовъ. И каждая такая профиль, черточка, морщинка тысячами смертей грозила этимъ позиціямъ Св. Николая.

Мѣсяцъ подымался, все выше утрачивая свою злобѣщую, кровавую окраску... Не прошло и часу, какъ этотъ свѣтлый, серебряный кругъ уже словно застоялся надъ Куруджей, какъ назвалъ эту гору, присоединившійся къ Синявину, офицеръ... Теперь всѣ эти балканскіе великаны рисовались въ своемъ чарующемъ величіи. Онъ слѣдилъ за извилинами и неровностями ихъ стремнинъ за сѣровато-серебристыми, точно бархатными, склонами впе-

реди чудились въ ихъ складкахъ темные призраки опустѣвшихъ болгарскихъ деревень...

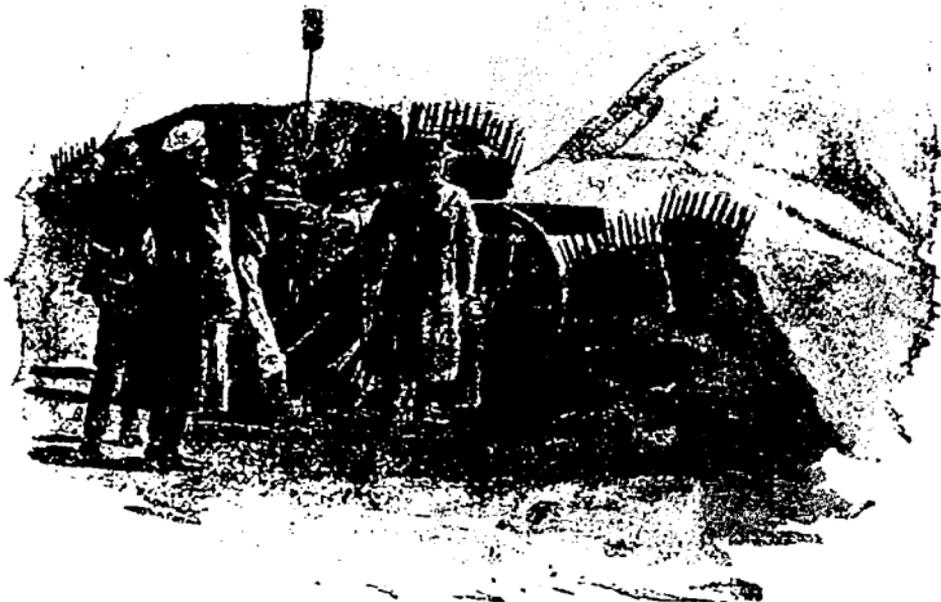
— Опять!? воскликнулъ его собесѣдникъ, съ досадой всматриваясь направо.

— Что такое? обернулся Синявинъ.

— Да подкрѣпленія къ нимъ приходятъ.

— Къ кому—къ нимъ?

— Къ кому же, какъ не къ этимъ Туркамъ. И откуда они берутъ ихъ,—не понимаю.

На нашихъ батареяхъ разглядѣли движеніе турецкихъ отрядовъ.

— Гдѣ вы видите? усилился разобрать Петръ Оедровичъ.

— Вонъ, вонъ..! Ишь, пятнышко, точто тѣнь, медленно вверхъ по горѣ движется... Чуть замѣтно. Это теперь за ними интервалъ... А потомъ опять пятнышко... Опять тѣнь... И еще и еще.

Дѣйствительно, по серебристому откоосу лысой горы чуть чуть замѣтно ползла вверхъ какая-то тѣнь. За нею, въ нѣкоторомъ разстояніи, другая—бѣлая, вытянувшаяся... Между ними, въ промежуткѣ, подъ свѣтомъ мѣсяца, блеснуло что-то. Еще и еще... Показалось-ли это Петру Ѳедоровичу,—онъ сообщилъ своему товарищу, и тотъ воззрися...

— Такъ и есть. Это они новыя орудія ввозятъ на гору... Съ завтрашняго дня начнутъ насъ угощать ими. Мало вѣдь тѣхъ, которыя у нихъ собраны на вершинахъ...

И на нашихъ батареяхъ разглядѣли движеніе турецкихъ отрядовъ...

Надъ самой головой Петра Ѳедоровича, какъ ему показалось, грянуло что-то. Онъ отъ неожиданности даже схватилъ за руку своего собесѣдника. Граната, вздрагивая, какъ громадная проволока, полетѣла туда, гдѣ вверху на горѣ ползли эти тѣни...

— Чиненка! самодовольно проговорилъ офицеръ,—Хорошенько ихъ!..

Глухой трескъ взрыва донесся оттуда... Опять ударъ, и опять эхо отдаленнаго разрыва. Еще и еще...

— Прогнали, прогнали! Браво, артиллеристы!..

Дѣйствительно, и Петръ Ѳедоровичъ замѣчаетъ, что пятна, двигающіяся по горѣ тѣнью, расползаются и таютъ.

— Будете впередъ ходить сомкнутыми колоннами! радовался офицеръ.—Небось въ разсыпную...

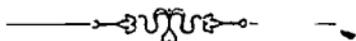
Скоро Петръ Ѳедоровичъ почувствовалъ, что его начинаетъ клонить ко сну. Несмотря на посвистываніе пуль кругомъ и грохотъ орудій, глаза его начинали слипаться. Онъ спустился съ траншеи, легъ на банкетъ бруствера и не успѣлъ задуматься обо всѣхъ пережитыхъ имъ впечатлѣніяхъ, какъ что-то невидимыми крылами подхватило его и понесло въ страшную высоту... Онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ молодости, уже не думая о завтрашнемъ днѣ... Подъ утро ему стало холодно и онъ забеспокоился, но рядомъ спавшіе солдаты поднялись.

— Ишь ты... прапорщикъ, словно дѣвочка... Молодь.
— Должно холодно ему.

Жаль его стало солдатамъ... Они потихоньку закрыли его шинелью.

— Ну, ладно, спи теперь! съ суровою нѣжностью проговорилъ одинъ изъ нихъ и натянулъ полы шинели, чтобы онѣ закрыли и ноги молодого офицера.

А незримыя крылья счастливаго сна уже носили его далеко, далеко, въ заколдованныя царства, которыхъ не знаетъ будничная явь шумнаго дня. Ни громъ орудій, ни свистъ пуль, уныло прорѣзавшихъ воздухъ, уже не будили Синявина. Покрытый, въ теплѣ, онѣ еще крѣпче заснулъ и въ еще болѣе недосыгаемую высь занесли его незримыя крылья сна.

V.

Петру Федоровичу казалось, что онѣ еще только-то заснулъ, и товарищъ по военному училищу Соймоновъ, шалунъ, постоянно надоѣдавшій ему своими шутками, схватилъ его за плечи и расталкиваетъ.

— Оставь, Соймоновъ, ей-Богу встану, и тогда...

Но тутъ надъ нимъ раздался хохотъ...

Онѣ открылъ глаза: вмѣсто бѣлаго потолка училища, надъ нимъ голубое небо; вмѣсто однообразныхъ казенныхъ стѣнъ, съ громадными окнами, сѣрые скаты траншей... Онѣ вскочилъ и протеръ глаза...

— Уже? спросилъ онѣ самъ не зная о чемъ.

— Вамъ вѣрно приснилось, что вы дома?

— Да... краснѣлъ онѣ.—Развѣ уже такъ поздно?..

И онѣ вдругъ опомнился, вспомнивъ, что сегодня «дѣло», что можетъ-быть сейчасъ начнется его первое боевое крещеніе. «Ахъ, да, правда!» И вдругъ смутное чувство опасенія, что его, пожалуй, не назначутъ, охватило его.

— Господа, смущенно загворилъ онъ.—Я, ей-Богу, не знаю... Я не обижаюсь... Но мнѣ хотѣлось бы знать, вы шутили или нѣтъ?

— Надъ чѣмъ это?

— Да... о томъ что меня полковникъ не пустить въ дѣло... Я такъ не могу вѣдь. Я приѣхалъ не для того, чтобы за печкой сидѣть... горячо заговорилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ вмѣстѣ.—Я ему скажу что...

— Да тутъ вѣдь и печки нѣтъ. А что касается полковника, то мы пошутили дѣйствительно... Даже больше,—ваша рота первая назначена. Вашъ ротный давно на ногахъ, мы и разбудили васъ потому, что онъ зоветъ чай пить.

Въ воздухѣ стоялъ холодъ. Такъ пріятно было въ немъ движеніе, и Синявинъ шелъ разминая свои руки и ноги... Сотдаты ласково смотрѣли на него. Ротный былъ озабоченъ. Онъ наскоро пригласилъ Синявина пить чай.

— Кушайте и пейте, юноша... Мнѣ не до васъ.

— Я можетъ-быть мѣшаю? смутился тотъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Нисколько напротивъ. Сегодня дѣло... Я не за себя, всегда мучишься за роту. Какъ она покажетъ себя... Какъ станете въ послѣдствіи командовать отдѣльною, хоть маленькою, частью, и у васъ разовьется это. Тутъ одинъ корреспондентъ кылъ, онъ это называетъ «отвѣтственною лихорадкой». Еще бы не бояться за свою часть! Только торопитесь, пожалуйста, торопитесь. Отдохнули съ дороги?

— Да отдохнулъ...

Синявинъ торопился, обжигаясь чаемъ и глотая куски хлѣба и мяса не разжевывая.

— У насъ въ ротѣ мало осталось офицеровъ. Вы будете командовать третьимъ взводомъ.

Петръ Ѳедоровичъ радостно улыбнулся.

— Благодарю васъ, только и могъ онъ проговорить онъ.

— Ну, пока еще благодарить нечего...

Рота уже была выведена на открытое мѣсто. Солдаты стояли вольно. Глухой говоръ слышался въ ихъ ря-

дяхъ. Всѣ перемолвливались въ полъ голоса. Каждый чувствовалъ, что сегодня будетъ не то, что вчера. Ближится дѣло, и торжественное настроеніе охватывало обож-

Рота уже была выведена.

женныхъ уже шипкинскимъ огнемъ богатырей. Они самоувѣренной поглядывали на батарею, взмостившуюся на Лысой горѣ, какъ разъ у нихъ надъ головами.

— Это ее братъ будемъ? спрашивалъ унтеръ - офицеръ у фельдфебеля.

— Должно-быть... Ишь, вѣдь, поставили на самую плѣшинку. Съ прохладой могутъ обстрѣливать насъ.

— Отчего имъ оттуда не палить... Мѣсто хорошее, его не доймешь тамъ, дай Богъ каждому.

— Здорово молодцы!..

— Солдаты проглядѣли капитана, подошедшаго къ нимъ изъ ряда.

— Смирно!... скомандовалъ фельдфебель, но и безъ него оправившаяся рота дружно отвѣтила командиру.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

— Поздравляю съ дѣломъ!..

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе!

— Смотрите же, братцы, въ грязь лицомъ не ударить. Вы меня знаете, да и я васъ также... Другъ другу вѣримъ, слава Богу, всю службу сдѣлали вмѣстѣ и не жаловались. Вамъ было трудно, а мнѣ еще труднѣе. Не даромъ васъ зовутъ шипкинскими орлами... Пораскинътека сегодня крылья, да покажите турецкому сбродѣ какіе у васъ стальные когти... Поняли ребята?!

Но тутъ ему въ отвѣтъ грянуло такое «ура», что Горемыкинъ разомъ успокоился и уже свѣтло и увѣренно смотрѣлъ на горы, по которымъ ему черезъ нѣсколько минутъ надо было двинуться. Онъ ждалъ только приказа отъ полковаго командира.

— Нашей ротѣ—особая честь! продолжалъ онъ свою бесѣду съ солдатами.—Мы въ головѣ идемъ. Поняли? А остальные за нами. Вчера генераль говорилъ: я на вашихъ богатырей разсчитываю.

Но тутъ его прервалъ адъютантъ. Онъ прибѣжалъ сверху, наскоро пожалъ руку капитану и утомленно проговорилъ:

— Съ Богомъ, пора!..

Горемыкинъ снялъ шапку и трижды перекрестился. Позади послышался шорохъ, вся его рота сдѣлала то же. Синявинъ вспомнилъ, что онъ сегодня еще не молился... Про себя онъ сталъ повторять привычныя слова, но потомъ вдругъ перешелъ въ искреннее, изъ самаго сердца, горячее моленіе: «Господи, шепталъ онъ... Поддержи меня силою Твоею... Я молодъ; спаси меня. И матушка у меня тоже... «И онъ даже закрылъ глаза, и въ образовавшемся вокругъ него на мгновение мракѣ ему почудилось—поднимается чья-то тонкая, блѣдная рука и благословляетъ его. Когда онъ опять открылъ глаза въ нихъ стояли слезы. Онъ ужасно боялся, чтобы кто-нибудь не замѣтелъ ихъ въ эту минуту. Но никому до него не было дѣла. Всякій мысленно уходилъ въ прошлое—къ близкимъ, дорогимъ и милымъ людямъ и прощался съ ними въ эту минуту мистической тишины и благовѣнія.

— Справа редями, «рота, марш!» — слышалъ онъ.
Торжественное настроеніе «сбѣгло». Началось движеніе. Слышались лязгъ штыковъ ударявшихся о штыки и шорохъ камней и земли, падавшихъ и осыпавшихся внизъ въ ту долину, черезъ которую шли солдаты.

Послышался шумъ марша.

Петру Ѳедоровичу казалось, что онъ долженъ бы сказать что-нибудь своимъ солдатамъ, но, взглянуть онъ на ихъ суровыя, загорѣлыя лица, и ему это показалось смѣшнымъ.

Что онъ, новичокъ, можетъ передать имъ, окурен-
реннымъ пороховымъ дымомъ, обстрѣленнымъ турецкими
пулями, орламъ той самой Шипки, при одномъ имени
которой, недѣли двѣ назадъ, у него сердце билось въ
восторженномъ порывѣ? Каждый изъ нихъ, изъ этихъ,
солдатъ можетъ научить его, а не ему еще ободрять

ихъ. Встрѣтится въ дѣлѣ надобность,—ну, тогда дѣло другое, онъ имъ тогда что у него хоть и не растутъ усы, а все же...

Но тутъ нить его разсужденій прервалась. На пригоркѣ стоялъ Радецкій и встрѣчалъ роту. Та кричала ему что-то, чего Синявинъ не сообразилъ,—ужь слишкомъ орystalно онъ всматривался въ своего идола.

— Вамъ говорить нечего, слышался ему голосъ Радецкого.—Я васъ знаю... Не выдадите... А, прапорщикъ Синявинъ! улыбнулся онъ ему:—покажите себя такимъ молодцомъ, какъ вчера въ Райской долинѣ.

«Ахъ, такъ это Райскою долиной называется та самая сѣдловина! радостно отозвалось въ сердце у Петра Ѳедоровича и всего его охватило возбужденіе.—Встѣ гдѣ я былъ... И какая-то гордость проникла въ него, онъ выше поднялъ голову и увѣренно сморѣлъ предъ собою. Онъ чувствовалъ, что и солдаты теперь, его взводъ, иначе на него смотреть. Они слышали какъ генераль похвалилъ его, они знаютъ теперь, что онъ молодецъ и стоитъ этого!» А отвѣтное «ура» солдатъ уже позади и, оглядываясь, Петръ Ѳедоровичъ видитъ, что Радецкій уже прощается съ другою ротой, спускающеюся внизъ, все въ ту же долину... Должно-быть и турки замѣтили въ чемъ дѣло. Пули засвистали все сильнѣе и гуще... Послышался рѣзкій звукъ желѣза. Должно-быть какая-нибудь о штыкъ ударила... Онъ глядитъ на своихъ солдатъ. Ни въ комъ нѣтъ колебанія, ни робости. Всѣ лица серьезны и сосредоточены.

— Ишь запѣли! проговорилъ одинъ...

— Турецкая пчела, братъ на русскій медъ летитъ! отвѣтилъ ему сосѣдъ.

Услышавъ знакомый звукъ выстрѣловъ, они даже какъ-то подтянулись и усиленно сровняли ряды. Точно было это сигналомъ оправиться...

— погоди, дай дорваться! слышалось рядомъ съ Синявинымъ.

Онъ взглянулъ: старый унтеръ-офицеръ грозно хмурилъ брови, пронизывая своимъ зоркимъ взглядомъ сѣрыя скали и зеленыя рощи лощины...

— Послушай!.. Обратился къ нему синявинъ, не зная какого тона держаться ему.

— Чего изволите, ваше благородіе?

— Отчего ту долину зовутъ Райской?

Солдатъ усмѣхнулся.

— Потому, ваше благородіе, что изъ нея прямо въ рай легко попасть!

— Ахъ, вотъ что... Петръ Ѳедоровичъ засмѣялся тоже.

Улыбка еще не сбѣжала у него съ лица, какъ ему показалось точно кто ударилъ его не по головѣ, а по фуражкѣ. Онъ съ изумленіемъ оглянулся... Взявъ фуражку. Уголокъ ея оказался прострѣленнымъ.

— Это пуля? наивно спросилъ онъ все у того же старика.

— Она самая честь имѣю поздравить! ласково улыбнулся ему тотъ.

— Вотъ они какъ!.. смущенно проговорилъ Синявинъ, надѣвая шапку.

— Не всегда такъ-то... И точно чтобы оправдать его слова, кто-то въ рядахъ крикнулъ: «га!..» Петру Ѳедоровичу послышался звукъ упавшаго изъ рукъ ружья... Солдатъ недалеко отъ него наклонился, чтобы поднять его, какъ показалось молодому офицеру, но онъ остался лежать на землѣ со странно раскинутыми руками... Ряды его обходятъ, раздваиваясь, направо и налево... А онъ все лежитъ...

— Въ голову его вдарило! Хорошій солдатъ былъ, землячокъ... поясняетъ унтеръ-офицеръ рядомъ.— Какъ вдругъ вскрикнулъ самъ, но остался въ рядахъ.

— Кондратьевъ, ты раненъ? слышится вопросъ ротнаго.

— Точно такъ-съ, ваше высокоблагородіе.

— Выйди изъ рядовъ—на перевязочный пунктъ.

— Не стоящая рана самая... Такъ по мясу только, бодро отвѣчаетъ раненый.

Горемыкину дѣлается весело. Его рота не обманула его, и поровнявшись съ Синявинымъ, онъ говоритъ ему со счастливою улыбкой:

— Еслибы вы знали, что это за солдаты! Съ ними чудеса можно сдѣлать...

Но вотъ изъ переднихъ рядовыхъ идетъ прямо на встрѣчу Синявину, — ~~называетъ~~! Только что Петра Федоровича хотѣлъ спросить его: зачѣмъ онъ вернулся, — какъ замѣчаетъ что съ правой стороны груди, у самого плеча, сквозь пробитую шинель сочится что-то алое. Около самого офицера солдатъ блѣднѣетъ и колеблется и падаетъ на землю.

— Санитары! кричитъ фельдфебель.

Откуда-то, точно изъ пространства, подбѣгаютъ двое солдатиковъ съ носилками и кладутъ на нихъ раненаго.

Кладутъ на носилки раненаго.

— Началось!.. слышится оттуда.

Точно металлическій бить какой-то со стальнымъ визгомъ разсѣкаетъ воздухъ надъ самою головою Петра Федоровича, какъ ему кажется... Ему ужасно хочется на-

гнутья въ это мгновеніе... Но и въ немъ уже явилось отвѣтственное самолюбіе. Онъ знаетъ, что его взводъ видитъ каждое его движеніе и онъ идетъ впередъ...

Но въ эту минуту точно земля разсѣлась предъ Петромъ Ѳедоровичемъ, разсѣлась и клубами пыли, камней и комьевъ, поднялась вверхъ, хлестнула его прямо въ лицо... Чуть не засыпала глаза.

— Что это? шепотомъ, уже конфузясь, спрашиваетъ онъ у того же унтеръ-офицера.

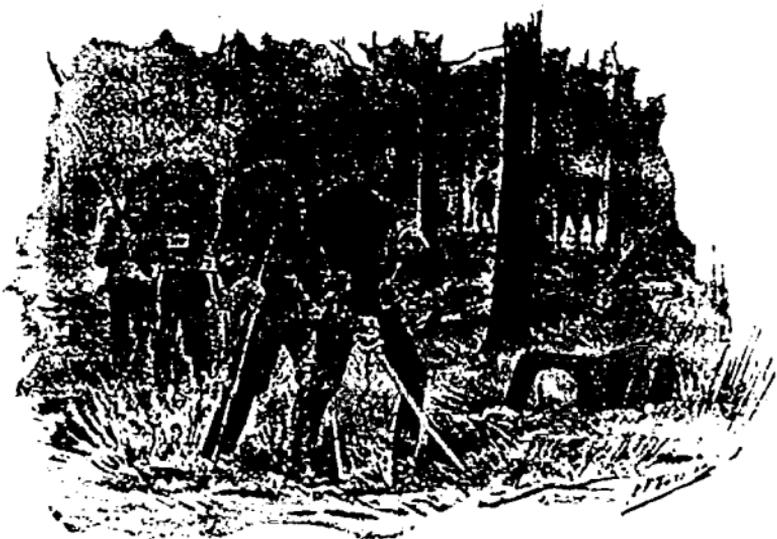
— Граната... Не разорвалась... Чека у нея должно плохо пригнана...

«Господи... Господи, поддержи меня...» молился онъ про себя.

И не успѣлъ онъ еще окончить, какъ впереди послышался грохотъ залпа...

Турецкіе свинцовые шмели, казалось, наполнили воздухъ.

— Стой!.. Ровняйся! скомандовалъ Горемыкинъ.— Турки впередъ своихъ аскеровъ выслали.

Всматривался въ предательскую зелень роши.

И онъ зорко всматривался въ предательскую зелень роши предъ нимъ. .

— Ну ребята, не выдавать!.. И не успѣлъ еще стихнуть трескъ втораго залпа оттуда и разсѣятся дымъ его, какъ онъ крикнулъ:—Въ штыки, братцы, ура!

И самъ бросился въ головѣ своей колонны.

Синявинъ потомъ помнилъ все происшедшее здѣсь— смутно. Онъ самъ кричалъ ура, бѣжалъ куда-то. Ему казалось, что деревья, воздухъ, земля и небо, все это трещить глухими ударами выстрѣловъ, все чуетъ смерть... Словно сквозь сонъ онъ видитъ какъ падаютъ люди... У него уже многихъ нѣтъ въ его взводѣ... Какое-то красное лицо съ толстымъ носомъ, въ красной фескѣ, сталкивается съ его лицомъ... Чья-то рука подымаетъ въ ровень съ его грудью штыкъ, но вмѣсто, того чтобы пробить ее, падаетъ внизъ, и красное лицо, и красная феска тоже какъ то странно падаютъ... И оглядываясь Синявинъ видитъ, какъ солдатъ вытаскиваетъ уже свой штыкъ изъ груди убитаго. Потомъ суматоха какая-то суматоха какая-то, шумъ, ничего понять нельзя. Синявину чудится что всѣ и свои и чужіе перемѣшались, орутъ, беспорядочные выстрѣлы заглушаютъ крики... Еще минута—и свои всѣ на ногахъ, а чужихъ нѣтъ... Они лежатъ на пескѣ лошины, раскинувъ руки, скрививъ ноги... Алая струи крови просачиваются въ песокъ, а вверху сквозь вѣтви видны чистыя, нѣжныя, ласковыя небеса...

— Что, это. что это! повторялъ Синявинъ.

— Ничего-съ! весело отвѣчаетъ ему унтеръ-офицеръ: —на ихню цѣпь наткнулись. Всѣхъ переколошмятили. Однако вы, ваше благородіе, здорово рѣзнули саблей его... указываетъ ему унтеръ на здороваго турецкаго аскера, тщетно старающагося приподняться на рукахъ.— Все его лицо залито кровью.

— Какъ, я?.. съ ужасомъ спрашиваетъ Петръ Федоровичъ.

— Такъ-съ, вы... Такъ ему шаркнули...

— Да развѣ я?... И онъ смотритъ на свою саблю. По ней сбѣгаетъ свѣжая кровь...

Ему дѣлается страшно.

«Неужели это я его убилъ?» И Синявинъ даже отсталъ отъ своего взвода. Онъ опомнился впрочемъ скоро и уже не безъ чувства нѣкоторой гордости повторялъ: «что же дѣлать, на то война!..»

А рота его подъ огнемъ уже взбиралась на крутой скатъ Лысой горы. Тутъ дѣйствительно было жутко. Пули точно выбирали себѣ въ рядахъ солдатъ жертвы навѣрняка. Синявину казалось что онѣ низали массу утомленныхъ, взмокшихъ людей, подвигавшихся впередъ по чувству долга...

VI.

Душевленія, того подъема, который только-что проявлялся такъ блестяще, опять не стало, возбужденія не было, оно улеглось, и въ этихъ условіяхъ отлично дисциплинированная часть обнаруживала всѣ свои достоинства: слушалась команды, стойко держалась на невозможныхъ позиціяхъ и, презирая смерть, всползала все выше и выше, туда, гдѣ уже намѣчивались земляные валы редута и сквозили амбразуры турецкихъ батарей. Скоро Петру Ѳедоровичу показалось что у него не свои, а чьи-то чужія ноги. Онъ самъ не понималъ какъ онъ двигался впередъ. Сильно у него болѣли колѣна, ныло въ ступеняхъ, ломило плечи и локти, потомъ мало-по-малу боль замирала, притуплялась, онъ безсознательно шелъ со своимъ взводомъ, понимая только одно, что въ эти минуты, минуты опасности, онъ долженъ быть впереди, долженъ дѣйствовать на своихъ солдатъ примѣромъ. У него звенѣло въ ушахъ, кровь прилиwała къ головѣ, потъ давно струился по разгорѣвшемуся лицу изъ-подъ шапки. Ему ужасно хотѣлось воды. На пули онъ уже не обращалъ никакого вниманія, но за возмож-

ность напиться онъ отдалъ бы теперь самую жизнь... Его состояніе скоро замѣтилъ тотъ же унтеръ-офицеръ.

— Ваше благородіе... А, ваше благородіе!

Петръ Федоровичъ едва понялъ, что это зовутъ его! Онъ поднялъ на солдата мутный взглядъ. Отяжелѣвшую голову клонило внизъ. А солнце теперь только еще начинало жарить.

— Ваше благородіе... Аль пить хочется?

— Да... Да, пить! А гдѣ... Развѣ есть вода?

Стремится въ гору на сѣромъ конѣ Радецкій.

Солдатъ подаль ему манерку... Онъ, не разбирая что уничтожаетъ послѣдній запасъ его, припалъ къ ней и жадно сталъ втягивать въ себя живительную влагу. Ка-

залось каждый глотокъ возвращаетъ его къ жизни, къ сознанию окружающаго его міра. Вытянувъ до половины, онъ вдругъ опомнился и ему стало совѣстно.

— Что это я... А вамъ... А тебѣ? Ты какъ же?..

— Вамъ нужнѣе! смѣялся старикъ унтеръ. — Вамъ нужнѣе. Мы привычны. Намъ это не въ первой-съ. Давно мы здѣсь на Шипкѣ жаримся, ужь насъ обожгло и высушило. А вамъ спервоначалу тяжко. Въ другой разъ. Булгары носятъ воду—ну, да здѣсь страшатся—тоже вѣдь народъ! Опасно тутъ!

И дѣйствительно опасно. Только овладѣвъ собою, Синявинъ понялъ въ какомъ онъ аду теперь. Турки свинцовымъ дождемъ осыпали подступающихъ къ ихъ позиціямъ. Очевидно, часть уже вошла въ полосу обстрѣла. Люди падали и падали. Уже не хватало санитаровъ, и раненные оставались на скатахъ неубранными. Нахмурясь и сжавъ руки, Горемыкинъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ мало-по-малу убывала его рота. Она таяла, какъ таетъ ледъ подъ самымъ припекомъ... Уже ряды ея казались рѣдкими, отсталыхъ не было, были только выбывшіе изъ строя. Здѣсь останавливаетъ солдата смерть или рана... Державшійся уже довольно бодро, Петръ Федоровичъ почувствовалъ вдругъ подступъ какого-то страннаго, непобѣдимаго изнеможенія... Онъ раза два, три поклонился мимо пролетавшей пулѣ, совсѣмъ забывъ о томъ, что новичкомъ, вначалѣ, онъ довольно равнодушно относился къ этимъ свинцовымъ шмелямъ... Онъ уже почувствовалъ неодолимый соблазнъ упасть въ какой-нибудь ровъ, прижаться лицомъ къ землѣ, врости въ нее, если можно, только не видѣть этого ужаса кругомъ. Медленнѣе двигались ноги, ему чудилось что или сапоги его отяжелѣли, или въ нимъ пристала и держитъ ихъ какая-то тяжесть... Вдругъ позади, сначала слабымъ отголоскомъ, донесся до него какой-то дружный крикъ. Крикъ повторился ближе. Сотни грудей, какъ вызовъ или привѣтъ, бросали его кому-то. Должно-быть этотъ кто-то уже совсѣмъ около, потому что ему на встрѣчу гаркнула рота шедшая позади. Синявинъ оглядывается.

Смѣло, взлетомъ стремится въ гору, на сѣромъ конѣ своемъ, Радецкій. Онъ зорко оглядываетъ солдатъ, точно насквозь ихъ видитъ въ эту минуту.

— Устали, братцы, да дѣлать нечего... И я пойду съ вами...

Онъ отдаетъ коня казаку, слѣдовавшему за нимъ, и вмѣшивается въ ряды.

«Устали» какъ небывало. Солдаты подтянулись... Лица ихъ просвѣтлѣли.

И Петръ Ѳедоровичъ повеселѣлъ. Онъ слѣдитъ за Радецкимъ. Тотъ всматривается съ нимъ орлинымъ, изъ-подъ сѣдыхъ бровей, взглядомъ въ профили турецкихъ батарей.

— Что же это они молчатъ... Сейчасъ, братцы, начнется угощеніе!.. улыбнулся онъ.

И дѣйствительно, снопы огня вдругъ блеснули въ одной амбразурѣ, вмѣстѣ съ трескомъ пушечнаго выстрѣла. Казалось цѣлая туча картечи ворвалась въ живыя цѣпи уже бодро подвигавшихся людей... Не успѣлъ еще Синявинъ опомниться, какъ другой снопы показался изъ другой амбразуры... Третій, четвертый.

Онъ смотритъ на Радецкаго и не узнаетъ его...

Въ старикѣ проснулся герой кавказскихъ горныхъ войнъ. Онъ весь преобразился, вышелъ далеко впередъ.

— За мной, ребята!.. Впередъ... не выдавать!

Помните присягу, ребята!

И не оглядывается, знаетъ что вся эта масса не выдастъ его, не отстанетъ, что въ ней бьется одно сердце и работаетъ теперь стихійно одинъ и тотъ же мозгъ.

И еще мгновение—Синявинъ видитъ что цѣпь уже оставила генерала за собою. Онъ остановился среди этого ада, подъ картечью, и спокойно слѣдитъ какъ ряды за рядами подвигаются на Лысую гору... Солнце блеститъ на штыкахъ. Даже кое-кто изъ раненыхъ приподнялся и не назадъ ползутъ, а вверхъ, точно смогутъ что-нибудь сдѣлать еще. И они слышатъ команду и повинутся ей.

Горемыкинъ далеко впереди... Онъ, оглядываясь на свою роту, не замѣчаетъ что Синявинъ опережаетъ его.

— Подпоручикъ!.. останавливаетъ онъ его,—а вашъ взводъ гдѣ?

Но Синявину не до того,—онъ весь въ цорывѣ вызванномъ героическою атакой Радецкаго. Она точно вихремъ подхватила и унесла молодого офицера. Петру Федоровичу теперь не остановиться самому.

Солдаты уцѣлѣвшіе добѣжали до валовъ... Беспорядочная трескотня выстрѣловъ за ними... Весь скатъ уцѣлѣвшихъ нашими ранеными... «Алла, Алла!» доносится изъ-за редута и изъ-за амбразуръ батарей. «Алла, Алла!» смѣшивается съ нашимъ «ура», перекидывается далеко... Бой теперь гремитъ по всей линіи. Всѣ турецкія батареи громятъ наши позиціи, съ нашихъ отвѣтные выстрѣлы несутся къ нимъ назадъ. Смерть уноситъ сотни жизней. Сожженная солнцемъ земля жадно упивается человѣческой кровью. Все смѣшивается въ одномъ хаосѣ, клубы дыму поднимаются тучами, и смутно различаясь въ нихъ, призраками кажутся бойцы...

— Ну, еще одинъ ударъ... Еще одинъ ударъ... Доносится откуда-то, точно изъ дали голосъ Радецкаго. И Синявинъ отыскиваетъ свой взводъ. У унтеръ-офицера поившаго его водой сочтется съ плеча кровь.

— Тебя ранило?..

— Нѣтъ, шкуру тронуло... Ну, ну, товарищи! обращается тотъ къ своимъ:—молодцами...

— Брянцы, за мной!..

И каждый разъ крикъ генерала какъ электрической ударъ подымаетъ робкій духъ и окрыляетъ слабыхъ.

Петръ Ѳедоровичъ и не замѣтилъ какъ земляной валъ точно рядомъ выросъ предъ нимъ. Вотъ онъ. За нимъ шумъ, суматоха... Солдаты подбѣжали. Горемыкинъ собираетъ ихъ.

— Въ штыки его, братцы!.. кричитъ онъ.—Однимъ ударомъ! Помните, штыками его выбросимъ вонъ.

Солдаты орутъ ура и топчутся на мѣстѣ. Дай продолжиться этому, и вся ихъ масса пожалуй кинется назадъ къ скату, одолѣть который досталось имъ съ такимъ трудомъ.

— Въ штыки... Надо ихъ приступомъ взять!.. Горемыкинъ снялъ шапку, швырнулъ ее зачѣмъ-то прочь, перекрестился.

— За мной, друзья!

Синявинъ видитъ какъ капитанъ взбѣгаетъ по насыпи.

Что-то подступило и ему къ самому горлу, опять отуманило голову какимъ-то восторгомъ. Онъ оборачивается и самъ не узнавая своего голоса бросаетъ прямо въ массу управляющихся солдатъ точно вызовъ.

— Помнить присягу, ребята! Не выдавать!

Онъ бѣжитъ вверхъ на брустверь... Гребень его какъ-то неестественно быстро приближается къ нему. Еще одно мгновеніе, и подъ Синявинымъ какой-то провалъ, а въ правалѣ этомъ кишмя кишатъ алыя фески, поблескиваютъ штыки турецкихъ ружей. Это было одно мгновенія, которое,—онъ разсмотрѣлъ какихъ-ты чужихъ офицеровъ, въ такихъ же фескахъ, гортанно отдававшихъ какія-то приказанія, растерянно бѣгавшихъ по реду... Но ему соображать нѣкогда, что-то тянетъ его внизъ. Онъ падаетъ. Ему кажется что подаетъ онъ прямо на подставленный ему штыкъ и чувствуетъ въ правомъ боку страшную боль, но въ ту же минуту сверху тысячи людей сбѣгаютъ внизъ. Его опрокидываютъ. Ему, уже теряющему сознание, въ послѣдній моментъ этотъ чудится,

что безчисленные ноги пробѣгаютъ по немъ... Онъ закрываетъ глаза и, какъ ему кажется, умирая онъ различаетъ наше «ура», понимаетъ что наша взяла, что редуть у насъ въ рукахъ, и онъ улыбнулся бы даже, если бы внезапно со всѣхъ сторонъ его не обняла тьма и забвеніе.....

Его опрокидываютъ.

Горемыкинъ уцѣлѣлъ.

Счастливый и радостный, онъ слѣдитъ за тѣмъ какъ его рота, занявъ редуть, провожаетъ выстрѣлами бѣгущихъ Турокъ...

Какъ стадо безпорядочно бѣжитъ непріятель... бѣглый огонь солдатъ, ставшихъ на конецъ бруствера, настигаетъ ихъ и укладываетъ на земь. Внутри редута безобразная куча труповъ. Нѣсколько минутъ продолжался только молчаливый и страшный штыковой бой, усявъ всю землю здѣсь мертвыми...

— Спасибо вамъ, ребята!.. Счастливъ, что командую такими богатырями, героями...

— Рады стараться! весело кричать солдаты любимому генералу.

— А васъ, капитанъ Горемыкинъ, завтра же представлю къ Георгіевскому кресту. Вы первый вскочили въ редутъ.

— Я на правомъ флангѣ, а на лѣвомъ подпоручикъ Синявинъ... считаетъ удобнымъ сказать Горемыкинъ.

— Гдѣ же онъ самъ?.. Я и его представлю... Онъ заслужилъ вполнѣ; новичокъ, а можетъ показать примѣръ и старымъ боевымъ офицерамъ...

VII.

Редутъ не долго оставался въ нашихъ рукахъ. Пока санитары по всему скату Лысой горы собирали и уносили раненыхъ, Турки со всѣхъ ближайшихъ позицій собирали свои таборы и черезъ нѣсколько часовъ развернули предъ редутомъ такія силы, что несчастнымъ двумъ ротамъ Брянскаго полка нельзя было и думать держаться здѣсь. Онѣ впрочемъ сдѣлали что могли, Турки обнаруживали свои силы, наши свезли внизъ захваченныя здѣсь орудія, персломали ружья, найденныя въ редутѣ и брошенныя Турками, уничтожили патроны, ящики съ которыми здѣсь стояли во множествѣ, и затѣмъ, пока еще Турки собирались, отступили въ полномъ порядкѣ назадъ. Молодецкое дѣло, повидимому безъ всякихъ результатовъ, въ сущности было очень полезно. Такія стычки поддерживаютъ духъ солдата и въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ заставляютъ его держать высоко свою голову. Будь у Радецкаго больше людей, или не располагай Турки такимъ множествомъ ихъ, враги были бы сбиты съ Лысой горы и по крайней мѣрѣ

съ одной стороны на Шипкѣ позиціи наши были бы спокойны. Къ сожалѣнію, судьба рѣшила иначе!..

Отступая, солдаты долго искали подпоручика Синявина и не нашли его.

Рѣшили что носильщики-санитары давно догадались доставить его на перевязочный пунктъ...

Удовлетворялись тѣмъ, что между мертвыми его не было—и то слава Богу.

Старикъ унтеръ-офицеръ хотѣлъ еще разобрать трупы въ редутѣ, — ему что-то говорило, что подпоручикъ, къ которому онъ успѣлъ привязаться всѣмъ своимъ честнымъ сердцемъ, здѣсь еще... Но Турки уже открывали огонь и сосредоточивали силы. Было некогда! Надо было спѣшить. Горемыкину тоже грустно было уходить отсюда, съ позиціи, которая ему досталась цѣной доброй половины его роты,—роты, съ которою онъ давно сжился душа въ душу.

Турки тихо подходили къ редуту.

Тишина, но зловѣщая и таинственная, пугала ихъ. Имъ чудилась какая-то засада. Ранѣе чѣмъ регулярная пѣхота подошла сюда, вдоль валовъ носились невѣдомо какъ всползшіе сюда на своихъ бойкихъ коняхъ Черкесы, оказавшіе столько сказочныхъ услугъ въ эту войну Турціи. Ихъ гиканье и задорная ругань никого не разбудили въ редутѣ. Наконецъ аскеры осмѣлились, тихо поднялись по покатуму съ этой стороны брустверу и остановились на его гребнѣ. Зрѣлище представившееся имъ было ужасно... Командовавшей ими офицеръ—изъ Венгерцевъ—самъ не рѣшался ступить внизъ въ эту арену, сплошь наполненную массаи убитыхъ. Съ той стороны, откуда шла русская атака, тѣла были навалены громадными кучами. Очевидно здѣсь наши встрѣтили болѣе всего сопротивленій и тутъ поэтому пылалъ самый горячій бой...

Офицеръ-Венгерець скомандовалъ прежде всего убирать трупы...

Не успѣли еще солдаты принять за это, какъ въ редутъ пріѣхалъ вооружавшій всѣ Шипкинскія укрѣпленія

Леманъ-паша, Нѣмецъ служившій Турціи и нанесшій намъ здѣсь не мало вреда. Лучшія укрѣпленія были выстроены въ этой части Балканъ имъ, онъ же поставилъ и наиболѣе грозныя батареи... Онъ одобрилъ рѣшеніе своего офицера. Дни ожидались знойныя, оставить трупы здѣсь еще значило заразить вершину Лысой горы. Трупы вытаскивали оттуда и, раскачавъ ихъ надъ особенно высокимъ и крутымъ скатомъ, сбрасывали внизъ. Тамъ перенимали ихъ другіе таборы, и такимъ образомъ мертвые попадали въ глубокія лощины, гдѣ и до сихъ поръ попадаются кости и черепа не погребенныхъ жертвъ этой войны.

Когда разбирали одну изъ грудъ мертвыхъ тѣлъ, у того мѣста на лѣвомъ флангѣ, гдѣ шла съ нашей стороны особенно упорная атака, подъ массой труповъ турецкихъ солдатъ попались какіе-то сапоги. Турки ихъ не носили; очевидно трупъ принадлежалъ Русскому. Ближайшій изъ аскеровъ присѣлъ на землю и стащилъ сапоги съ ногъ лежавшаго. Когда съ него подняли наваливавшася на него громаднаго Арнаута, подъ нимъ оказался молоденькій офицеръ. Переобувшійся въ его сапоги аскеръ со злостью ткнулъ трупъ ногой въ бокъ... Къ его изумленію офицеръ шевельнулся и простоналъ. Турокъ крикнулъ что-то своимъ, и тѣ было накинудись на него. Облили ему лицо холодною водою—не изъ великодушія, нѣтъ. Имъ хотѣлось помучить Русскаго, вернуть его къ жизни, чтобы затѣмъ уморить его мучительною и медленною смертью. Старикъ-Албанецъ съ звѣрскимъ лицомъ уже подобрался къ нему, вынувъ ножъ... Онъ намѣтился и ожидалъ когда тотъ откроетъ глаза... Къ счастью Синявина—потому что это былъ онъ—какъ разъ въ эту минуту Леманъ-паша и офицеръ-Венгерецъ подошли къ этому мѣсту.

- Чтò тутъ такое? спросилъ паша.
- Урусъ подъ нашими мертвыми оказался.
- Ну чтò же... Бросьте его туда же...
- Онъ еще живъ. Мы хотѣли... И аскеръ запнулся.

Леманъ-паша увидалъ ножъ у него въ рукахъ и все понялъ.

— Оставить его... Мнѣ онъ нуженъ... Надо получить свѣдѣнія о Русскихъ... Коліани-бей, обратился онъ къ Венгерцу, — вы мнѣ отвѣчаете за него.

Какъ разъ въ эту минуту Синявинъ открылъ глаза... Дѣлая усилія подняться и увидѣвъ вокругъ лица Турокъ, онъ упалъ опять зажмурясь... Отъ забытья, въ которомъ онъ былъ до сихъ поръ, Петръ Ѳедоровичъ перешелъ въ обморокъ.

— Какой молодой... съ сожалѣніемъ замѣтилъ Леманъ и тотчасъ же воспользовался этимъ обстоятельствомъ.

Онъ обернулся къ солдатамъ.

— Должно-быть у Русскихъ послѣднія силы уже здѣсь, что они посылаютъ мальчиговъ драться съ нами. Пиренести офицера этого ко мнѣ! Надо его показать нашимъ въ Стамбулъ, чтобы видѣли какіе воины остались у русскихъ....

Когда Синявина подняли, онъ отъ боли очнулся и простоналъ. Венгерецъ-офицеръ наклонился къ нему.

— Вы говорите по-французски?

— Да... Едва, едва отвѣтилъ Синявинъ.

— Вы какого полка?

— Брянскаго... Потомъ собралъ усилія и переспросилъ въ свою очередь:—Вѣдь мы заняли этотъ редутъ. Какъ же я попалъ сюда?

— Заняли и потомъ ушли...

— Что со мной будетъ теперь?

— Вы военноплѣнный. Благословляйте судьбу, что я и Леманъ-паша—оба Европейцы и попали сюда, иначе васъ бы замучили. Наши солдаты великолѣпны, но они звѣри, когда ихъ фанатизмъ возбуждены.

Но Петръ Ѳедоровичъ уже не слушалъ. Ему казалось что уже ночь и какія-то волны, тихо и нѣжно качиваютъ его и несутъ его далеко, далеко... Холоднѣетъ ночь... Холоднѣютъ волны... Пробитый штыкомъ бокъ по временамъ даетъ себя знать, и раненый вскри-

киваетъ и теряетъ сознание, но тотчасъ же тѣ же волны поднимаютъ и влекутъ его все дальше и дальше...

Леманъ-паша вернулся къ себѣ въ деревню Шипку и тотъ-часъ же послалъ узнать, гдѣ находится спасенный имъ офицеръ. Ему доложили, что онъ попалъ въ руки англійскихъ врачей. Все складывалось самымъ благоприятнымъ образомъ для Петра Ѳедоровича. Когда Леманъ-паша навѣстилъ его, онъ находился въ безпамятствѣ.

— Бѣдняжка! шевельнулось доброе чувство у старика Нѣмца.—Еслибы мой Фрицъ былъ живъ, ему было бы столько же.

— Пожалуйста, займитесь имъ! обратился онъ къ англійскому врачу.

— До послѣ завтра,—да.

— А послѣ?

— У насъ нѣтъ мѣста. Каждый день приносятъ сюда сотни новыхъ раненыхъ.

— Куда же вы дѣнете его тогда?

— Отправить придется въ Имитли. Тамъ еще свободные дома для раненыхъ.

Леманъ ушелъ.

Когда врачъ осмотрѣлъ штыковую рану Синявина, оказалось, что ничего опаснаго она не представляетъ. Онъ только потерялъ слишкомъ много крови и его измяли въ свалкѣ недавняго боя. Серіозныхъ поврежденій не было, и если-бы не лихорадка, которая уже начиналась съ нимъ, молодой офицеръ черезъ нѣсколько дней былъ бы здоровъ. Обморочное состояніе его на другой день уже не повторялось, и онъ до вечера спалъ, несмотря на то что сестра

Англичанка читала ему.

милосердія Англичанка все время читала ему Евангеліе на французскомъ языкѣ. Это былъ первый раненый Русскій, попавшій въ англійскій госпиталь, и надо отдать нашимъ врагамъ справедливость, они явились для него по истинѣ добрыми Самарянами. На другой день, когда его назначили къ отправкѣ въ Имитли, та же Англичанка явилась за нимъ въ дорожномъ костюмѣ.

Онъ еще былъ очень слабъ. Ему устроили помѣщеніе въ простой двухколесной арбѣ. Но она должна была тащиться медленно, ее набили сплошь сѣномъ, сверху уложили периной, и Петръ Ѳедоровичъ могъ благословлять судьбу, у которой въ распоряженіи нашлось для него столько всякихъ благъ. Его мучило только горе, которое постигнетъ его мать, но Англичанка сестра милосердія и въ этомъ оотншеніи пришла къ нему помощь.

Она живо сѣла къ столу.

— Диктуйте....

У насъ каждую недѣлю ѣздитъ уполномоченный въ Константинополь. А отъ Константинополя черезъ англійское посольство существуетъ правильныя сообщенія съ цѣлымъ міромъ. Не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ ваша матушка по-

Диктуйте....

лучить отъ васъ письмо, а черезъ три дня у нея въ рукахъ будетъ телеграмма...

— Какъ мнѣ благодарить васъ!

— За что? Это мой долгъ. Я исполняю мою обязанность къ Богу.

— И къ людямъ?

— Нѣтъ, именно къ Богу...

Она написала на французскомъ языкѣ все что онъ продиктовалъ, запечатала, наклеила на конвертъ англійскую марку, потомъ сама составила обстоятельную телеграмму и обѣщала послать ее сегодня же.

Какъ прелестна была долина Розъ въ эту жаркую болгарскую осень.

Лежа въ своей арбѣ и медленно подвигаясь вмѣстѣ съ нѣсколькими такими же ранеными, какъ и онъ, съ которыми впрочемъ англійскій госпиталь церемонился гораздо меньше, Синявинъ любовался пышными зелеными рощами, чудными садами, нѣжный аромат которыхъ густо наполнялъ всѣ окрестности. Розы цвѣли вторично, и съ каждымъ дуновеніемъ вѣтерка Синявинъ точно ощущалъ ихъ благоуханную ласку... Онъ дышалъ въ волю и послѣ всего вынесеннаго ему казалось такимъ счастіемъ опять жить, и чувствовать жизнь каждымъ своимъ нервомъ, что онъ уже почти забылъ о своемъ положеніи. «Сестра» напомнила ему о немъ.

— Поправляйтесь и набирайтесь силами! наклонилась она къ нему во время дороги.

— А что? безсознательно спросилъ онъ ее, такъ чтобы только отвѣтить ей что-нибудь.

— Да вѣдь мы не въ правѣ будемъ васъ держать потомъ.

«Да... Я военноплѣнный... мелькнуло у него въ головѣ.—Я буду въ полномъ распоряженіи варварской орды, какъ только раны мои заживутъ. Можетъ-быть меня и лѣчатъ только для того чтобы, попавъ руки какихъ-нибудь изверговъ, я былъ замученъ ими...» И онъ потемнѣлъ весь.

Англичанка замѣтила это.

— Да, мы не въ правѣ будемъ васъ держать долго, хотя вы будете все время оставаться подъ покровительствомъ нашей колоніи.

— Что она значитъ! Какая колонія?

— Англійская! съ гордостью проговорила она. Она значитъ все, и вы на себѣ испытаете это... Васъ отправятъ, разумѣется, въ Константинополь и тамъ запрутъ

въ сераскеріатѣ, гдѣ уже есть нѣсколько русскихъ плѣнныхъ. Но и тамъ разъ вы попали подъ покровительство Англіи—за вами будутъ слѣдить наши. Васъ не дадутъ въ обиду. Вы съ Шипки, о вашемъ Шипкинскомъ отрядѣ рассказываютъ чудеса, и разумѣется, васъ стануть тамъ беречь какъ зѣницу ока. И всякій разъ, насмѣшливо улыбулась она,—всякій разъ когда европейская печать станеть кричать о томъ, что Турки убиваютъ плѣнныхъ, васъ стануть представлять всевозможнымъ корреспондентамъ. Вы будете для Турціи оправдательнымъ документомъ ея гуманности. Хотя въ ней по отношенію къ вамъ Турція и не виновата. Васъ спасли Германецъ съ Венгерцемъ и выходили Англичане!

VIII.

Синявинъ уже нѣсколько дней находился въ Имитли.

Лихорадка его проходила. Мало-по-малу онъ началъ поправляться. Будущность его представлялась ему не въ столь горестномъ и мрачномъ видѣ какъ онъ думалъ сначала. Ему было только скучно. Лежать и бездѣйствовать, и потомъ быть отправленнымъ въ Стамбуль, гдѣ его запрутъ какъ рѣдкую птицу и стануть показывать любопытнымъ людямъ, въ то самое время, какъ его товарищи будутъ драться,—о томъ ли онъ мечталъ до сихъ поръ?

— Вы опять задумались? ласково подходила къ нему сестра милосердія Англичанка.

— Еще бы не задумываться!.. и онъ дѣлился съ ней своими опасеніями и муками.

Она брала Библию и читала ему Іова многострадальнаго, желая научить терпѣнію и твердости въ испытаніяхъ. Она утѣшала его, но утѣшала своеобразно.

— Вотъ погодите. Скоро окончится эта война. Вы будете окончательно разбиты и оттѣснены за Дунай. Англія вмѣшается и заставитъ васъ заключить миръ. Потомъ васъ отправятъ домой.

— Какъ, мы будемъ разбиты!? вскакивалъ онъ, забывая свою рану.—Какъ, мы будемъ разбиты?.. Мы дѣйствительно заключимъ миръ, но въ стѣнахъ Константинополя, не иначе. И если Англія вмѣшается, то повѣрте—на свое горе!

Она иронически улыбалась и уходила, не желая «огорчать больнаго».

Разъ она какъ-то подошла къ нему.

— Вы знаете, здѣсь есть ваша Русская...

— Гдѣ... Въ Имитли? Сестра милосердія?.. Впрочемъ, какъ же она могла попасть сюда.

Вотъ ваша соотечественница?

— Нѣтъ, нѣтъ, не сестра. У нашихъ хозяевъ—домъ вѣдь принадлежитъ Вейсель-пашѣ... Верхъ и флигель заняты его женами и только низъ здѣсь отведенъ подъ

нѣсколькихъ раненыхъ, да и то только потому, что англійскій госпиталь его отлично оплачиваетъ. Такъ вотъ въ этомъ гаремѣ растетъ дѣвочка, ей лѣтъ четырнадцать. Пока она еще не продана въ замужество,—здѣсь вѣдь продаютъ, вы это знаете,—бѣгаетъ всюду на свободѣ... Узнала, что между нашими ранеными есть Русскій, ко мнѣ приходила, спрашивала. Вотъ послала вамъ разныхъ лакомствъ и вареній, только я сначала спрошу у доктора, у мистера Кингсли, что онъ скажетъ.

— Да какъ она попала сюда?

— Ей еще и десяти лѣтъ не было, какъ ее изъ Одессы увезли сиротой какіе-то негодяи... У васъ существуетъ такой промыселъ. Привезли и продали въ гаремъ. Вы знаете что Турчанки покупаютъ дѣтей, растятъ ихъ, особенно охотно—дѣвочекъ, обучаютъ всѣмъ своимъ искусствамъ: одѣваться, плясать, и потомъ по дорогой цѣнѣ сбываютъ уже взрослыми дѣвушками въ другіе гаремы—въ жены богатымъ и знатнымъ Осмаилисамъ. Особенно они цѣнятъ въ такихъ случаяхъ русскихъ блондинокъ, а Гюльма совершенно бѣлокурая вся.

— Что же, она помнитъ языкъ?

— Говоритъ, что помнитъ... Пока она дѣвочка, ей разрѣшаютъ васъ видѣть, да къ тому же и жены паши ужасно любопытны. Она станетъ имъ рассказывать, что за русскій плѣнникъ здѣсь, каковъ онъ собою и т. д.

Ему страшно захотѣлось перемолвиться хоть съ кѣмънибудь на родномъ языкѣ, тѣмъ болѣе что судьба этой дѣвочки заброшенной на далекую чужбину, заинтересовала его такъ, что его собственное горе какъ будто отошло назадъ.

— Когда же я ее увижу?

— А вотъ спрошу мистера Кингели.

— Да развѣ это можетъ быть вредно мнѣ?

— Нѣтъ, нѣ больнои долженъ быть весь въ распоряженіи у врача. И безъ врача—ничего... рѣшительно.

Петръ Федоровичъ Синявинъ долженъ былъ вооружиться терпѣніемъ.

Дня черезъ два, когда онъ отъ нечего дѣлать про-
сматривалъ доставленную ему сестрой милосердія старую
французскую газету, въ которой довольно обстоятельно
была описана Шипкинская трагедія, съ тѣмъ только ук-
лоненіемъ отъ правды, что не мы, а Турки были побѣ-
дителями, и Русскіе, какъ оказывается уже отступаютъ
за Дунай,—въ дверяхъ небольшой комнаты, въ которой
лежалъ онъ показалась Англичанка, въ сопровожденіи
прелестнаго созданія, сейчасъ же приковавшаго къ себѣ
вниманіе офицера.

Это именно и была русская дѣвочка, прсданная Тур-
камъ изъ Одессы. Въ качествѣ полуробенка, она еще не
носила покрывала. Волосы ея были убраны подъ шитый
золотомъ, розовый шелковый платокъ, изъ-подъ котора-
го на спину падало множество косичекъ, переплетенныхъ
съ жемчугами и ленточками. Спереди платокъ спускался
до половины лба. Это была несомнѣнно Русская. Ни у
кого другаго не могло быть такихъ сѣрыхъ глазъ, въ
которыхъ порою сквозила истинная веселость. Ни укого
другаго не могло быть такихъ изящныхъ русыхъ бровей,
такихъ красивыхъ алыхъ губъ, дышавшихъ здоровьемъ и
силой. На дѣвочкѣ была коротенькая куртка, шитая тоже
золотомъ, изъ-подъ нея виднѣлась широкая рубаха изъ
бурсы—небѣленнаго шелка, сотканнаго полосами—одна
сквозная, другая сплошная. Ея громадныя рукава падали
чуть не до полу, мягко отдѣляясь своимъ серебристымъ
блескомъ отъ пунцовыхъ атласныхъ шальваръ, шуршав-
шихъ на ходу; маленькія ножки дѣвочки были обуты въ
золоченныя адрианопольскія туфли. На шеѣ болталось
множество золотыхъ монетъ; тонкій станъ былъ опоясанъ
настоящею персидскою шалью. Очевидно жила она въ
богатомъ домѣ. Думали выдать ее въ другой еще болѣе
богатый и потому не жалѣли издержекъ. Она потупясь
и сильно краснѣя, подошла къ Русскому.

— Вотъ вамъ ваша соотечественница! улыбалась Ан-
гличанка, не безъ сожалѣнія посматривая на молодую
дѣвушку.

— Здравствуйте!.. протянулъ ей руку раненый.

Но она ему не дала своей. Все такъ же не подымая глазъ, отвѣтила: «здравствуй».

— Какъ я радъ что вижу васъ здѣсь. То-есть, опомнился онъ,—не за васъ радъ, разумѣется, а за себя...

— Я тоже... Мнѣ хорошо... тутъ.—Она говорила съ трудомъ, думая и приискивая выраженія.

— Давно ли вы въ Турціи?

— Четвертый годъ у Вейсиля-паши, да годъ раньше... Да... Разъ, два, три, четвертую осень. Мнѣ хорошо здѣсь! Точно заученный урокъ повторяла она и, наконецъ, рѣшилась изъ подлобья взглянуть на юношу. Очевидно она вовсе не ожидала увидѣть такого. Изумленіе отразилось на ея свѣжемъ лицѣ.

— Какой молодой; я думала!..

— Что вы думали?

— Думала, вы старикъ.

Англичанка подвинула ей табуретъ и сама отошла къ другимъ раненымъ.

— Неужели вы здѣсь останетесь уже съ нескрываемымъ сожалѣніемъ спросилъ онъ ее.

— Мнѣ здѣсь хорошо... повторила она опять, но уже съ смущеніемъ и робостью глядя на него. Въ ея голосѣ не было прежней увѣренности.—Мнѣ здѣсь хорошо... Меня любятъ, точно сама себя старалась она убѣдить.—Меня любятъ. Видите какъ одѣваютъ... протянула она руку въ волнахъ сквознаго шёлка.—Для меня ничего не жалѣютъ. Кормятъ тоже. Позволяютъ дѣлать все что я хочу.

— Но вы остались христіанкой?... неосторожно спросилъ онъ.

Прекрасные сѣрые глаза ея, которыми онъ такъ любовался, наполнились слезами. Она употребила всѣ свои усилія, чтобы не расплакаться, и отвѣтила только спустя нѣсколько времени, вся вспыхнувшая и дрожащая.

— Нѣтъ... Какъ меня привели въ Константинополь, такъ... скоро продали имъ... кивнула она по направленію къ двору, за которымъ въ отдѣльныхъ домахъ помѣщались жены Вейсель-паши.—И они позвали мурлу... Меня

силой... Я не хотѣла... Что я понимала тогда! съ искреннимъ порывомъ тоски вырвалось у дѣвушки и она безсильно сложила на колѣняхъ свои красивыя руки.—Что я понимала тогда?

— И вы ходите въ мечеть, молитесь по-ихнему?

Она хотѣла было не отвѣтить на это, но очевидно въ ней самой уже не разъ подымались эти больные вопросы.

— Хожу. Что-жь мнѣ дѣлать? Они водятъ меня съ собою. И въ бани, и въ мечети... постоянно.

Петръ Ѳедоровичъ покачалъ головой. На его блѣдномъ еще отъ вынесеннаго страданія лицѣ отразилось столько сожалѣнія, что изъ глазъ Гюльмы опять посыпались крупныя слезы...

— Я не виновата... упавшимъ голосомъ точно оправдывалась она.—Меня бы погубили, еслибъ я не согласилась...

Онъ любовался ею и въ то же время голова его работала надъ вопросомъ, что сдѣлать и какъ спасти эту дѣвочку.

Въ эту самую минуту Англичанка сестра милосердія подошла къ нимъ. Онъ сообщилъ ей обо всемъ что слышалъ.

— Вѣдь она тоже, какъ и вы, была христіанкой. Вы должны помочь ей.

— Какъ и чѣмъ?

— Обратитесь въ Константинополь. Вашъ посоль всемогущій, вы сами говорите. Ее отнимутъ, вернутъ на родину.

Та покачала головой.

— Какъ вы еще наивны, печально улыбнулась она.— Впервыхъ, еслибъ ее, теперь магометанку, захотѣли отнять у ея семьи, у женъ Вейсель-паши, то тѣ скорѣе задушили бы ее чѣмъ отдали. Вы не знаете ихъ фанатизма. Онъ весь держится здѣсь у муллъ, у софтъ и у женщинъ. Смерть была бы для нея неизбѣжна. А вторыхъ, какой Англичанинъ,—будь онъ посоль или частный челоуѣкъ, все равно, захочетъ вмѣшиваться въ то

что дѣлается внутри турецкихъ семей, въ ихъ домахъ? Это было бы неполитично.

— Но ее можно выкупить.

— Ее можетъ купить, но не выкупить, и то купить только мусульманину, и какъ жену, въ свой гаремъ не иначе.

— Что же остается—гибнуть ей? Какъ ваша совѣсть не возмущается противъ этого?

Англичанка задумалась. Что-то очевидно приходило ей въ голову, она хотѣла сказать, потомъ опять остановилась.

— Еслибы она принадлежала къ нашему народу, для нея не было бы въ этомъ вопроса.

— Почему?

— Очень просто! наконецъ рѣшилась она высказаться. — Очень просто! Тысячи Болгаръ и Болгарокъ, бѣгутъ черезъ горы къ Русскимъ. А горы вѣдь вотъ онѣ—здѣсь... Вы ихъ видите.

Она порывисто подошла къ окну и отворила его.

Въ сіяющей дали, подъ яркимъ солнцемъ рѣзко рисовались вершины Балканъ... Петръ Федоровичъ жадно всматривался. Съ этой стороны къ нимъ еще не при- выкъ онъ и не могъ разобрать какая изъ нихъ принадлежитъ Св. Николаю, какая Лысой, какая Куруджѣ. Но его такъ потянуло туда къ товарищамъ и боевой жизни, сердце при видѣ этихъ горъ забилося съ такою мучительною болью, что когда онъ поднялъ глаза на Англичанку, та поняла его разомъ и улыбнулась ему.

— Я вамъ ничего не стану говорить больше. Вы мужчина и джентльменъ...

— Гюльма, скажите мнѣ какъ васъ увезли изъ Одессы... Нѣтъ, прежде всего впрочемъ, хотѣли ли бы вы вернуться въ Россію?

Она боязливо оглянулась.

— Васъ здѣсь никто не слышитъ и не понимаетъ. По-русски не знаютъ другіе.

— О Боже мой! страстно вырвалось у дѣвушки.— Да я бы кажется съ ума сошла отъ радости, еслибы...

Странно, что подъ влияніемъ сильнаго чувства, она точно разомъ вспомнила уже позабывшійся родной языкъ и быстро заговорила на немъ.

— Да я бы кажется по гробъ... Я и до сихъ поръ, какъ одна остаюсь, все нашему русскому Богу молюсь! наивно закончила она свою исповѣдь.

— Пока расскажите мнѣ какъ вы сюда попали.

— Мы были въ Одессѣ очень бѣдны. Очень бѣдны. Отецъ, отставной чиновникъ, получалъ маленькій пенсіонъ. Къ нему все ходили какіе-то люди—и онъ имъ писалъ бумаги. Они ему давали или двадцать или тридцать копѣекъ. Кромѣ меня у него дѣтей не было. Я уже теперь не помню точно, разъ онъ ушелъ изъ дому и дня три не возвращался. Мать стала справляться гдѣ онъ—ничего неизвѣстно. Въ полицію бѣгали, къ знакомымъ... Кавасовъ, кадія побезпокоили.

— Какихъ кавасовъ, какого кадія?

— Ну, какъ по-нашему, заптіи что-ли. Онъ улыбнулся, не прерывая ея болѣе.

— Только сидимъ разъ вечеромъ у окна и горько намъ, ѣсть нечего, а просить стыдно. Вдругъ на улицѣ шумъ. Заптіи эти самые шумятъ что-то. Выбѣжали мы—отецъ! Разбитый, чуть дышетъ. На набережной его нашли. Только успѣли муллу, т. е. священника, поправились она,—позвать; приоб-

Онъ жадно всматривался.

шилъ онъ его, и умеръ отецъ. Мы остались одни... Промаялись два года—мать умерла... Я и осталась одна на всемъ свѣтѣ... Не знаю куда мнѣ дѣваться... Помирать только и оставалось... Въ это самое время богатая Еврейка одна... ханумъ *) настоящая, увидала меня, приласкала и къ себѣ взяла. Стала я у нея жить. Не била меня, нѣтъ... Ты, говоритъ, красавица выростешь... Разъ она стала собираться куда-то. Спрашиваю я ее, куда. Поѣдемъ мы, говоритъ, съ тобою разныя страны смотрѣть. И поѣхали... на большомъ, большомъ кораблѣ такомъ. Еще она одну дѣвушку—та старше меня была—съ собой взяла. Тоже бѣдную, бѣдную, Русскую какъ и я... Плыли мы полутора сутокъ, сказываютъ, тридцать шесть саатовъ **), и подошли къ большому, большому городу Стамбуль по-нашему.

— По-турецки! поправиль ее тихо Петръ Ѳедоровичъ.

— Ну, все равно. Вы понимаете, а мнѣ трудно сразу-то. Ну, приѣхали мы въ городъ... Улицъ, улицъ, да проулковъ. Заплутаешься совсѣмъ. Голову поторяешь. Шли мы, шли, а хамалы (носильщики) за нами вещи наши тащили, и пришли мы туда гдѣ у нихъ деревянные дома стоятъ. Много деревянныхъ домовъ, и въ нихъ все еврей, армяне да турки живутъ. Ну, переночевали мы. Вдругъ приходитъ какой-то ага, сказываютъ, толстый, толстый, старый, ни усовъ, ни бороды у него... Есть тутъ такіе въ аремлыкахъ, ихъ видно для порядку деожать.

— Евнухъ?

— Не знаю... У насъ въ нашемъ аремлыкѣ нѣтъ, а у того кто по знатнѣй—всегда есть. Ну привели къ нему насъ, онъ на меня и не посмотрѣлъ, а на Алену уставился. Меня увезли прочь... Только—слышу я, крики—бѣда... Испугалась, дрожмя дрожу. Потомъ уже узнала, что Алену-то раздѣвали, чтобы показать ему, и продали для его господина. Тутъ моя ханумъ точно совсѣмъ дру-

---

*) Ханумъ—барыня.

***) Саатъ—часъ.

гая стала. Препней ласки—нѣтъ, говорить со мной точно я виновата въ чемъ, скажу я слово не впадать—треснетъ... и стала она меня запираеть... Приходили, помню, разныя Турчанки покупать меня, смотрѣли... Я не выходила. Ханумъ меня больно кнотомъ била. Наконецъ жены Вейсель-паши пришли — со старшею своею Зейнабъ,.. Тутъ меня и порѣшили...

Какой-то планъ сталъ складываться въ головѣ у Сивявина.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на дѣвочку.

— Вотъ что, какъ васъ звали въ Россіи?

— Надеждой.

— Ну, такъ вотъ что, Наденька, пока вы идите къ себѣ, чтобы не беспокоились тамъ вашимъ отсутствіемъ. Идите къ себѣ, а вечеромъ опять сюда. Я же что-нибудь придумаю. Можетъ-быть вы меня, а я васъ выручу. Только слышите—молчокъ...

Англичанка тоже очевидно поняла. Проходя мимо него, она опять уронила:

— Еслибъ я была мужчиной и джентльменомъ, я бы ни у кого не спрашивала совѣта, что мнѣ дѣлать!.. И потомъ точно невзначай прибавила:—Вы останетесь здѣсь какъ можно больше времени. Васъ отправятъ въ Константинополь тогда, когда вы сами захотите этого.

— О, я этого не захочу никогда! горячо вырвалось у него.

IX.

Нѣсколько уже разъ Гюльма, т. е. Надя, посѣщала молодого офицера. Ей позволяли ходить, когда захотеть. За то всякій вечеръ въ аремлыкѣ около нея собирался кругъ женщинъ, которымъ она должна была

разсказывать, что видѣла въ госпиталѣ и главное о молодомъ офицерѣ русскомъ, по поводу котораго возникла въ Имитли даже легенда, что это женщина, что у Русскаго падишаха уже не хватаетъ мужчинъ въ войска, и тамъ, на северѣ, въ Московіи стали забирать дѣвушекъ и женщинъ.

Около нея собирався кругъ женщинъ.

Между тѣмъ здоровье Синявина стало мало-по-малу возстановляться. Ему позволили выходить во дворъ дома, и онъ широко пользовался этимъ правомъ. Отъ Леманъ-паши пришелъ запросъ; нельзя ли его не медля отправить въ Стамбулъ, но мистеръ Кингли категорично отвѣтилъ что раньше трехъ недѣль объ этомъ и думать нечего... Турки успокоились, къ тому же Петра Ѳедоровича сталъ посѣщать мѣстный муфтій. Въ эти часы приглашалась Гюльма, которой, какъ еще дѣвчкѣ почти, позволялось быть тамъ гдѣ мушны. Муфтій пользовался ею какъ переводчицей и краснорѣчиво описывалъ Пет-

рось-агъ (какъ здѣсь называли Синявина) величіе Турецкаго султана, его могущество и прелести магометова рая. Очевидно старикъ муфтій вбилъ себѣ въ голову обратитъ русскаго офицера въ исламъ. Пертъ Ѳедоровичъ или Петрось-ага внимательно слушалъ его и не противорѣчилъ. Это входило въ планы молодаго чело-вѣка, и дѣло кончилось тѣмъ, что сѣдой мулла и русскій офицеръ подружились, послѣ чего Турки стали смотрѣть на юношу благожелательно и теперь онъ уже ходилъ повсюду куда хотѣлъ. Къ нему кромѣ муллы стали являться кадій и прочіе сановники имитлійскіе... Разъ какъ-то подъ вечеръ, когда онъ сидѣлъ у аги во дворикѣ подъ раскидистою чинарой и прислушивался къ меланхолическому ропоту фонтановъ, къ нему стороной какъ-то подобрался круглоголовый Турокъ, весь обожженный на солнцѣ.

— Здравствуй! по-русски привѣтствовалъ онъ его.

— Селямъ-алейкумъ! отвѣтилъ ему по-турецки Синявинъ.

Но турокъ вдругъ энергически плюнулъ...

— Я не мусульманинъ... Я не проклятый Турокъ! Я Болгаръ.—А самъ между прочимъ осторожно оглядывался во всѣ стороны.—Я служу Русскимъ

И вдругъ невидимо откуда вытащилъ небольшой клочекъ бумаги. Вытащилъ и подаль его Петру Ѳедоровичу. Тотъ оправился отъ изумленія и взглянулъ:

«Жителю города Казанлыка Дончо Костеву разрѣшается проѣхать черезъ русскія позиціи.

«Генералъ Радецкій.»

Синявинъ страшно обрадовался ему... Онъ горячо сталъ спрашивать о Шипкѣ, и Дончо немедленно сообщилъ ему, что тамъ извѣстно уже о судьбѣ молодого офицера, котораго считали сначала безъ вѣсти пропавшимъ. Что самъ генералъ приказалъ передать, что ему пожалованъ Георгіевскій крестъ, за дѣло на Лысой горѣ, и онъ, его высокопревосходительство, желаетъ подпоручику Синявину выздоравливать и такъ или иначе выб-

раться скорѣй на свободу. Товарищи ему кланяются и даже солдаты жалѣютъ. Потомъ, еще разъ оглянувшись Дончо Костевъ опять засунулъ куда-то руку и совершенно неизвѣстно изъ какихъ кладезей вытащилъ шелковый мѣшечокъ. Вытащилъ, подвѣсилъ его на рукѣ и подаль офицеру.

— Это что? удивился тотъ.

— Напишите росписку... Здѣсь сто полуимперіаловъ. Приказано передать вамъ. Жаль что вы больны еще.

— Да я уже здоровъ совсѣмъ... а то бы...

Тогда и Дончо запнулся... Очевидно ему стало страшнѣ.

Я уже знаю... Гюльма?

— Да, да... Только какъ вамъ удастся это?

— У меня и отъ Турокъ есть пропускъ... Эти без-
мозглые дураки воображаютъ что я служу имъ.

— Генераль мнѣ
сказалъ — помоги
ему выбраться от-
туда и я тебѣ шап-
ку золота насыплю!

— Значить я
долженъ бѣжать? и
бѣгу непременно!
Чѣмъ скорѣе, тѣмъ
лучше. И вы дол-
жны устроить мнѣ
все что слѣдуетъ
для этого... Вѣрьте,
и я васъ отблагодарю... Кстати тутъ
есть одна Русская,
которую мы долж-
ны взять съ собою
тоже.

— Я уже знаю...
кивалъ головой
Болгаринъ. — Я
уже знаю... Гюль-
ма?..

— Очевидно «балгарскій патриотъ» Дончо служилъ по настоящему Русскимъ, а съ турокъ только получалъ деньги и, дойдя до того психологическаго момента, когда послѣдніе должны были его раскусить, рѣшился окончательно сжечь корабли и перебраться по ту сторону Балканъ.

Когда вечеромъ въ тотъ же день Гюльма выскочилъ вся веселая и радостная какъ пташка во дворъ имитліискаго дома и распѣвала тамъ, срывая цвѣты съ роскошно разросшихся кустовъ, къ ней вышелъ Синявинъ.

— Послушайте, Наденька... Я долженъ сегодня говорить серьезно...

Она разомъ присмирѣла и широко открыла испуганные глаза.

— Не пугайтесь... Страшно будетъ впереди. Пока еще ничего нѣтъ. Скажите мнѣ по совѣсти, желаете ли вы остаться Турчанкой, выйти за какого-нибудь пашу, такого же стараго и сквернаго какъ Вейсель, провести всю свою жизнь какъ эти... кивнулъ онъ на постройки гаремлыка, — въ заперти, узницей, и умереть преждевременно состарѣвшись. Или...? и онъ запнулся.

Я долженъ поговорить серьезно.

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза:

— Или... что?

— Или уйти со мной и еще съ однимъ Болгариниомъ къ нашимъ.

— Тамъ у меня никого нѣтъ... грустно проговорила она.—Что со мною тамъ будетъ? О, я уйду, заломила она руки,—уйду, я не хочу потурчиться, совсѣмъ не хочу... Но тамъ, тамъ что со мною будетъ? У меня никого, никого!

— Неправда, вторично заговорилъ онъ, стискивая ея руку,—неправда, у васъ есть семья... Я, моя мать. Если Богъ поможетъ намъ, и онъ набожно перекрестился, перекрестилась и она, но робко и сконфуженно, — если Богъ поможетъ намъ, то я васъ сейчасъ же отправлю въ Россію, въ Петербургъ, къ моей матери. Она добра и великодушна... Она станетъ беречь и лелеять васъ... какъ.. какъ мою невѣсту... вспыхнулъ онъ и наклонился къ дѣвушкѣ.—Поняли вы это, Наденька? Такъ выбирайте. Насъ могутъ поймать... Но что же, смерть вѣдь одна! Да кромѣ того Дончо не станетъ слишкомъ рисковать собою. Онъ въ этомъ отношеніи остороженъ.

— Вы меня не бросите?.. Вы исполните все что говорите?..

И она краснѣя и чуть не плача протянула ему руки.

— Клянусь вамъ! только и могъ проговорить онъ.

Въ эту минуту на крыльцѣ показалась Англичанка сестра милосердія. Она ласково взглянула на юношу съ Гюльмой и улыбнулась имъ издали.

— Васъ переведутъ въ отдѣльную комнату... крикнула она первому.

— Благодарю васъ! Обрадовался онъ. Это ему совсѣмъ развязывало руки.

— А тамъ—желаю вамъ счастья и удачи!

И когда онъ проходилъ мимо нея, она въ упоръ посмотрѣла ему въ глаза.

— Надѣюсь, что вы не погубите Гюльму? Вѣдь она не останется здѣсь...

— Миссъ Клейтонъ, Гюльма—моя будущая жена.

Англичанка энергично пожала ему руку.

— Это будетъ по-джентльменски. Поздравляю васъ!

Послѣ этого вечера онъ считаль часы и минуты. Какъ-то ночью пріѣзжалъ Вейсель-паша съ позиціи, ласкаль Надю и окончательно напугаль, сообщивъ ей: «рости, рости скорѣе, черезъ годъ ты моей женой станешь!» Она въ тотъ же вечеръ въ слезахъ вбѣжала на мгновение къ Петру Ѳедоровичу и рассказала ему о своемъ счастье. Онъ улыбнулся. Сегодня у него былъ Дончо и они долго разговаривали о чемъ-то.

— Будьте, Надя, готовы завтра. Въ часъ ночи. Вотъ вамъ часы, чтобы не прозѣвать. Дончо съ вечера доставитъ вамъ мужской кустюмъ...

— Не надо, не надо...

— Почему? удивлялся офицеръ.

— Потому что у насъ есть отличные... такіе, какихъ Дончо не добудеть. При Вейсель-пашѣ ѣздитъ постоянно его слуга всадникъ.

А я здѣсь тоже выучилась сидѣть по мужски...

И лошадь я выведу изъ конюшни...

У насъ есть старуха. Она все знаетъ. Все

все. Я уже выучилась выпить съ вечера, такое зелье порошокъ есть. Крѣпко

спится съ него. Надо сюда положить.

А утромъ проснутъся, когда насъ уже

не будетъ. И въ голову не придетъ нашимъ всѣмъ одалискамъ и хану-

мамъ... Пускай, всѣ, всѣ спятъ...

— Вы не боитесь, Надя?

Онъ бросилъ узелъ.

— Вы не боитесь, Надя?

— Нѣтъ. Сначала боялась точно. А теперь не боюсь... Теперь я вся въ этомъ...

— Ну смотрите же, Надя... Завтра... Слышите?

Она торопливо кивнула ему головой и убѣждала къ себѣ.

Нетерпѣніе охватывавшее молодого офицера, было ужасно. Онъ не находилъ себѣ мѣста. Миссъ Клейтонъ спросила его: не надо ли ему денегъ. Онъ рѣшительно отказался. Мистеръ Кингли принесъ ему пару великолѣпныхъ англійскихъ револьверовъ и улыбаясь проговорилъ: «Это вамъ подарокъ отъ вашего врага Англичанина!» и такъ стиснулъ руку молодому офицеру, что тотъ чуть не крикнулъ. Весь день онъ ходилъ блѣдный. То въ саду сидѣлъ у фонтана, то—у старой мечети, гдѣ встрѣтился съ знакомымъ муфтіемъ. Его провожали всюду любопытными взглядами. Въ одномъ уголку у старой каменной стѣны, черезъ которою была прорѣзана громадная арка на базаръ, собралась толпа. Погонщикъ ословъ, рядомъ старый мулла, читавшій что-то внимательно слушавшему его Зейбеку и полунагому мальчику, оборвышъ разбиравшій мѣдяки, сидя на солнцѣ на старомъ коврѣ, разостланномъ тутъ же на улицѣ. Когда Петръ Федоровичъ подошелъ къ нимъ, они зашевелились.

— Это тотъ самый русскій офицеръ... Котораго будутъ отправлять къ султану въ Стамбулъ?

— Да... Нашъ муфтіи говоритъ, что онъ почти готовъ, и въ Стамбулѣ вѣрно приметъ исламъ.

— Да будетъ благословенно имя Аллаха!

— И Магомета пророка его!..

Синявинъ не понималъ о чемъ они говорятъ. Ему было ясно только одно—противъ его здѣсь не было враждебнаго настроенія... День тянулся долго, долго... Такъ долго, что казалось солнце остановилось. Чемъ ближе было къ вечеру, тѣмъ лихорадочное состояніе Синявина росло. Гюльма не выходила сегодня, такъ они условились вчера...

Зайдя къ себѣ и оставшись одинъ, когда уже стемнѣло, Петръ Ѳедоровичъ повернулъ лицомъ къ востоку, сталъ на колѣни и началъ горячо молиться. Англичанка, заглянувъ къ нему, на цыпочкахъ вышла, чтобы не мѣшать. Въ открытое окно струилась прохлада съ запахомъ цвѣтовъ... По ночному небу высыпали звѣзды, луны не было давно.

Ничего нельзя было лучше придумать этой темени. Когда онъ всталъ и подошелъ къ окну, благоговѣнно глядя въ открытыя его душѣ небеса, какая-то тѣнь показалась тамъ.

— Господинъ!.. Я—Дончо.

Онъ бросилъ узелъ. Что-то мягкое тяжелое ударило Синявина въ грудь и упало на полъ.

— Платье... турецкаго офицера, платье...

Синявинъ нагнувся, взялъ узелъ и отнесъ къ себѣ на постель.

— Въ одинъ саатъ! шепотомъ уже донеслось до него, и потомъ онъ едва различилъ торопливые шаги Дончо.

Петръ Ѳедоровичъ выйдя въ общія комнаты госпиталя встрѣтилъ Англичанку.

— Позвольте поблагодарить васъ. Я никогда не забуду ни вашей доброты ко мнѣ, ни вашего великодушія.

И онъ наклонясь почтительно поцѣловалъ руку сестры милосердія.

X.

Ночь чѣмъ дальше, тѣмъ казалась темнѣе и темнѣе.

Когда черезъ часъ (онъ прилежъ отдохнуть предъ рискованной дорогой) Петръ Ѳедоровичъ подошелъ къ окну, звѣздъ уже не было видно вовсе,—ихъ затянуло тучами. Долина Казанлыка съ огоньками своихъ дереву-

нискъ, чифтликъ, тоже вся пропадала изъ глазъ. Подымался туманъ, заволакивавшій, все кругомъ. У Синявина сильно билось сердце. Ему казалось, что оно хочетъ разбить грудную клѣтку, выскочить на просторъ, на волю... Онъ схватился за него рукой, точно хотѣлъ удержать его и улыбаясь говорилъ: «погоди... погоди... скоро...» Подъ окномъ у него послышались мѣрные шаги и какая-то команда. Маленькій турецкій отрядъ пробирался куда-то, только не въ горы, а съ горъ внизъ... Гортанный говоръ наполнилъ на минуту тишину словно затаившейся ночи, и минуту спустя опять тишина охватила всю эту дремлющую долину... Петръ Федоровичъ вытащилъ револьверъ, подаренный ему мистеромъ Кингели, и взглянулъ. Англичанинъ, оказалось, былъ предусмотрителенъ... Во всѣхъ гнѣздахъ сидѣли крупныя пули. «Двѣнадцать выстрѣловъ, сообразилъ Синявинъ.—Двѣнадцать выстрѣловъ; послѣдніе два—себѣ и Надѣ. Пусть никому не достается. Смерть все же счастье сравнительно съ такою жизнью.» Онъ еще разъ засмотрѣлся во мракъ и мысленно обратился къ небесамъ, которыхъ въ эту минуту уже не видѣлъ. «Ты, пославшій тучи, чтобы укрыть меня, Ты, окутавшій эту долину туманами, помоги намъ... Помоги ей вернуться къ Тебѣ Всемогушему и Всемиловитому, помоги мнѣ опять служить за мою родину, за Твои храмы... за всѣхъ вѣрующихъ Тебѣ и поминающихъ имя Твое...»

— Ну, пора! Самъ уже громко прервалъ онъ свою молитву...—Пора!... Осталось только полчаса...

Онъ живо переодѣлся въ коротенькую тужурку верблюжьяго сукна, какую носятъ турецкіе офицеры, надѣлъ на голову феску, обмоталъ ее, какъ они же дѣлаютъ въ холодные дни и ночи, кускомъ бязи, прицѣпилъ къ поясу саблю, вдѣлъ револьверъ за поясъ, напросилъ на себя офицерскій плащъ съ капюшономъ, даже его опустилъ на голову. Теперь бы его никто не отличилъ отъ турецкаго офицера. Слухъ его напрягался до послѣдней возможности. Чу... скрипнула калитка... Слышится шорохъ какой-то... Не то копыть, не то... «Умная дѣвочка—

это она копыта коню обмотала чѣмъ-то», сообразилъ Синявинъ... Послышался топотъ съ другой стороны. Ухо стало такъ чутко, что оно различало что оттуда подъѣзжаютъ двѣ лошади. [«А если Дончо измѣнить?» вдругъ шевельнулось въ немъ неожиданное опасеніе. «А если Дончо измѣнить...»] И вдругъ ему стало страшно. Что-то малодушное проникло оъ его встревоженную душу. «Нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ быть. Его слишкомъ

Пара коней остановилась у окна.

щедро награждать... Наконецъ ему самому, Дончо Костеву, нельзя оставаться здѣсь... Нѣтъ, нѣтъ... Впрочемъ, теперь уже поздно, поздно...» Пара коней остановилась у окна.

— Тука... Господинъ... Тука... донесся къ Петру Федоровичу шепотъ Болгарина.

Синявинъ въ одинъ моментъ перескочилъ черезъ окно. Чья-то сильная рука посадила его въ сѣдло, и въ

эту же минуту вверху отворилось окно, оттуда гдѣ жила миссъ Клейтонъ. Она, должно-быть, кому же больше, взмахнула ему нѣсколько разъ бѣлымъ платкомъ. Это было близко и онъ разсмотрѣлъ. Снялъ шапку, перекрестился...

— А гдѣ Надя?...

— Здѣсь...

Рядомъ съ Дончо, на великолѣпной лошади, едва впрочемъ отдѣлявшейся отъ темноты, такъ какъ она была вороной масти, чуть-чуть обрисовывался какой-то всадникъ.

— Надя, ты!...

Онъ подѣхалъ къ ней и взялъ ее за руку.

Рука ея, какъ въ лихорадкѣ, вся дрожала...

— Будь спокойна. Еще нѣсколько часовъ, и мы въ безопасности... Ты молилась?

— Я не смѣю...

— Почему?

— Я мусулманка теперь...

— Ты снова возвращаешься къ Христу... Ты не знала что ты дѣлала тогда, и грѣхъ не на тебѣ... Молись...

Она, едва удерживая рыданія, прошептала нѣсколько словъ дѣтской молитвы, которая пришла ей на память въ эту минуту...

— Гайда!...

Они поѣхали. Болгаринъ Дончо Костевъ потрусилъ осторожную рысцой.

Они поѣхали.

Переулки и улочки Имитли страшно перепутаны. Надо было имѣть чисто кошацье зрѣнїе, чтобы здѣсь найти дорогу. Лошади то выѣзжали на мягкій грунтъ, и тогда

стука ихъ копытъ совсѣмъ не было слышно, то попадали на мостовую, и Синявину казалось, что сейчасъ-же подымется тревога и ихъ остановятъ. Нерѣдко имъ приходилось встрѣчать всадниковъ, но тѣ, замѣчая своего офицера, какимъ имъ казался Петръ Ѳедоровичъ, давали дорогу. Очевидно, его принимали за знатнаго «агу» или «бея», потому что простые турецкіе офицеры не ѣздятъ въ сопровожденіи слуги. Тамъ, гдѣ топотъ встрѣчныхъ коней доносился издали, Дончо емѣло кричалъ: «хабарда!» и такъ насканивалъ на путниковъ, что тѣ пугливо прижимались къ стѣнѣ.

— Должно-быть самъ паша! донеслось до нихъ.

Мало-по-малу тоскливыя опасенія исчезали, ихъ замѣняло лихорадочное возбужденіе. Надя молодцомъ молодцомъ сидѣла въ сѣдлѣ, лошадь ея только приходилось сдерживать; кровный албанецъ все закусывалъ удила и рвался впередъ. Вся бѣлая мечеть выросла у нихъ на пути. У ея порога спали какіе-то солдаты. Одинъ изъ нихъ привсталъ, подошелъ къ Синявину, и замѣтивъ своего же офицера въ немъ, отдалъ «селямъ» и почтительно посторонился.

— Ты хорошо знаешь дорогу? тихо спросилъ Петръ Ѳедоровичъ у Дончо.

Костевъ испуганно оглянулся.

— Молчите! Пока надо говорить по-турецки или совсѣмъ не говорить.

И онъ громко заболталъ съ Гюльмой на языкѣ котораго онъ вовсе не понималъ вовсе.

Теперь уже никому не пришло бы въ голову, слыша турецкія фразы, вообразить, что въ числѣ этихъ всадниковъ есть русскій офицеръ. Въ темнотѣ позади мечеть казалось пряталась въ тучу, кругомъ нея были деревья... Всѣ они сливались... Имитли стоитъ еще довольно высоко. Оставляя за собой его, наши путники погрузились въ сплошное царство тумана... Тутъ уже приходилось имъ держаться близко одинъ къ другому. Поѣхавъ позади Синявинъ еще различалъ Гюльму, но Дончо, Синявинъ еще различалъ Гюльму, но Дончо уже не видѣлъ.

Болгаринъ весь пропалъ во мглѣ. Онъ впрочемъ разъ остановилъ коня, поровнявшись съ Синявинымъ, и спросилъ.

— Что вы. отстали?

— Хорошо ли ты знаешь дорогу?

— Довѣрьте мнѣ, я найду ее. Я ребенкомъ пасъ козъ на этихъ высотахъ. Мы и поѣдемъ по ту сторону Курджи козьими тропами. Я вамъ ручаюсь, что завтра, если не подыметъ въ горахъ буря, мы уже будемъ на русскихъ позиціяхъ... Если не по дымется буря или если шайтанъ не наведетъ на насъ турецкихъ солдатъ.

— Тогда мы станемъ драться.

— Если ихъ мало—да. А если много—бѣжимъ...

И по звуку голоса Дончо, Синявинъ сообразилъ, что Костеву драться вовсе не желательно. Изрѣдка доносились издали крики турецкихъ часовыхъ съ редутовъ,— крики и рѣзкіе, и меланхолическіе въ одно и тоже время. Откуда-то, должно-быть изъ-за горъ, смутными отголосками донеслись слабыя отзвучія перестрѣлки. Точно тамъ сухой хворостъ затрепалъ на огнѣ. И опять тишина. Гдѣ-то ахнула пушка... Грохстъ выстрѣла прокатился по ущельямъ и долинамъ. Тутъ уже топота коней слышно не было вовсе... Онъ скрадывался мягкою почвой. Скоро Петръ Ѳедоровичъ почувствовалъ, что дорога начинаетъ подыматься вверхъ. Нѣсколько разъ справа и слѣва лица его коснулись вѣтви влажныхъ деревьевъ... По самой тропинкѣ, очевидно, кое-гдѣ бѣжали ручьи, потому что чуткій слухъ его улавливалъ изъ подъ копытъ своего коня ихъ неугомонный лепетъ.

— Отличная ночь! къ самому уху его нагнулъ Дончо.

— Да, не видать ничего.

— Теперь носъ къ носу столкнутся съ нами и ничего не разсмотрятъ эти дураки...

Къ счастью впрочемъ пока никто не сталкивался.

Тропинка узилаь и узилаь. Теперь уже нельзя было ѣхать и по два въ рядъ, и наши всадники вытянулись одинъ за другимъ... То и дѣло мокрая вѣтви деревьевъ хлестали ихъ въ лицо... Бѣдная Надя сильно терпѣла

отъ этого, но молчала, зная, что теперь ничѣмъ дѣлу не поможешь. Кой-гдѣ тропинка становилась такою узенькою, что только цѣпкіе турецкіе кони могли вползати по ней въ гору. Они напрягали всѣ свои усилія, вытягивали шеи, крѣпко опирались на переднія ноги и одолѣвъ одну высоту, съ такимъ же трудомъ не останавливаясь вползали на третью, четвертую, пятую. Хорошо, что стоялъ туманъ, иначе у Синявина не разъ бы закружилась голова, потому что часто тропинка шла по узенькому карнизу. Налѣво—сплошная стѣна отвѣса, направо такую же стѣной онъ падалъ внизъ. По этимъ рубчикамъ приходилось двигаться конямъ... Тутъ Дончо предупреждалъ нашихъ предоставить все на волю лошади и отнюдь не дергать поводками. Лишнее движеніе, невѣрный шагъ. и — несчастный не собралъ бы костей. Часто въ туманѣ слышался шумъ потока перемывшаго дорогу.

Тропинка узилась.

Брызги его со злобнымъ рокотомъ доносились до лица всадниковъ, но ни самага потока, ни той пропасти, въ которую онъ падалъ, никто не видѣлъ. Чѣмъ выше поднимались наши—имъ казалось, что и туманъ становится тѣмъ гуще. Плащъ у Синявина смокъ совсѣмъ, у его спутницы платье тоже было хоть выжми. Имъ не хотѣлось говорить, не до того было совсѣмъ въ эти тяжелыя минуты.

Разъ издали имъ послышались шумъ голосовъ и крики. Дончо растерялся только на нѣсколько мгновеній. Онъ разомъ сообразилъ опасность. Надо было поразить тѣхъ, что шли на встрѣчу. Онъ съ минуту прислушался—

Турки, ихъ слова... Не колеблясь ни минуты, онъ приказалъ слѣдовавшимъ за собою.

— Гоните коней!...

А самъ похлестывалъ своего. и съ такимъ гикомъ кинулся впередъ, такъ грозно кричалъ: «Дорогу! Вейсель-паша ѣдетъ!... Дорогу, собачьи дѣти!» что маленькій отрядъ аскеровъ прижался къ стѣнѣ, стараясь пропустить всадниковъ мимо... Дончо ухитрился даже одного оставшаго еще хлестнуть нагайкой черезъ голову. Это въ свою очередь убѣдило Турокъ, что ѣдетъ никто иной, какъ именно паша... «Куда онъ пробирается въ эту погоду?» задумались они, глядя вслѣдъ Синявину. Должно быть задумалъ какую-нибудь пакость устроить Русскимъ. Да хранить его Аллахъ.» Въ другой разъ на узкомъ карнизѣ встрѣтился съ Дончо Черкесь какой-то, должно-быть изъ разѣзда. Этого нельзя было убѣдить однимъ крикомъ: Онъ самъ кричалъ «хабарда» и требовалъ себѣ дороги. Дончо впрочемъ и здѣсь нашелся: пользуясь туманомъ, онъ сползъ съ сѣдла, подкрался къ коню Черкеса между стѣной, и всадилъ ему въ бокъ ножъ. Животное вздрогнуло, сдѣлало страшный прыжокъ, и мгновеніе спустя изъ пропасти донесся отчаянный крикъ.

— Что случилось? вздрогнулъ Синявинъ.

— Ничего. Впередъ песья душа не будетъ задерживать насъ на пути.

— Ты убилъ его?

— Э!.. Не нашъ. Турокъ поганый. Туда ему и дорога! Что съ нимъ торговаться еще...

Еще часа два послѣ того наши двигались совершенно спокойно. На горныхъ высяхъ здѣсь никого не было. Тишина стояла кругомъ... Только слышалось какъ ломаются деревья, падаютъ капли за каплями... Надя стала успокаиваться. Синявинъ поравнялся съ нею.

— Устала?

— Да, упавшимъ голосомъ проговорила она.—Ноги болятъ...

— Ну, что дѣлать. За то завтра будешь свободною и счастливою. Объ этомъ уже я позабочусь.

Когда наши въѣхали на высоту, между деревьями пронесся вѣтеръ... Очевидно тихо было только внизу. Вѣтеръ съ тихимъ шорохомъ колыхалъ листву, сверху врывался въ ущелье и мало-по-малу замиралъ вдаль. Часто доносился сюда вой голодныхъ собачьихъ стай... Гюльма вздрагивала и жалась къ Синявину.

— Это волки, Дончо? спрашивалъ онъ.

— Да, только на нихъ нечего обращать вниманія. Они внизу. Они сюда не влѣзутъ... Сейчасъ мы въѣдемъ на вершину.

Встрѣтился съ Дончо Черкесъ.

Дѣйствительно вѣтеръ дѣлался все сильнѣе и сильнѣе. Деревья здѣсь становились рѣже. Еще нѣсколько минутъ прошло, и наши путники остановились какъ ошеломленные.

— Что это спросилъ шепотомъ Синявинъ.

— Не понимаю, никогда ихъ тутъ не было прежде. Впереди въ туманѣ, на большой площади, очевидно былъ разложенъ громадный костеръ. Наши видѣли его сквозь туманъ, еще болѣе увеличивавшій его размѣры. На желтомъ пятнѣ костра то и дѣло показывались люди. Они сливались и отдѣлялись. Мерещились у нѣкоторыхъ въ рукахъ ружья.

— Что это? Какіе это, не бѣженцы?

— Нѣтъ, это не бѣженцы. Пристально всматривался Дончо.—Это аскеры... И ихъ тутъ цѣлый таборъ.

— Что же дѣлать?...

Но Дончо растерянно молчалъ. Этого онъ не предвидѣлъ, и гибель теперь ему казалась неминуемою.

— Другой дороги нѣтъ?

— Никакой. Одна эта. Они очевидно пришли сюда строить редутъ.

— Почему ты думаешь?

— Да вотъ срублены деревья. Прямо въ ту сторону, гдѣ русскія позиціи... Мы пропали!..

XII.

Мы пропали! Повторилъ еще разъ Дончо. Впереди на огнѣ костра видна была чья-то лошадь. Онъ теперь боялся одного, какъ бы свои не заржали увидѣвъ ее... Тогда неизбежная гибель настала бы немедленно. — Мы погибли... Ее жаль, обратился онъ къ Синявину.

— Неправда! рѣзко оборвалъ его тотъ.—Надя, ты боишься или нѣтъ? Намъ остается одно, только одно спасеніе. Только одно, но ты понимаешь, что тебѣ надо быть мужественною. Отчаянно мужественною!

Синявину потомъ самому было непонятно, откуда у него, у новичка, хватило столько находчивостч, силы,

отчаяннаго мужества, чтобы продѣлать то, что онъ тогда задумалъ.

— Что же, Надя, ты мнѣ не отвѣтила. Тебѣ есть еще дорога назадъ. Ты съ Дончо вернешься, и никто ничего не узнаетъ.

— О нѣтъ, нѣтъ, ни за что!.. Лучше умру.

— Дончо... Ты готовъ?.. Намъ надо пробиться.

— Тамъ цѣлый таборъ, все равно убьютъ.

— Я тебѣ говорю, что насъ можетъ спасти только отчаяніе. Этими деревьями мы должны пробраться какъ можно ближе къ нимъ. Понимаешь? У тебя револьверъ заряженъ?..

Тамъ цѣлый таборъ.

— Да.

— Надя, вотъ тебѣ. У меня два. Мы съ крикомъ бросимся на нихъ. Кажется, тамъ только одна лошадь всего. Лошадь надо убить во что бы то ни стало... Какъ идетъ дорога дальше?

— Дорога дальше хорошая!

— Ну, убьемъ лошадь, надѣлаемъ суматохи и прорвемся туда, на ту, на хорошую дорогу. Понялъ мои мысли?

Къ счастью Дончо оказался не такимъ трусомъ, какимъ его считалъ Синявинъ. Прижатый къ стѣнѣ, въ безвыходномъ положеніи, чтобы выиграть жизнь у смерти, онъ готовъ былъ на самый героическій подвигъ.

— Теперь веди насъ какъ можно ближе къ табору. Только смотри, чтобы тамъ не слышали... Пошелъ!..

Дончо за деревьями проскользнулъ вкось, чтобы быть около середины того мѣста, гдѣ горѣлъ костеръ. Тамъ онъ дождался своихъ спутниковъ. Тутъ, на этой лысинѣ Куруджи, среди вырубленнаго пространства очевидно отдыхалъ не таборъ, какъ сначала показалось Дончо, а человекъ восемьдесятъ редифовъ. Теперь уже Синявинъ былъ такъ близокъ къ нимъ, что ему видны были ихъ синія куртки съ красными фесками... Большая часть изъ нихъ спала, остальные сидя у костра бессмысленно смотрѣли въ огонь, и только изрѣдка поправляли развалившійся хворостъ. Пламя съ шипѣніемъ и свистомъ обволакивало сырые сучья, красными языками вырывалось вверхъ и тонуло въ туманѣ. Чу, какая-то пѣсня. Совсѣмъ незнакомая, унылая и нѣжная въ одно и то же время... Скоро смолкла и пѣсня. Стало тихо, такъ тихо, что шипѣніе сырыхъ сучьевъ въ кострѣ звучало какъ-то преувеличенно громко...

— Слушайте же, за мной!.. Послѣ моего выстрѣла и вы стрѣляйте...

Синявинъ намѣтилъ на лошадь, стоящую у костра опустивъ голову. Разъ, два, три, отстукивало его сердце, и такъ громко, что, ему казалось, тѣ, сидяшіе у костра, слышатъ его бѣненіе. Разъ, два, три... Страшно... Господи помози... Спаси насъ Боже... и Надю... Какой-то вихрь мыслей въ головѣ. Пора... Пора!

— Ура! крикнулъ онъ что было силы.

— Ура! подхватили за нимъ его спутники.

Три выстрѣла послышались одинъ за другимъ. Лошадь стоявшая у костра сдѣлала прыжокъ и свалилась

въ огонь. Синявинъ уже не помнилъ что́ было потомъ. Беспорядочные выстрѣлы въ оторопѣвшихъ людей, ихъ дикіе, полные ужаса крики какъ смутный сонъ все мелькнуло предъ нимъ. Дончо ухитрился уложить редифа бѣжавшаго къ нему на встрѣчу. Надя, вся разгорѣвшись, или такую она показалась при свѣтѣ костра, тоже, стрѣляла туда, за чѣмъ—не знала сама, даже когда въ револьверѣ не хватило пуль, она все еще нажимала спускъ. Что-то невообразимое происходило на площадкѣ. Не ожидавшіе нападенія Турки, до того не ожидавшіе, что нападенія Турки, до того не ожидавшіе, что они невыставили даже и цѣпи, бросились одинъ на другаго, сталкивались и разбѣгались, кричали «аманъ». Воображая что

Они безпорядочно стрѣляли.

на нихъ напало громадное число солдатъ, они беспорядочно стрѣляли въ пространство, не зная куда цѣлить, потому что Дончо, Синявина и Надю, одѣтыхъ по-турецки, принимали за своихъ же. Даже тѣ, которые пробѣжали дальше по тому направленію, къ которому те-

перь стремглавъ летѣло трое всадниковъ, оборачиваясь спрашивали:

— Гдѣ Русскіе?.. Откуда свалились они?

Но ни Дончо, ни Синявинъ, ни Надя не отвѣчали имъ. Дорога шла довольно широкая и хорошая. Они летѣли какъ вихрь, и скоро послѣдніе бѣглецы остались далеко за ними. Оттуда слышался только гвалтъ и шумъ. Потомъ, должно-быть, оторопѣвшіе солдаты, приходившіе въ себя, начинали беспорядочно стрѣлять въ пространство, во всѣ стороны. Никто тамъ не понималъ что случилось, никто во всемъ происшедшемъ тамъ не могъ дать себѣ никакого отчета.

— Молодецъ Надя! счастливо и радостно улыбался ей Синявинъ.—Но ни онъ ея лица, ни она его улыбки въ эту минуту не видѣли. Туманъ все былъ такъ же густъ, и ночь казалась здѣсь еще темнѣе.

— Ну, что, Дончо, нѣтъ спасенія?..

— Скорѣе, скорѣе... Теперь они погонятся за нами... Они стрѣляютъ. Скоро Турки взбудоражатся кругомъ.

— А намъ далеко?

— Часа два до первыхъ позицій...

Дончо какъ будто насторожился. Тревога, поднятая на вершинѣ Куруджи случайнымъ отрядомъ Турокъ, быстро передалась на всѣ остальные позиціи. Сначала взбудоражилась Лысая гора, и изъ батареи сооруженной Турками на ней показались въ туманѣ смутныя пятна артиллерійскихъ выстрѣловъ. Огонь въ туманѣ казался громаднымъ... Лысой отвѣтили наши батареи Св. Николая; въ свою очередь—непріятельскій редутъ съ фронта. И не прошло полчаса, какъ окрестности вздрагивали и наполнялись сплошнымъ гуломъ этого бессмысленнаго боя во мглѣ, ночью, въ которомъ ни начинавшіе, ни отвѣчавшіе одинаково ничего не видѣли. Когда наши спустились уже по ту сторону горы и предъ ними раскинулась лошина, сырая и темная, —Петръ Ѳедоровичъ подѣхалъ къ дѣвушкѣ.

— Очень страшно было тебѣ, Надя?

— Нѣтъ... Я какъ во снѣ, ничего не понимаю, что это со мною. Кажется, я даже стрѣляла?

— И очень удачно, должно-быть, судя потому, что ты продолжала послѣ того, какъ въ револьверѣ не было ни одного патрона.

Она засмѣялась. Но въ самыхъ звукахъ ея смѣха были еще слышны недавняя дрожь и страхъ...

Отсюда они уже ѣхали молча. Всѣхъ растомили и усталъ и только что пережитыя ощущенія. Синявинъ пробовалъ даже заснуть въ сѣдлѣ, но очевидно возбужденіе еще не прошло и нервы шалили.. Онъ то и дѣло вскрикивалъ и, открывая глаза, пугливо озирался. Но

Они летѣли какъ вихрь.

предъ были все тѣ же фигуры Дончо и его Нади и онъ опять блаженно улыбаясь закрывалъ глаза... «Какъ будетъ счастлива матушка... Боже мой; какъ она обрадуется вѣсти о моемъ подвигѣ и съ какою радостью она приметъ Надю!..» И нѣжное, ласковое чувство къ бѣдной заброшенной дѣвочкѣ могучею волной подымалось въ его душѣ... Онъ погналъ коня и, поровнявшись съ дѣвушкой, тихо обнялъ ея станъ и проговорилъ:

— Ты, Надя, все расскажи моей мамѣ!.. Она тебя такъ полюбитъ. Она любитъ всѣхъ кого я люблю.

Надя вспыхнула. Ей такъ непривычно было слышать ласковыя слова... Ей самой происшедшее казалось сномъ какимъ-то, чуднымъ, радостнымъ, и она боялась проснуться, чтобы опять не услышать ворчанье старухи Зейнабъ, перебранку неладившихъ между собою женъ Вейсель-паши... Ей такъ давно, такъ страстно хотѣлось радости, она такую недосягаемую мечтой казалась проданному на чужбину ребенку, что когда эта мечта стала осуществляться, Надя сама себя старалась увѣрить, что это дѣйствительность, что она не спитъ, что ясные лучи дня не разсѣять этого дивнаго миража.

Свои... свои,—не стрѣляйте!

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо!.. повторяла она.
— Какъ хорошо!..

А этотъ милый и ласковый голосъ, который проникъ въ самое сердце дѣвочки, продолжалъ:

— Только ты, Надя, смотри. Мама тебя посадить за книги. Тебѣ еще нѣсколько лѣтъ придется учиться, и какъ учиться! Тебѣ должно сдѣлаться хорошою, образованною дѣвушкой, чтобы я могъ гордиться въ послѣдствіи твоимъ умомъ настолько же, насколько теперь горжусь твоєю смѣлостью и рѣшительностью. Да вѣдь?

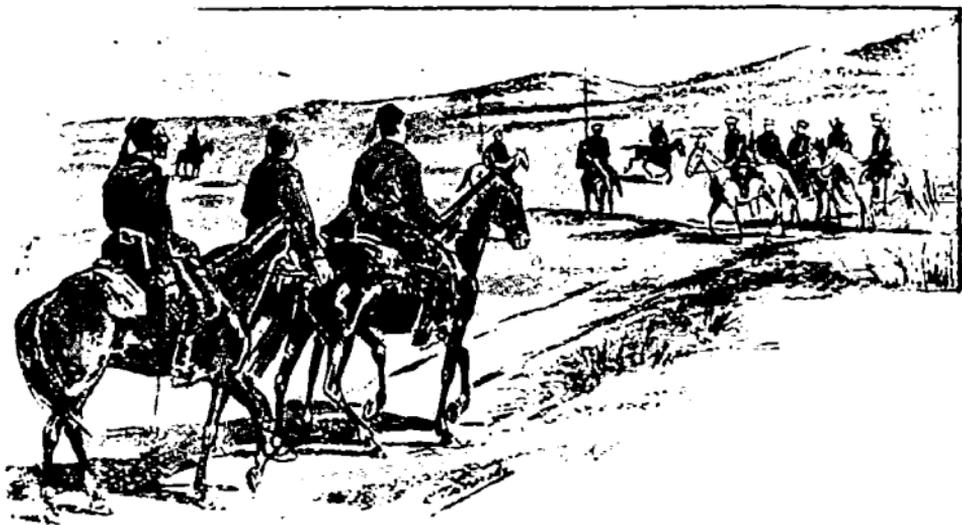
Не зная сама что она дѣлаетъ, вмѣсто всякаго отвѣта она взяла его руку и прижала къ своимъ губамъ.

Потомъ вдругъ ни съ того ни съ сего расплакалась и въ то же время сквозь слезы повторяла:

— Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, какъ хорошо!..

Туманъ немного порѣдѣлъ...

Изъ него выступили стволы старыхъ деревьевъ, ясно опредѣлился Дончо, совсѣмъ уже выступила изъ мрака Надя. Камни и отвѣсы противоположнаго ската обрисо-

Показался вызванный на аванпостъ разъѣздъ.

вались во всей своей угрюмой, величавой пустынности. Любуясь всѣмъ этимъ, Петръ Федоровичъ только сейчасъ понялъ, что это не туманъ рѣдѣетъ, а въ туманѣ день рождается—сырой и холодный, пасмурный день болгарской осени, но теперь все ему казалось свѣтлымъ сияніемъ яркаго дня. Этотъ разсвѣтъ, тусклый и скудный, былъ разсвѣтомъ его свободы, съ этимъ днемъ для него кончалось пережитое мученичество плѣна. Онъ зналъ что если Богъ поможетъ ему до конца, черезъ нѣсколько часовъ его обнимутъ товарищи, къ которымъ такъ быстро приросло его сердце. И кромѣ того всѣ его мечты

исполнились... Онъ вернется домой съ бѣленькимъ крестомъ, онъ знаетъ, что не даромъ ему достался Георгій, и впередъ наслаждается тѣмъ взглядомъ счастья и гордости, съ которымъ его встрѣтятъ тамъ, въ Петербургѣ. На пути сюда онъ мечталъ о ней, она была отвлеченная она. Среди несчастій—раны, плѣна, онъ и ее нашелъ, и въ такой романтической обстановкѣ, которая уже загодя наполнила его сердце любовью... Пока онъ отдавался беспорядочно набѣгавшимъ и безслѣдно пролетавшимъ мыслямъ, совсѣмъ уже разсвѣло.

Теперь опасность опять его ждала повсюду. Дончо зналъ что вблизи русскихъ позицій постоянно шатаются баши-бузуки. Наткнуться на нихъ было бы несчастіемъ. Сверхъ того путь становился трудень и потому, что здѣсь, на днѣ лощины, оказывалось почти невозможно дышать. Она вся была завалена трупами. Отсюда шла ожесточенная атака Сулеймана 8, 9 и 10 августа, сюда направлялись и мы потомъ, пытаясь овладѣть турецкими твердынями. И Турки и мы оставляли здѣсь своихъ убитыхъ, и при близкомъ зловѣщемъ свѣтѣ осенняго мгlistaго дня зрѣлище это казалось ужасно для Нади. Она не могла отвести глазъ отъ этихъ исковерканныхъ, въ самыхъ невозможныхъ положеніяхъ, окостенѣвшихъ мертвецовъ, отъ ихъ неподвижныхъ глазъ, отъ этихъ рукъ указывавшихъ на что-то. Она зажмурясь ѣхала дальше, пока Дончо не крикнулъ.

— Ну, теперь гайда!..

— Скорѣе, скорѣе! торопился юноша.—Скорѣе, Надя. Держись! и онъ ударилъ ея лошадь ногойкой.

Они стремглавъ помчались по лощинѣ къ Янтрѣ, которая уже шумѣла вдали. У самой рѣки начиналась дорога вверхъ... Только что наши пронеслись по ней, какъ ихъ встрѣтилъ постъ русскихъ цѣпей... Забывъ что онъ одѣтъ въ платье турецкаго офицера, счастливый, взволнованный Синявинъ полетѣлъ на встрѣчу своимъ, но тѣ встрѣтили его выстрѣлами. Свои русскія пули просвистали у него мимо ушей. Тогда онъ догадался наконецъ и крикнулъ.

— Свои... Свои,—не стрѣляйте!..

— Свои! кричалъ и Дончо ему въ слѣдъ.

Уральскіе казаки, не отнимая ружей отъ плечъ, стали выжидать.

XIII.

Когда Петръ Ѳедоровичъ подѣхалъ ближе, ему крикнули оттуда: стой! Онъ терпѣливо остановился. Не прошло и четверти часа, какъ издали показался вызванный на аванпостъ разъѣздъ. Во главѣ его ѣхалъ знакомый уже Синявину старикъ маіоръ. Онъ позже юноши добрался до позицій и только на дняхъ вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей... Онъ ѣхалъ недовольный. Онъ вчера легъ поздно и только что разоспался какъ его за какимъ-то чортомъ подняли съ постели. Положимъ, въ палаткѣ было скверно, но онъ согрѣлся подъ одѣяломъ, а теперъ въ это сырое и скверное утро его насквозь пронимало ознобомъ.

— Что тутъ у васъ случилось? недовольно спросилъ онъ у казака.

— Турецкій офицеръ подѣхалъ и чисто по-русски кричалъ: не стрѣлай,—свой! Съ нимъ еще двое...

— Чортъ бы ихъ взялъ... Дезертиры вѣрно?

— Не могу знать.

Но тутъ маіоръ уже подѣхалъ къ самымъ аванпостамъ, и Петръ Ѳедоровичъ его узналъ, не смотря на легкую дымку тумана.

— Иванъ Алексѣевичъ чуть не свалился съ лошади отъ неожиданности, глаза протеръ—всматривается. Совсѣмъ какъ есть турецкій офицеръ съ двумя проводниками.

— Вы кто будете?.. растерянно спрашивалъ онъ его.

— Помните вашего спутника отъ Зимницы до Систо́ва—Синявина?

— Юнца?.. Да онъ въ плѣну вѣдь. .

— Я и есть... Бѣжалъ сегодня въ ночь.

Барышня—ручку.

— Господи! Батюшки!.. И маіоръ, давъ шпоры лошади, неуклюже поскакалъ на встрѣчу молодому офи-

церу. Тотъ тоже двинулся къ нему. Казаки издали видѣли какъ они обнялись и расцѣловались.

— Должно и въ правду нашъ... Изъ плѣну... Молодчина!

— Кабы не нашъ, маіоръ бы не узналъ... Ишь опять чмокаются.

— Ай да герой! радовался Иванъ Алексѣевичъ.— Вамъ вѣдь Георгія... Слышали? Вотъ моему завидовали...

— Я слышалъ уже... Мнѣ этотъ Болгаринъ передавалъ!.. И меня вытащилъ изъ плѣну. Кабы не онъ, я бы въ Константинополь былъ отправленъ.

— Ну, братушка, поцѣлуемся! Тебя за это мало къ солдатскому Георгію представить. Поѣдемъ къ главнокомандующему, онъ тебѣ шапку золотомъ насыплетъ. А это кто? Мальчика-то Турченка откуда вы вывезли?

Но мальчикъ Турченокъ лукаво улыбался. Очевидно сегодня маіору суждено было переходить отъ изумленія къ изумленію.

— А это, позвольте рекомендовать вамъ, моя невѣста!..

— Чтѣ такое?.. остоленѣлъ маіоръ.

— Моя невѣста, говорю... Надя... Надя... Вотъ тебѣ и на! Вѣдь я до сихъ поръ твоей фамиліи даже не знаю...

— Левченко...

— Ну вотъ Надежда Ивановна Левченко.

— Постойте, постойте... Кто тутъ съ ума сошелъ: я или вы, или всѣ вмѣстѣ?..

И только когда маіору объяснили въ чемъ дѣло, онъ вдругъ вскинулъ свою шапку вверхъ и закричалъ такъ «ура», что смиренный и нагулявшій себѣ брюшко конь его шарахнулся въ сторону...

— Ну, Нетръ Ѳедоровичъ, видалъ я хватовъ, а такихъ... Нѣтъ, какъ хотите, а сегодня мы напьемся.— Барышня, ручку!..

Надя краснѣя протянула руку.

Маіоръ нагнулся и поцѣловалъ... Едва успѣла та от дернуть.

По русскимъ позиціямъ Синявинъ ѣхалъ какъ триумфаторъ. Полкъ чуть не весь выбѣжалъ и такое «ура» ему крикнулъ, что его услышали на турецкихъ редутахъ и всполошились... Переодѣвшись Петръ Ѳедоровичъ отправился къ Радецкому со спасенною имъ дѣвочкой. Старикъ генераль обнялъ его какъ отецъ и на голову Нади положилъ свою руку, да точно ему и не хотѣлось снять ее.

Здоровье юнѣйшаго георгіевскаго кавалера!

— Ну, Надежда Ивановна! Сегодня юноша нашъ проводитъ васъ въ Габрово. Я дамъ вамъ письмо къ сестрамъ милосердія, онѣ пока пріютятъ васъ. А обѣдаете вы здѣсь у меня, если не боитесь, потому что ко мнѣ, случается, залетаютъ шальные пули.

Точно въ угарѣ какомъ чувствовалъ себя Синявинъ, когда Радецкій надѣлъ ему въ петличку Георгія и за обѣдомъ провозгласилъ:

— Здоровье юнѣйшаго изъ георгіевскихъ кавалеровъ, Петра Ѳедоровича Синявина— ура!

Обѣдавшіе тутъ же товарищи Брянцы крикнули ему такъ дружно и радостно, что молодой человекъ вдругъ заплакалъ отъ полноты охватившаго его чувства.

Вечеромъ онъ уже провожалъ будущую свою невесту въ Габрово, объясняя ей по пути гдѣ и что значитъ

Райская долина, рассказывая какъ онъ здѣсь впервые испытывалъ боевыя ощущенія и радуясь какъ ребенокъ ея изумленію и растерянности. А когда вечеръ спустился надъ Габровомъ и сестры милосердія ласково окружили его Надю, наперерывъ стараясь отогрѣть ее и показать что она своя здѣсь,—счастливецъ ея, казалось, не было въ мірѣ человѣка.

— Я думала это сонъ... наивно признавалась она.— Только теперь вижу что сонъ прошелъ... Теперь настоящая правда началась...

СТАРЫЙ ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ

РАЗСКАЗЪ ОФИЦЕРА.

(Посвящается князю Мих. Петр. Бебутову).

1.

Н а к а н у н ъ.

 Сергѣя Токмакова у насъ знали всѣ. Высокій, худой, крѣпкій, несмотря на свои 65 лѣтъ, онъ щеголялъ еще старою выправкой. Со своими щетинистыми бровями, изъ-подъ которыхъ смотрѣли зоркіе молодые глаза, со встопорщенными усами, дававшими нашимъ путешникамъ поводъ рассказывать, что онъ, прижалъ губой къ носу сѣдую мышъ, да такъ съ нею и ходитъ всю свою жизнь, старый фельдфебель съ первой встрѣчи отпечатывался въ вашей памяти. Ужъ очень характерна была эта фигура: всегда застегнутый до верху, съ тремя Георгіевскими крестами на груди и медалями за войны, въ которыхъ Сергѣй Токмаковъ участвовалъ. Онъ уже давно былъ въ отставкѣ, но неизмѣнно слѣдовалъ за полкомъ, гдѣ нѣкогда служилъ. Стояли мы въ Орлѣ—и Токмаковъ оказывался швейцаромъ въ тамошней гимназіи, ухитряясь быть свободнымъ каждый праздникъ, чтобы не-

избѣжно являться въ полкъ; перевели насъ въ Брянскъ— прошелъ мѣсяцъ, и вдругъ предъ ротнымъ командиромъ Шерстобитовымъ какъ-то утромъ оказывается Сергѣй Токмаковъ.

— Честь имѣю явиться вашему благородію! по формѣ рапортуеъ онъ.

— Здравствуй!

— Здравія желаемъ...

— Какъ ты сюда попалъ? изумляется Шерстобитовъ.

— Распрощался съ гимназіей... Ушелъ! радостно улыбается старикъ, да такъ что сѣдой мыши очевидно грозила участь быть раздавленною.

— За полкомъ?

— Точно такъ-съ, ваше благородіе,—за полкомъ.

— Что же ты здѣсь будешь дѣлать?

— На пушечно-литейный заводъ поступилъ...

Особенностью Токмакова было то, что онъ всегда самъ заботился о себѣ, не прибѣгая ни къ чьему покровительству или содѣйствію.

Перевели полкъ въ Вильну. Ну, думаемъ, не увидимъ больше старика. Куда ужъ ему трогаться съ насыщеннаго мѣста, тѣмъ болѣе что на заводѣ имъ дорожили и уважали его свыше мѣры. Онъ въ Брянскѣ даже домишко себѣ построилъ, выписалъ племянника и какую-то торговлю ему открылъ. Помню, какъ-то собрались въ офицерскомъ клубѣ и помянули старика, точно мертваго... И что же? Дня черезъ два былъ полковой праздникъ; глядимъ—Сергѣй Токмаковъ тутъ какъ тутъ, и даже къ ротѣ своей пристроился, на правомъ флангѣ ея сталъ, и усами шевелить, и глаза у него блестятъ, и лицо веселое-веселое.

— Сергѣй Ефимычъ!.. Вы какъ сюда?.. Вотъ молодецъ-то!..

— Радъ стараться!.. рубить онъ, какъ умѣли отвѣчать только въ его времена.

— А Брянскъ? спрашиваютъ его.

— Развязался... Въ чистую! такимъ тономъ, точно ему этотъ литейный заводъ страшно надоѣлъ.

— Да вѣдь вы построились тамъ, недоумѣваетъ кто-то изъ молодыхъ, еще не присмотрѣвшихся къ старику.

— Точно такъ... Только что же. Домъ да лавку я племяннику въ аренду сдалъ. Пушай его богатѣть. Съ меня хватитъ.

— А самъ за полкомъ?

— Мнѣ, ваше благородіе, безъ полка никакъ невозможно... Потому вся моя жизнь и вся семья тутъ...

И голосъ у него дрогнулъ и на сѣдые усы слеза даже капнула; онъ быстро совладалъ съ собой и ужъ строго оглянулся кругомъ. Терпѣть не могъ старикъ сантиментальничать.

Разцѣловались съ нимъ...

— Что же ты будешь въ Вильнѣ дѣлать? спрашиваетъ его Шерстобитовъ.

— А ужъ я пристроился.

— Куда? Когда?.. слышалось кругомъ.

Токмаковъ опять значить сдѣлалъ по-своему «заявился» въ полкъ, приобрѣтя уже себѣ прочное обезпеченіе, чтобы никому не быть въ тягость.

— Къ театру, ваше благородіе...

— Въ артисты что-ли? засмѣялась молодежь.— Вы не въ первые любовники, Сергѣй Ефимычъ?

— Нѣтъ, улыбается старикъ.— Мы публику въ швейцарской принимаемъ... Для порядку, значить. Настоящее стариковское мѣсто. Стой себѣ у дверей и сторожи, чтобы всякому нашъ порядокъ былъ видимъ.

— Ну и какъ—на новомъ-то мѣстѣ?

— Ничего, жить можно...

Жить можно ему, впрочемъ, оказывалось при всевозможныхъ условіяхъ. Сергѣй Токмаковъ находилъ, что жить можно и въ деревнѣ, гдѣ стояла его рота—и тамъ онъ умѣлъ находить себѣ дѣло и быть полезнымъ. «Жить можно» было и въ еврейскихъ крохотныхъ городенькахъ, гдѣ на всякій мелкій трудъ открывалась сотня голодныхъ ртовъ и цѣны были сбиты до невозможности... Это «жить можно» и строгое довольство всякою обстановкой, въ которую попадалъ Токмаковъ, было его харак-

терною чертой... Изъ Вильны онъ, бросивъ театръ, съ такимъ же легкимъ сердцемъ перебрался въ уѣздный городенко, гдѣ стояла наша рота, и черезъ мѣсяць уже ухитрился открыть тамъ какую-то торговлишку. Его у насъ знали всѣ, и молодые офицеры, заглазно подшучивая надъ старикомъ, не только любили его, но въ трудныхъ обстоятельствахъ ходили къ нему за совѣтомъ... У Сергѣя Токмакова водились денежки, и разумѣется было бы такихъ еще больше, еслибы онъ уже не слишкомъ близко принималъ къ сердцу интересы «своей роты». Бывало обносится какой-нибудь разгильдяй подпоручикъ, а смотрѣть на носу. Мундиръ поблѣднѣлъ по швамъ, на локтяхъ лысины, колѣни даже посвѣтлѣли... Кажется, мать офицеру, достать неоткуда, въ долгъ тоже никто не вѣритъ, какъ вдругъ является откуда ни возьмись Сергѣй Токмаковъ съ Евреемъ-портнымъ...

— Къ вашему благородію, сурово докладываетъ онъ, глядя черезъ голову забулдыги куда-нибудь въ уголь.

— Чтó вамъ, Сергѣй Ефимычъ?

— Не хорошо-съ, къ смотру да не въ порядкѣ быть... Генераль-то, сами знаете, изъ Нѣмцевъ, онъ этого понять не можетъ... Строгій. Дозвольте вотъ мѣрочку ему снять.

— Помилуй... Да я...

— Не безпокойтесь, ваше благородіе... Все равно что свой... Въ моей ротѣ вѣдь... Ужъ дозвольте... Деньги получите—отдадите, или частями—по мѣсяцамъ. А то какъ же и къ начальству являться. Всей ротѣ вѣдь срамъ... Скажутъ—въ первой стрѣлковой ротѣ офицеры-то представились... не въ порядкѣ.

Старика не обманывалъ никто... Деньги ему возвращали; но онъ ухитрялся ихъ опять тратить на роту. Молодыхъ солдатъ онъ жалѣлъ по-своему. Прощтрафится такой, потеряетъ казенную вещь—бѣда, подъ судъ идти нужно. Куда бѣднягѣ дѣваться? Разумѣется къ Сергѣю Ефимычу. Тотъ вскипятится, иной разъ, по сторому обычаю, даже «въ зубы ткнетъ» для порядка, а все-таки выручить изъ бѣды...

У него здѣсь завелось что-то въ родѣ семьи... Умеръ женатый фельдфебель и оставилъ вдову съ дѣтьми. Токмаковъ привязался къ нимъ, считалъ малышей тоже принадлежностью своей роты. «Ишь, ротное имущество, говорилъ онъ бывало... казенная вещь». Поселилъ ихъ съ собой, занялся ими... Обшилъ ихъ, кормить сталъ... Содержалъ въ строгости—потому что безъ строгости онъ и не понималъ ничего. «Молодое дерево, говорилъ старикъ, не подопрешь—расшатается. Первымъ вѣтромъ его свалить». Вдова та же трепетала его—ужь очень сурово топорщились на нее сѣдя брови Сергѣя Ефимыча. Онъ, впрочемъ, вообще къ женщинамъ относился презрительно... «Эй, ты,—безпардонная команда! зоветь онъ ее бывало.—Ступай чай пить», а самъ устаетъ на нее и думаетъ: «на кой прахъ Господь-Богъ бабу эту создалъ?.. Кому отъ нея толкъ какой, ни въ службу ее—никуда, одно безпокойство... И Степанычъ (покойникъ) умный человекъ былъ, солдатъ исправный, а поди какую глупость выкинулъ, съ бабой спутался»... И такъ качаетъ головой при этомъ, что вдова загода уже трепещетъ вся... Высколилъ онъ ее на славу... Увидитъ грязь на дѣтяхъ—мать въ отвѣтъ. Явится бывало домой неожиданно...

— Эй, пузыри, стройся!..

Дѣти уже знали—сейчасъ локоть къ локтю и глаза на него пучать.

— Сейчасъ я вамъ инспекторскій смотрю. Ванюшка... ты какой роты?

Тотъ ужь знаетъ: вытянется.

— Первой гарнадерской!..

Токмаковъ, по старой памяти, называлъ свою такъ, какъ она при немъ значилась еще.

— Молодцы!.. Скидавай шинель.

Сбросить тотъ кафтанишко... Осмотритъ старикъ рубаху—въ исправности... чиста.

— Степка!.. Скидавай сапоги!..

Бѣда бывало—онучи грязны. Сейчасъ мать къ отвѣту.

— Ты ихъ должна въ чистотѣ держать. Потому солдаты—Божій воинъ, не вамъ длиннохвостымъ сорокамъ

чета. Ты думаешь тебѣ на подолѣ грязь легко носить, такъ и ему тоже.

— Да какой же онъ еще солдатъ, Сергѣй Ефимычъ?.. осмѣлится она бывало.

— Ты у меня поговори! Пусть растетъ солдатомъ. Отецъ у него исправный воинъ былъ... И ему служить придется...

И такъ поведетъ глазами, что у той отъ страха подъ ложечкой защемить.

— Такъ-ли еще тебя сторожить надо, ворчить онъ... А потомъ сядетъ на лавку, закуритъ трубку, соберетъ дѣтишекъ кругомъ, и давай наставлятъ ихъ, какъ всякій настоящій солдатъ вести себя долженъ и какъ вообще слѣдуетъ жить въ «аккуратѣ»...

— Хотѣла я спросить у васъ... заговорила разъ вдова.

— Ну, чего еще? хмурился тотъ.

— Тутъ ремесленное училище есть.

— Ну?

— Ванюшку-бы... въ лудильщики...

— Накладу я тебѣ, дурѣ, по шеѣ!..

— Я что-же... я какъ вамъ будетъ угодно... растерялась она.

— Дура и есть... И на что Господь праведный создалъ... Точно плѣсень въ сыромъ мѣстѣ!

Плюнетъ и уйдетъ.

Ванюшка, его любимецъ, по понятіямъ старика, долженъ былъ чудеснымъ солдатомъ выйти, а тутъ — не угодно-ли — въ лудильщики... И выдумаетъ же!.. Разъ онъ за такія глупости такъ распушилъ вдову, что та какъ ни напугана была, а обидѣлась.

— Что-жь, Сергѣй Ефимычъ, иль ужъ я не мать!..

— Мать!.. Что говорить...

— Тоже и у меня душа...

— У тебя душа!.. Нѣтъ, братъ, души-то тебѣ и не положено.

— Это же какъ?

— Такъ коли бы у тебя душа была — тебя бы къ присягѣ приводили.

Этотъ аргументъ такъ поразилъ вдову, что она больше и не заикалась о существованіи души.

— Душа! негодовалъ потомъ Сергѣй Ефимычъ. — Человѣка Богъ создалъ—душу въ него вдохнулъ, а бабу и безъ этого—воздвигъ... Гуляй де на людскую погибель. Вотъ и вся твоя аммуниция въ томъ состоитъ... Душа...

— А какъ же, насъ въ церковь пуцаютъ! заикнулась было та.

— Терпять... Мало-ли что...

Осень 1877 года у насъ стояла ужасная.

Цѣлые дни шель дождь—мелкій, надоѣдливый, не прекращавшійся ни на минуту. Все кругомъ точно вымокло насквозь. Земля лежала бурою массой, влажными комьями; въ самую глубь просочились болотины; дороги тянулись неоглядными полосами грязи, въ которыя вязли по ступицы телѣги. Облетѣвшія деревья казались скелетами поднявшимися изъ могилъ и беспомощно протягивавшими свои костлявыя руки; дали скрывались въ сѣрвовой дымкѣ густаго тумана, въ которомъ придорожные села чудились какими-то темными пятнами... На городскихъ улицахъ сновали только юркіе Еврейчики, да и тѣ изображали своими намокшими фигурами какихъ-то календарныхъ водоеевъ. Только это знаки зодіака и попадались на встрѣчу офицерамъ, которыхъ служба вызвала куда нибудь... На далекомъ югѣ, тамъ, за голубымъ, какъ его принято считать, Дунаемъ, дрались у умирали; а здѣсь мы точно были забыты цѣлымъ свѣтомъ... Каждая вѣсть оттуда расшевеливала нашъ муравейникъ, даше страшное Плевненское побоище возбуждало въ молодыхъ офицерахъ чувство зависти.—«Неужели насъ забыли? спрашивали они.—Неужели нашъ полкъ не требуется? Господи! сидѣть тутъ и гнить въ сырости, когда тамъ братья и товарищи гибнуть. Да что же это!»

Дни тянулись за днями—скучно, однообразно. Мы оживали только съ появленіемъ газетъ, мысленно слѣдя и за стоянками нашихъ войскъ въ Румыніи, и за переправой черезъ Дунай, и за боями подъ Систовымъ, Ни-

кополемъ, Плевной и Шипкой... Особенно послѣдняя. Голова кружилась, когда воображеніе рисовало намъ утонувшія въ голубыхъ небесахъ вершины Балканскихъ горъ, смѣлые взлеты и отвѣсы ихъ, батареи, взобравшіяся на самое темя утесовъ, ложементы, въ которыхъ горсть нашихъ героевъ отстрѣливалась отъ врага и пятьдесятъ разъ большаго...

Сергѣй Ефимычъ, упорно отказываясь сѣсть, стоялъ обыкновенно у двери и внимательно вслушивался. Для него это были знакомыя мѣста... «Знаемъ, скажетъ, бывали... Мы тамъ стояли... Здорово мы тогда!..» и только глаза разгорались у стараго фельдфебеля, да усы еще болѣе топорщились и брови грозно хмурились... И онъ отмахивался рукой. Больше отъ него мы ничего добиться не могли.

— Скоро ли нашъ полкъ позовутъ? спросилъ онъ какъ-то.

— Должно-быть совсѣмъ этого не будетъ!

— Какъ не бывать!.. Еще такой войны не случилось чтобы безъ насъ дѣло обошлось.

— Да это когда-то... А теперь вотъ приходится гнить здѣсь, въ мѣстечкѣ этомъ... Въ грязи тонуть...

— А я вамъ доложу, ваше благородіе, что насъ берегутъ.

— На что?

— А на случай, когда нашихъ выручать надо будетъ.. Вотъ на что... Потому это дѣло извѣстное, хорошіе полки вездѣ въ самый огонь посылаютъ... На послѣдокъ —выручать! И въ прошлую кампанію насъ двинули въ кашу.

И Шипкинскіе бои миновали, и всѣ, еще невѣдомые намъ, позиціи на Лысой горѣ и на Св. Николаѣ остались за нами... Набѣгъ Турокъ на «Зеленое Древо» еще разъ взволновалъ всѣхъ... Такъ и грезились намъ на зеленыхъ скатахъ ущелья вдали исчезающіе въ ароматныя роши Турки, и молодецкіе баталіоны идущіе на выручку... И вдругъ—откуда ни возьмись, какъ громъ съ яснаго неба—разразилась надъ всѣми нами вторая Плевна... Мы

съ трепетомъ душевнымъ читали подробности о ней, о дивныхъ подвигахъ героизма и самоотверженія, не осилившихъ нежданно выросшія предъ нашими войсками твердыни Османъ-паши... Малодушія и трусости ни у кого не было. Напротивъ, въ каждой душѣ раждались чувства мести, желаніе пойти помѣряться и отплатить врагу за его минутное кровавое торжество...

Я помню, совершенно подавленный всѣмъ прочитаннымъ. сидѣлъ у себя, у окна, безсознательно глядя на улицу, гдѣ моросилъ все тотъ же мелкій дождь и стояла слякоть, въ которой чуть не тонули бѣгавшіе сегодня отъ одного дома къ другому Еврейчики, какъ вдругъ дверь ко мнѣ скрипнула. Я оглянулся.

— Здравствуйте, Сергѣй Ефимычъ.

— Здравія желаемъ, ваше благородіе,

Онъ почему-то смотрѣлъ весело и радостно, точно награду ему дали.

— Читали вы?.. Съ недоумѣніемъ спрашиваю его.

— Какъ же-съ... Подъ Плевенемъ... Имѣю честь поздравить.

— Съ чѣмъ это?

— Теперь наша очередь пришла. Съ походомъ!

— Какъ такъ?

— Извольте увидать... Не завтра, такъ на этой недѣлѣ пашъ полкъ позовутъ.

— Куда?

— На выручку, подъ эту самую «Плевень»...

— Ну, этого кажется мы не дождемся. Тутъ сгниемъ.

— Вы бы, ваше благородіе, загодя поизготовились. Объявятъ походъ—дня не дадутъ. А у васъ, вонъ, теплыхъ-то вещей нѣтъ!

И откуда онъ зналъ хозяйство каждаго офицера нашей роты?!

Я только улыбнулся въ отвѣтъ. Мое недовѣріе кажется обидѣло старика.

— Вы извольте въ окно посмотрѣть...

— Ну, что же тамъ? Грязь, дождь, сырость. И смотрѣть-то противно.

— Точно что, а такъ Жидки тутошніе зашевелились—изволили видѣть?.. Ишь—бѣгають.

— Да! У нихъ праздникъ или что случилось?.. Дѣйствительно, сегодня они разсовались во всѣ стороны.

— Ну такъ вотъ... Что старая контузія погоду чувствуетъ, то и Еврей... Ужъ они тамъ всюду шныряють... Тоже нюхомъ берутъ... Посмотрите, на сихъ дняхъ и насъ двинуть... Я полковаго командира встрѣлъ, ему говорю; а онъ—что-жь, у меня, старикъ, все готово, хоть вечеромъ... Генераль-маршъ забьютъ, сейчасъ же и выступимъ.

Обѣдали мы у себя въ офицерскомъ клубѣ...

Въ концѣ, кажется за жаркимъ, вдругъ входитъ взволнованный и возбужденный нашъ полковникъ и не обращая ни къ кому изъ насъ, даже забывъ отвѣтить на наше привѣтствіе, приказываетъ:

— Подайте намъ дюжину шампанскаго.

Что такое? думаемъ. Отецъ-командиръ до сихъ поръ и на собственныхъ своихъ именинахъ бѣленькимъ бесарабскимъ отдѣльвался. Скупенекъ былъ—а тутъ вдругъ этакъ распространяется. Не въ домекъ намъ. Стоимъ мы—и онъ стоитъ, никому сѣсть не предлагаетъ.

Принесли, разлили. Онъ прерывающимся голосомъ объявляетъ:

— Господа! поздравляю съ походомъ, ура!..

Кажется второй Герихонъ могъ бы развалиться отъ нашего восторженнаго крика. Мы до ночи не выходили изъ собранія... Старики, которые обзавелись семьями были невеселы. За то молодежь точно закипѣла вся... Каждому грезились героическіе битвы, воскресали легенды, которыя мы заучивали еще на школьной скамьѣ; мечтались о реляціяхъ на всю Россію оглашающихъ твое дотолѣ никому неизвѣстное имя. Рука невольно тянулась къ груди пощупать—ужъ не виситъ ли на ней бѣленькій крестикъ... Вышли мы ночью, ноги тонули въ грязи, вверху густились тучи... А на душѣ было такъ свѣтло и ясно, такъ верилось въ счастье и побѣду, что хотѣлось пѣть, идти куда-то безъ конца—на встрѣчу таин-

ственному, неизвѣстному, только не домой, въ маленькія и тѣсныя комнатки офицерскихъ квартиръ...

Походъ былъ объявленъ черезъ недѣлю. Все это время мы не видали Сергѣя Ефимовича. Какъ въ воду кануль нашъ старый фельдфебель. Такъ мы и объяснили: тяжело ему разставаться съ полкомъ; онъ и ушелъ отъ насъ. Да и не до него было: у каждаго набралось пропасть заботъ и хлопотъ. Многихъ походъ заставалъ неподготовленными. Почти у всѣхъ были долги — нашъ братъ офицеръ часто живетъ на счетъ будущихъ благъ. Слѣдовало все это привести въ порядокъ до выступления...

II.

Въ походъ.

Я какъ теперь помню этотъ день. Лилъ дождь съ утра, точно въ небѣ образовалась какая-то дыра и насъ именно поставили подъ нею. Внизу ноги тонули въ слякоти, расползались въ ней, такъ что трудно было удержаться. Туманъ стоялъ кругомъ густою унылою пеленой. Въ немъ тонуло все: и деревья обезлиствѣвшихъ садовъ, и дома города, и колокольни его церквей... Какое-то отчаяніе разливалось въ воздухѣ... Наши шинели не спасали насъ отъ пронизывающаго насквозь холода. Тишина въ хмурыхъ и сѣрыхъ рядахъ солдатъ. Изрѣдка только слышалось звяканье штыка о штыкъ..

Ко мнѣ подошелъ ротный командиръ, озабоченный и усталый.

— Ну, чтó, всѣ дѣла кончили?

— Да... И дѣль-то было немного!.. А цѣлую ночь пришлось провозиться.

— А гдѣ старикъ нашъ? Удивительно, Токмаковъ не пришелъ попрощаться... Живъ ли онъ еще? Или заболѣлъ пожалуй. Въ эту погоду не диво.

— Я цѣлую недѣлю не видалъ его тоже.

— Ребята! обернулся онъ къ стоявшимъ вольно солдатамъ.— Не видалъ ли кто—гдѣ Токмаковъ?

— Здѣсь, ваше благородіе! точно отрубилъ кто-то въ туманѣ позади.

— Гдѣ здѣсь?.. Экій паръ—ничего не видно.

Во мглѣ послышался ровный шагъ подходившаго человѣка, и скоро предъ нами выросла характерная фигура стараго фельдфебеля. Онъ вытянулся, держа руки по швамъ, и, по уставу, глядя въ глаза ротному.

— Ну что, старикъ, проститься пришелъ?

— Прощаться будемъ, ваше благородіе, потомъ... А пока, дозвоьте мнѣ съ ротой.

— Да вѣдь мы, чудакъ-человѣкъ, въ походъ.

— Точно такъ... И я съ вами. Не въ первой, слава Богу... Дѣло знакомое.

— Вотъ тебѣ и на!.. Да вы что это, Сергѣи Ефимычъ?

— Никакъ нельзя иначе. Сами знаете, шепотомъ заговорилъ онъ:—солдаты молодые, никто изъ офицеровъ-то настоящаго огня не видалъ. Я такъ положилъ, сломать весь походъ съ ротой, показать имъ какъ солдатъ должонъ вѣрой и правдой значить. А потомъ и въ огонь—пока не обстрѣляются...

— А семья твоя?

— Вдова съ дѣтьми? Не помрутъ... Я ихъ устроилъ тутъ... Мнѣ за роту страшно... Все я имъ помогу... Показомъ... Молодому солдату примѣръ нуженъ. Подъ Севастополемъ она первую считалась. На двадцать шаговъ Англичановъ пускала—безъ выстрѣлу... Клацъ!.. И стоятъ ждутъ, а потомъ—пли! въ самыя морды значить... Желѣзная рота была... Надо бы и теперь... Я много мѣста не займу, ну а если и убьютъ. Что жъ, старому солдату—смерти бояться? Самое настоящее дѣло. Не даромъ у меня три Егорія... Кому и помирать христолюбивымъ воиномъ какъ не мнѣ.

Смотрю: капитанъ старается быть спокойнымъ, а у него непрошенныя слезы такъ и проступаютъ въ глазахъ.

Извѣстно что желѣзныя дороги во время войны вовсе не оправдываютъ ожиданій мирнаго времени. Всегда подвижной составъ оказывается и недостаточнымъ, и негоднымъ. Нѣтъ вагоновъ, нѣтъ локомотивовъ, нѣтъ платформъ.

Нашему полку тоже пришлось большую часть пути сломать по грунтовымъ путямъ. По чугункѣ мы не сдѣлали и половины, а въ Румыніи уже и совсѣмъ шли пѣшкомъ. Помню какъ мы переходили черезъ Прутъ... Около меня былъ въ это время старый фельдфебель, — онъ вдругъ ожилъ разомъ, брызнулъ, дѣйствительно брызнулъ на меня искрами внезапно загорѣвшихся глазъ, лихо расправилъ усы, а потомъ вдругъ точно опомнился, снялъ шапку и перекрестился.

— Четвертый разъ перехожу я его... пояснилъ онъ, и задумался. — Орлы были!.. Какіе орлы были, ваше благородіе! Въ небо самое лѣтомъ! Всѣхъ я ихъ помню — точно сейчасъ они предо мной. Самое что есть невозможное дѣлали! Зло какое все позади оставалось, а впередъ одна доблесть шла... Ахъ!.. Дай-то Богъ и нонѣшнимъ послужить, какъ тѣ служили.

Тутъ уже онъ ничего не пропускалъ мимо. Казалось, далекая была во всемъ блескѣ, въ яркихъ, эмалевыхъ краскахъ молодости, съ ея знаемъ и счастьемъ, воскресала предъ нимъ. Онъ началъ шутить, рассказывалъ солдатамъ трогательные и героическіе случаи того времени — и незамѣтно такимъ образомъ воспитывалъ ихъ въ боевыхъ преданіяхъ. Весь путь, весь этотъ походъ, старый фельдфебель не позволилъ себѣ ни малѣйшей поблажки. Молодежь бывало языки высунеть, устанеть, понурится, а онъ точно и не замѣчаетъ этого, не горбясь, такой же прямой, грудь впередъ, мѣситъ себѣ бессарабскую грязь ногами и подшучиваетъ надъ «нынѣшними»:

— Эй, ты, племяшъ, чего въ землѣ ищешь?.. Аль у тебя здѣсь бабку похоронили?

Племяшъ сконфуженный выпрямляется, а Токмаковъ продолжаетъ свое:

— Солдатъ гляди впередъ за пятнадцать шаговъ. Нечего ему подъ ноги точно деревенской знахаркѣ смотрѣть... Вишь у тебя, парнишко, носъ-то кверху задранъ—ты и иди за носомъ, небось онъ не обманеть... Ноздрей въ небо самое—для легкаго воздуха значить... И дышать легче, и видъ у тебя настоящій, бравый. Какъ у пѣтуха на заборѣ.

А то пойдетъ дождь, охватить холодомъ—онъ тутъ какъ тутъ, шутить, смѣется, анекдотъ расскажетъ такой, что весь взводъ хоть на землю ложись отъ хохота... Потомъ передніе заднимъ передаютъ его, и вся рота смѣется и пріободренная бодро одолеваетъ туманъ и слякоть румынской осени. Нашъ дѣйствительный фельдфебель, молодой Гаврилюкъ, понялъ нравственное превосходство старика и во всемъ спрашивался его, но тотъ научилъ его уму-разуму. «Ты меня спрашивать спрашивай, и всегда я тебѣ отъ души совѣтъ дамъ, а только ты это глазъ на глазъ, чтобы солдаты не видали... Никакого почтенія къ тебѣ у нихъ не будетъ иначе... Коли ты не своимъ умомъ станешь дѣйствовать. Ты будто отъ себя все должонъ»...

Уже около Плоэштъ старый фельдфебель показалъ себя молодымъ солдатамъ и съ другой стороны.

Вели мимо насъ партію плѣнныхъ Турокъ... Мы остановились отдохнуть, и они тоже. Наши окружили ихъ, сначала остолбенѣвъ; словно на невиданныхъ звѣрей смотрѣли на горбоносыхъ старыхъ Анатолийцевъ, бритолобыхъ, съ усами низко падавшими на измученную трудною дорогой грудь, а потомъ послышались вдругъ шутки: кто-то первый подсмѣялся надъ плѣнными, не со зла, а по глупости; къ нему пристали другіе, и вдругъ завязался кругомъ уже ничѣмъ нестѣсняемый хохоть.

— Смирно!.. вдругъ грозно и громко раздалось позади.

Солдаты вздрогнули и смолки.

— Стыдъ!.. Срамъ... Надъ чѣмъ смѣетесь?

И старый фельдфебель, раздвинувъ стоявшую предъ нимъ молодежь, вошелъ въ кругъ, обводя всѣхъ суровымъ взглядомъ.

— Надъ чѣмъ смѣтеть?.. Они такіе же воины какъ и вы... Господь намъ дароваль побѣду, потому что наше дѣло правое, честное, святое!.. Не смѣяться надъ ними, а жалѣть ихъ надо. Стоять они предъ вами врагами въ полѣ—бей ихъ, не щади, на то и война, на то и присягали вы. А сдался онъ вамъ—святое дѣло; береги его, потому что онъ несчастный теперь. И наши въ плѣну бывали—что жъ и надъ тобой, если ты ненарокомъ попадешься, также глумиться всякая сволочь станеть. Коли оказываль ты ему великую честь—дрался съ нимъ въ открытомъ бою, значить равень онъ тебѣ, тоже храбрый солдатъ, тоже присягу принималь... Стыдно, ребята, не ждалъ я отъ васъ этого! Солдатъ не звѣремъ, а человекомъ должонъ быть...

И подойдя къ плѣннымъ, онъ подѣлился съ ними табакомъ; одному молодому, дрожавшему на холоду и босому—опанки должно-быть по пути стерлись—послаль у себя сапоги сыскать...

— Богъ вамъ ихъ въ руки отдалъ не на насмѣшку. Война большое, Божье дѣло. Тутъ надо съ чистымъ сердцемъ!

Съ тѣхъ поръ уже подобныя сцены не повторялись. Когда и въ другой ротѣ бывало некстати разойдутся солдаты (партіи плѣнныхъ попадались все чаще и чаще), наши остановятъ и не дадутъ бѣдняковъ въ обиду.

Около Журжева, колокольни и башни котораго на этотъ разъ тонко рисовались на просвѣтлѣвшихъ небесахъ, мы отдыхали приваломъ въ какой-то румынской деревнѣ. Только-что поставили ружья въ козлы, высланные впередъ кашевары у котловъ завозились раздавать кашину, какъ около послышалось:

— Здорово, молодцы!..

Маленькій сѣдой генераль, зоркій, веселый и живой, несмотря на годы, обходилъ насъ.

— Изъ Россіи?

— Точно такъ, ваше —ство! слышалось въ рядахъ.

— Устали поди!

— Никакъ нѣтъ! весело отвѣчала наша рота.

— Ай да богатыри! Не устали? И ноги не болятъ?

— Нѣтъ, ваше —ство...

— И сейчасъ на Турокъ готовы?

— Постараемся...

— А пулямъ кланяться будете?.. и не докончилъ, увидѣлъ Сергѣя Токмакова, руками всплеснулъ...

— Дядька. Ты что-ль? Отецъ командиръ!

— Онъ самый! радостно отвѣчалъ старый солдатъ.— Онъ самый, фельдфебель первой гренадерской роты Сергѣй Токмаковъ, ваше —ство.

Но генераль швырнулъ куда-то фуражку и съ обнаженной головой шелъ къ нему, еще на ходу протягивая ему руки...

— Сухо дерево—завтра пятница, какой еще молодецъ! Давай Богъ... Вотъ свидѣлись-то гдѣ, отецъ.

Онъ горячо обнялъ и расцѣловалъ Токмакова, потомъ къ намъ обратился.

— Вотъ, господа! Я юнкеромъ былъ, а его ко мнѣ дядькой учить меня царской службѣ назначили. И жили мы съ нимъ душа въ душу безъ малаго двадцать пять лѣтъ. Сколько разъ онъ меня выручалъ—пожалуй и не счесть... А на Малаховомъ курганѣ своею грудью заслонилъ. Въ большомъ и неоплатномъ я у тебя долгу...

И онъ еще разъ обнялся и расцѣловался съ нимъ!. Потомъ взялъ его, и они долго ходили по площадкѣ румынскаго села, бесѣдуя о далекихъ временахъ, когда оба были молоды и сильны... Опять подошли къ намъ, и генераль, только сейчасъ опомнившись, обернулся къ нему:

— Да какъ ты опять сюда попалъ?

— Какъ же, ваше —ство, молодого солдата въ дѣло пустить такъ, безъ призору.

— Батюшки!.. Да вѣдь это и полкъ-то нашъ... Вотъ форму измѣнили—и не узнать!

— Онъ самый... И рота та гдѣ ваше превосходительство цотомъ изволили взводнымъ быть.

— Въ самомъ дѣлѣ... Родные... Ну, Токмаковъ, утѣшилъ ты меня... Лучшаго праздника я и не ждалъ себѣ... Ну, ребята, я ужь сегодня съ вами!..

Онъ собралъ офицеровъ, позвалъ Токмакова и цѣлый вечеръ разсказывалъ намъ про былое, и въ этихъ разсказахъ фигура нашего стараго фельдфебеля выросла до какихъ-то героическихъ, легендарныхъ размѣровъ... Мы и не слыхивали о подвигахъ, которые были живы въ памяти его сверстника-генерала... Когда мы разошлись по избамъ, старые товарищи остались вмѣстѣ и чуть не до разсвѣта бесѣдовали:

Бойцы поминали минувшіе дни
И битвѣ, гдѣ вмѣстѣ рубились они!..

Уѣзжая, генераль звалъ Сергѣя Токмакова съ собой, но тотъ рѣшительно отказался.

— Я съ ротой...

— До какихъ же поръ ты будешь съ ними?

— А какъ окрестятся огнемъ... Да привыкнуть, чтобы нашему славному полку сраму отъ нея не было...

— Понимаю тебя... Ну, давай Богъ еще встрѣтиться... сухо дерево—завтра пятница!

И друзья разстались.

— Да, были орлы въ наше время!... задумчиво говорилъ потомъ Токмаковъ.

— И еще будутъ Сергѣй Ефимычъ.

— Будутъ... Ужли жь не быть. Не оскудѣла матушка Россія... Слава Богу... А только теперъ они еще орлята, когти не отрасли и клювы не пробованы!..

III.

Подъ Илевну.

Нашъ полкъ недолго оставался на берегу Дуная. Не успѣли мы выйти оттуда, какъ насъ нагнало распоряженіе передвинуться къ какой то деревнѣ напротивъ Рущука и стать тамъ. Румыны встрѣтили насъ непривѣтливо, воды нельзя было допроситься у нихъ—и за все, про все съ насъ они требовали денегъ. Томкаковъ только головой качалъ, глядя на нихъ.

— Совсѣмъ испоганился народишко... И прежде грошъ ему цѣна была, а теперь инъ какими канальями обернулись!

— А что? спрашиваю я его, думая что онъ передастъ мнѣ что-нибудь изъ первыхъ своихъ впечатлѣній въ этомъ краю, и не обманулъ.

— То-есть сколько мы за нихъ здѣсь крови пролили! Тогда, какъ мы здѣсь впервой были, тяжело имъ отъ Турковъ приходилось,—не знали они чѣмъ угостить, куда посадить насъ... Память у нихъ коротка. Въ Журжево вступали, помню, куконы эти ихнія на колѣняхъ по обѣ стороны дороги. Народъ весь тоже... А теперь поди-ка! За воду и то галаганъ имъ подай... Ожидовѣли на волѣ-то!... Неужели и съ Болгарами будетъ то же... Тоже забудутъ какъ имъ сладко было съ Турками жить... Вся эта нація не стоящая, одно только что вѣруютъ понашему, да ихніе попы... что кавалеръ какой съ куконной подѣ ручку! И смотрѣть-то зазорно.

Мы, разговаривая, подошли къ Дунаю.

Осень на этотъ разъ улыбулась намъ чудными годами, точно въ послѣдній разъ побаловать хотѣла. Великая славянская рѣка, вся голубая, тихо струилась вдали, раздѣляясь здѣсь на рукава. Мягко золотились ея песчанья отмели; изумруднымъ блескомъ ласкали глазъ роши, выросшія по ея островамъ... Солнца было столько, что по неволѣ хотѣлось зажмуриться. Вдали подѣ ними

точно марево виднѣлись острые и тонкіе минареты Рушчука, уже знакомаго намъ по реляціямъ и корреспонденціямъ... Тишина здѣсь стояла такая, что не вѣрилось въ боевыя легенды, уже мерещившіяся надъ этими чудными мѣстами. Сергѣй Токмаковъ долго смотрѣлъ вдаль...

— Что, Сергѣй Ефимычъ, бывали вы тамъ, поди?

— Всякое мѣстечко знаю... Бываль... Молодые мы тогда были здѣсь. Еще и нашивокъ у меня не было... Ефрейторскія мнѣ дали ужъ тамъ за Дунаемъ... Да, пожито-пожито!.. Надо правду сказать, многого я тамъ навидался. Помогъ Господь послужить! Пускай молодые теперь... Вонъ на томъ мыскѣ—голый онъ теперь, а тогда бѣдовая заросль стояла тамъ. Три ночи мы сидѣли, хоронясь. Языка добывали... Ну, на четвертую—подстерегли турецкую лодку съ ихними аскерами (солдатами)—и взяли ихъ глотомъ... Попуцали они маленько изъ своихъ ружьишекъ, одного нашего ловко уложили, а только все-жъ мы ихъ предоставили... А тамъ вонъ—что на той сторонѣ горка—было у насъ здоровое дѣло.. Нашъ взводъ таборъ ихній окружилъ. Кабы тогда свои во время не выручили—тамъ бы нашъ конецъ и былъ. Часовъ пять мы кареемъ отбивались. И живыхъ насъ оставалось самая малость... Думали всѣ помремъ... А сдаваться чтобы—между собой зарокъ положили: кто о сдачѣ первый крикнетъ, чтобы сосѣдъ его на штыкъ посадилъ. Вотъ мы какіе тогда были!... Главнокомандующій пріѣзжалъ блаодарить. У меня и Егоріи за это дѣло за самое.

Наконецъ и намъ объявили походъ.

Медленно вытянулся полкъ на высокомъ обрубѣ Дунайскаго берега.

Служили молебень. Горячо и благоговѣнно молились солдаты, глядя въ ожидавшія насъ голубыя зарѣчныя дали. Каждому невольно приходило въ голову—не ему-ли первому суждено сложить свои кости въ томъ таинственномъ просторѣ, откуда долетали къ намъ до сихъ поръ только чудныя вѣсти о героическихъ, сказочныхъ подвигахъ нашихъ богатырей. Страха не было. Никто не дрожалъ за себя, но воспоминаніе невольно рисовало

далекую теперь родину, которую многимъ изъ насъ не придется увидеть. Молебень окончился; полковой командиръ хотѣлъ было сказать что-то, но не вышло. Онъ улыбнулся и неожиданно закончилъ:

— Товарищи! служили вмѣстѣ вѣрой и правдой—и впредь будемъ такъ. Въ опасномъ мѣстѣ вы всегда увидите меня; а кому Богъ смерть пошлетъ—объ этомъ и думать нечего... Кончины въ бою—лучшій жребій для воина... Вы знаете меня, а я—васъ. Намъ и разговаривать много не зачѣмъ, съ Богомъ—маршъ!

Барабаны забили походъ, мы построились въ колонны и двинулись внизъ, точно въ тучѣ пропадая въ клубкахъ сѣрой дунайской пыли... Зимница исчезла въ этой пыли позади... Съ музыкой мы прошли рѣку по понтонному мосту. Вотъ Систовскій берегъ—свидѣтель перваго подвига нашихъ войскъ въ эту войну, Вотъ само Систово, со своими тонкими минаретами, тонувшими на этотъ разъ въ безоблачныхъ небесахъ. Черезъ нѣсколько переходовъ Горный Студень, обезлюдѣвшія поля Болгарии, безлѣсный просторъ, по которому еще недавно могучею лавиной прокатились наши арміи. Изрѣдка намъ попадались транспорты раненыхъ. Ихъ везли въ телѣгахъ по сквернымъ дорогамъ. Стоны слышались оттуда. Я думалъ не произведетъ ли это скверное впечатлѣніе на нашихъ солдатъ? Нѣтъ—только хмурятся да крестятся... Какъ-то одинъ изъ раненыхъ приподнялся на локтяхъ въ темнотѣ, окинулъ насъ воспаленными глазами.

— Ну, братцы, мы поработали—теперь вашъ чередъ..

— Небось, не осраимся! тихо отвѣтили молодые солдаты разомъ со мною.

— То-то...

Я искренно обрадовался этому. Вліяніе Токмакова сказывалось.

Кто ни проѣзжалъ—всякій удивлялся молодцоватому виду нашей роты. Тутъ и отвѣчали и смотрѣли бодрѣ. Обнаруживалась особенная боевая подготовка. На бивакахъ, на отдыхахъ, по всякому малѣйшему поводу, старый фельдфебель не упускалъ случая передать какой-ни-

будь рассказъ изъ прошлаго нашего полка или нашей роты. Казалось, предъ Токмаковымъ живыми еще стояли всѣ его старые товарищи, онъ видѣлъ ихъ, говоря о нихъ, предъ нимъ воскресали яркія были, и какъ всегда въ этихъ случаяхъ, природа человѣческая оказывалась великодушною. Переживало только великое, благородное, самоотверженное. Зло уходитъ въ потемки, ему не стало мѣста въ памяти сердца... Понятно, что должно было расти на душѣ у слушавшаго; я видѣлъ какъ ихъ глаза тоже разгорались, какъ высоко дышали ихъ груди подъ сѣрыми шинелями...

Октябрь засталъ насъ подъ Боготой.

— Мы долго стояли около. Въ половинѣ этого мѣсяца объявленъ намъ былъ смотръ.

— Полкъ почистился, оправился. Намъ сказывали что тотчасъ же послѣ этого насъ двинуть подъ Плевну.

Молодые солдаты впервые видѣли Главнокомандующаго.

Старый фельдфебель во время смотра стоялъ въ сторонѣ, но и онъ былъ замѣченъ Великимъ Княземъ. Увидѣвъ вытянувшася старика безъ погонъ, но съ «Георгіями», Его Высочество спросилъ о немъ у корпуснаго командира, которому уже было извѣстно все со словъ нашего полковника.

— Здорово, старый товарищъ!.. подскакалъ къ нему Главнокомандующій.

— Здравія желаю Вашему Императорскому Высочеству! отчетливо отвѣтилъ Токмаковъ, глядя въ лицо Великаго Князя.

— Ты— Токмаковъ? ласково оглядѣлъ онъ его.

— Точно такъ-съ, Ваше императорское Высочество.

— Пришелъ съ прежнимъ своимъ полкомъ? Примѣръ показать молодымъ солдатамъ... Спасибо тебѣ за службу. Поцѣловалъ бы тебя, да съ коня сойти нѣкогда... Еще не разъ встрѣтимся здѣсь. Еще разъ спасибо...

— Радъ стараться, Ваше Императорское Высочество!

— У тебя три Георгія... Домой вернешься съ четвертымъ... Этотъ я ужъ самъ на тебя надѣну—послѣ пер-

ваго дѣла!.. Ну-ка, товарищъ, въ строй... Хочу видѣть тебя—съ твоею ротой!..

Каждое слово отдавалось въ сердце молодыхъ солдатъ... Старый фельдфебель точно выросъ еще послѣ этого неожиданнаго привѣта.

— Главнокомандующій вслѣдъ за этимъ поздравилъ насъ съ походомъ, и мы весело двинулись впередъ.

— Солнце казалось только этого и ждало, чтобы закатиться совсѣмъ.

Послѣ этого мы его не видали долго. Скверная болгарская осень днемъ кутала насъ своими холодными туманами, вечеромъ и ночью обливала студеными дождями. На дорогахъ стояла какая-то бездонная грязь, въ которой ноги скользили и расходились. Трудно было ихъ вытащить изъ этой клейкой массы... Мокро! На насъ сухой нитки не было; въ окрестныхъ деревняхъ началась оспа, гнилая горячка. Больные и здоровые Болгары ютились въ грязи, и мы съ ними. Бывало остановимся въ какойнибудь дереvушкѣ—хоть вонъ бѣги на дождь и холодъ отъ ужаса землянокъ. Въ углу стонетъ умирающій, обводя насъ воспаленными взглядами, у костра грѣются дѣти и не могутъ согрѣться. Дрожа отъ стужи хозяйка печетъ кукурузу и сырую даетъ имъ въ руки... Бдять скудно—живутъ грязно. Чадъ горящаго кизяка, запахъ тифознаго больнаго—смерть просто!

Тутъ-то и показалъ себя нашъ старикъ.

Если молодежь не растерялась и не переболѣла, она этимъ была обязана ему.

Онъ ободрялъ ихъ, поддерживалъ «сердце», какъ говорили у Скобелева.

— Коли «духъ» есть, и болѣзнь не хватить! Ты думаешь негдѣ тебѣ отдохнуть—ложись на-земь.

— Мокро, дяденька!

— Ишь чего захотѣлъ. Сухости!.. А на мокромъ мягче! На сухомъ-то жестко, а ты въ грязи что въ перинѣ. На то и война. Ъсть-пить хочешь?

— Хочу.

— Ну, выпей водицы: она Божья, чистая! Да закуси собственнымъ языкомъ—и вся не-долга.

И онъ смѣется, и солдаты смѣются, и ложатся безропотно на мокрыя перины болгарской грязи.

Опухнуть ноги бывало отъ холода—Сергѣй Токмаковъ до походнаго лазарета не допустить. Самъ ихъ ототреть мокрою грязью, обернуть тряпьемъ что подъ руки попадется, и, смотришь, солдатикъ ожилъ... Интендантство—когда зима застала въ распахъ—оказалось совершенно безсильно...

Тутъ уже то и дѣло слышался грохотъ нашихъ батарей издали.

Ни на минуту онъ не смолкалъ. Кругомъ Плевны гремѣли громы и тысячи гранатъ падали каждый день въ укрѣпленные лагеры, радуты и траншеи Турокъ. Оглушительные залпы, гдѣ въ одинъ чудовищный ревъ сливали свои голоса сотни мѣдныхъ и стальныхъ жерлъ, дышавшихъ пламенемъ и смертью—въ этихъ стойкихъ гномовъ, роившихся въ землѣ и спасавшихся подъ нею отъ неминуемаго истребленія. Съ каждымъ днемъ желѣзное кольцо этихъ батарей суживалось и суживалось, прицѣлъ ихъ все уменьшалъ разстояніе. Гуще и гуще падали съ вала гранаты, а Османъ-паша все глубже уходилъ въ землю, пока у него были еще хлѣбъ и вода. Населеніе Плевны голодало, люди бродили какъ тѣни. Разъ, но ежедневно—всѣ батареи въ одинъ и тотъ же моментъ били по заранѣ намѣченному пункту, сегодня по одному, завтра по другому, послѣзавтра по третьему; на этихъ редутахъ казалось наступалъ послѣдній часъ міра, точно небо, разверзаясь, сыпало на него мириады молній. Тысячи гранатъ зарывались въ него, лопались, сметали насыпи, рвали въ куски сотни людей; въ грозномъ ревѣ четырехсотъ орудій будто капля въ морѣ терялись ихъ предсмертные стоны... Завтра выросла новыя редуты, и новыя сотни роющихся въ землѣ гномовъ прятались за его насыпями... Было ясно: рано или поздно Плевна должна быть сметена нашими батареями съ

лица земли, но отчаяніе защищающихся здѣсь вѣрно доходило до ужаса.

— Слышали, дѣтки? улыбается бывало Токмаковъ.

— Чего это?

— А музыка какая. Пушечки наши!.. Точно громъ небесный... А вамъ еще вишь холодно да голодно... Имъ-то, Туркамъ, поди куда хуже... Имъ жарко отъ нашего огня. Они бы рады холодку... Лишь бы ихъ въ покоѣ оставили, не трогали.

Еще черезъ нѣсколько дней мы уже были на позиціяхъ.

Предъ нами была цѣлая сложная система пологихъ горныхъ кряжей и лошинъ. Налѣво плосковерхій гребень, обрушивающійся внизъ, на его темяни могучій редуть, валы нѣсколькихъ батарей, внизъ ползутъ зигзаги ложементовъ и траншей. Въ выемкахъ между рядами откосовъ, въ складкахъ горъ прятались болгарскія села. Крылья соломою землянки ихъ сливались съ голыми полями кругомъ, только жалкія на видъ церкви убого выдѣлялись темными пятнами. Тамъ—безлюдье. Ни жизни, ни движенія. Вотъ непріятельскія батареи... Воображеніе отыскивало въ нихъ амбразуры, а въ амбразурахъ жадныя жерла направленныхъ на насъ орудій. Батареи эти вѣнчали выступы горъ и обстрѣливали наши позиціи вѣеромъ. За батареями чуть мерещится бѣлая Плевна, точно марево, слегка дрожащее и колеблющееся въ воздухѣ... Вотъ-вотъ кажется уйдетъ изъ глазъ, пропадетъ безъ слѣда. Въ бинокль ясенъ этотъ злополучный городъ. На высотахъ горъ бѣлые дымки, точно клочки освѣщенныхъ облаковъ. Дымки эти кольцомъ вокругъ Плевны и ея укрѣпленныхъ лагерей. Это выстрѣлы нашихъ батарей; цѣлый день эти облачка стоятъ здѣсь и цѣлый день гремитъ громъ на вершинахъ лежащихъ около Плевны. Молчатъ и таятся турецкія батареи, храня свои грозы до послѣдняго дня. Въ то самое время какъ мы заглядываемся на эту громадную панораму, бывало разгорался артиллерійскій бой и все тонуло въ его стихійномъ грохотѣ...

Съ позиціи гдѣ мы стояли старый фельдфебель то и дѣло водилъ молодыхъ на батарею выдвинувшуюся впередъ.

— Куда вы ихъ?..

— Покрестить маленько... Пусть привыкаютъ, потомъ не такъ страшно будетъ.

А тамъ на батареяхъ уже приготовляются... Бывало пушка грянетъ, точно чья-то желѣзная грудь крикнетъ, и словно исполинскій стальной бичъ разсѣкаетъ воздухъ несущаяся къ Туркамъ первая граната. Вздогнуть молодые солдаты. Токмаковъ при бравыхъ артиллеристахъ срамить ихъ... Секунды проходятъ, а тамъ куда полетѣлъ нашъ стальной подарокъ не видать ни дымка, ни разрыва.

— Есть! торжествующе кричить кто-то.

Разглядѣлъ что въ турецкой батарее взорвались вверхъ земля и камень.

— Ну-ка еще! командуетъ офицеръ.

Еще разъ стонетъ желѣзная грудь; граната попадаетъ въ батарею.

Видно какъ оттуда бѣжитъ во всѣ стороны народъ.

Но и Турки не остаются въ долгу.

Вонь и тамъ ахнула желѣзная грудь дальнобойнаго орудія... Бѣшено принеслась къ намъ граната и разорвалась позади батареи. Молодые солдаты невольно пригнулись.

— Чего ты имъ кланяешься... Экъ они васъ нацугали! смѣется надъ ними Токмаковъ. Потомъ ихъ же поучаетъ.

— Ты помни одно: та граната или пуля не страшна, которая выпущена изъ дула, страшна та что въ дулѣ сидитъ!...

А самъ вернется—улыбается.

— Чего вы это, Сергѣй Ефимычъ?

— На своихъ радуюсь. Будетъ толкъ изъ нихъ. Молодцами за свой полкъ постоятъ...

IV.

Въ дѣлѣ.

коро впрочемъ Сергѣй Ефимычъ совсѣмъ успокоился.

Какъ-то ночью нашу роту подняли.

Насъ вывели изъ деревни гдѣ мы стояли, построили въ колонну. Какой-то инженерный полковникъ обратился къ командиру.

— Умѣютъ ваши молодцы траншеи рыть?

— Учились...

— Ну, вотъ... Сегодня намъ придется выдвинуться поближе къ туркамъ... Такъ зароемся, братцы, какъ слѣдуетъ. Надо идти тихо. Помните: везь успѣхъ дѣла отъ этого зависеть. Пѣть станеть, шумѣть или разговаривать—ихніе секреты васъ разслушаютъ.

Мы, дѣйствительно, двинулись впередъ какъ мыши. Самое чуткое ухо не могло бы ничего разслушать... Земля была мягка и шума нашихъ шаговъ нельзя было различить и вблизи. Шанцевый инструментъ пригнали такъ что онъ не стучался о ружья... Ночь ярко горѣла на этотъ разъ всѣми своими звѣздами... Мы шли уже болѣе часу, какъ вдругъ предъ собой различили какіе-то силуэты.

Тутъ оказались ямки и валики одиночныхъ выдвинувшихся далеко впередъ стрѣлковъ, которые еще вчера били отсюда по Туркамъ. Насъ удивило что Токмаковъ былъ не съ нами, но какъ только развернулась щеренга по направленію къ проектированнымъ траншеямъ, какъ высокая и худощавая фигура стараго нашего фельдфебеля показалась около.

Солдаты сами понимали важность и опасность дѣла. Лопата не встрѣчалась съ лопатой, никто не кашлялъ, не разговаривалъ. Каждый чуялъ что близко могутъ лежать въ секретахъ Турки, слѣдовательно надо было держать ухо востро.

Командовали шепотомъ.

Офицеры передавали приказанія чуть не на ухо солдатамъ. Я думаю никогда еще руки не работали такъ быстро. По всей линіи мягкіе комья земли взбрасывались и падали на мало-по-малу замѣтно поднимающуюся насыпь новоявленной траншеи. Черезъ два часа она уже углубилась на аршинъ. Кто-то изъ очереди бывшей на отдыхѣ закурилъ трубочку...

— Ты что это! подошелъ къ нему Токмаковъ

— Покурить, Сергѣй Ефимычъ.

— А какъ онъ увидитъ, да въ лобъ тебѣ запалить...

И опять тишина...

Чу, что-то точно стукнуло и прокатилось по лоцинѣ... Справа еще... Подхватили налѣво. Солдатики работаютъ еще быстрѣе, нервнѣе, глубже погружаются въ рыхлую землю лопаты, скорѣе взбрасываются вверхъ комья, шорохъ и сплошнѣе какъ-то, если не громче.

— Неужели разслышали? тихо спрашивать кто-то.

— Куда имъ!.. насмѣшливо звучитъ тѣмъ же тономъ Токмаковъ. — Такъ пугаютъ.

— Для чего?

— Турки? для очистки совѣсти... Дескать не подбиратея. Мы не спимъ. Сторожимъ. А то вѣдь и опаска беретъ: какъ бы наши охотники не подползли.

Разсѣянная и беспорядочная линія выстрѣловъ пробѣжала по турецкой цѣпи и смолкла.

Опять въ тишинѣ только нуршатъ комья взбрасываемой земли.

— Славная у васъ рота! слышится мнѣ.

— А что? отвѣчаетъ нашъ командиръ.

— Хорошо спѣлась. Дружно работа идетъ и дисциплинирована.

— У насъ такой мастеръ есть! смѣется капитанъ: — старый фельдфебель Токмаковъ. Вотъ, рекомендую!

— Я слышалъ... съ видимымъ уваженіемъ привѣтствуетъ того инженерный полковникъ, - я слышалъ... Ты здѣсь не въ первый разъ?

— Знакомыя мѣста, ваше высокоблагородіе, какъ же? Два раза былъ здѣсь... Господь привелъ въ третій. Досыта здѣшняя земля полита русскою кровью. Святая земля.

Случайно казачій разъѣздъ наѣхалъ на насъ. Мы его различили только тогда, когда въ темнотѣ вдругъ смутно обрисовались предъ нами всадники съ пиками въ рукахъ... Такъ же тихо и незамѣтно они исчезли въ сторонѣ. Тѣ же пики и кони слились въ одну темную полосу, въ свою очередь исчезнувшую въ лощинѣ.

Опять стукнуло гдѣ-то и прокатилось въ лощинѣ.

На этотъ разъ безцѣльная и взбалмошная перестрѣлка турецкой цѣпи не оборвалась также какъ за нѣскольکو времени предъ этимъ. Очевидно, или туманъ разсѣялся, или цѣпь ихъ подходила къ намъ, только невдалекѣ отъ насъ замелькали огоньки выстрѣловъ.

Токмаковъ зорко всмотрѣлся туда.

— На этотъ разъ почували! заговорилъ онъ тихо.— Въ насъ они!.. Должно-быть изъ ихнихъ секретовъ имъ дали знать.

Дѣйствительно, нѣсколько пулъ просвистало мимо... Двѣ или три чмокнулись въ мягкую и влажную землю наскоро вырытаго вала. Кто-то закланялся.

— Знакомая? спросилъ его Сергѣй Ефимычъ.

— Что?... отозвался тотъ.

— Или родная, что ты ей кланяешься. Солдаты только въ церкви Богу кланяется, а то и предъ государемъ долженъ прямо стоять—весело и бодро въ глаза ему глядѣть, а ты турецкой пулѣ какой почетъ оказываешь.

— Я, дяденька, такъ.

— То-то такъ. Смотри коли еще... Старый не править—малый не разумѣтъ! съ усмѣшкой обернулся онъ ко мнѣ.

На правомъ флангѣ у насъ засуетились... Тамъ кто-то былъ раненъ... Въ тишинѣ и торжественномъ молчаніи ночи послышался тихій стонъ:

— Эй, братцы, полегше... Голубчики... въ плечо вдавило...

— Токмаковъ, слышу, уже тамъ.

— Ну, ну—ничего ежели въ плечо. Кость не тронуло?

— Кость?... Точно раненый впервые узналъ о ея существованіи.—Нѣтъ... Не... въ говядину въ самую...

Линія огоньковъ турецкихъ подошла ближе... Нашимъ приказано было бросать шанцевый инструментъ и залечь за готовый уже валъ.

— Ну, ребята, слушать команду... Зря не стрѣлять!.. Пуля у тебя въ ружьѣ страшнѣе врагу, чѣмъ та, которая летитъ въ него.

Наши молча слушали... Въ темнотѣ ночи можно было разсмотрѣть длинный рядъ дулъ, направленныхъ въ то загадочное нѣчто, откуда порой вспыхивали выстрѣлы и гдѣ слышали крики: «Алла, Алла!..» Должно быть тамъ собирались атаковать нашу новорожденную траншею.

— А если врагъ добѣжитъ до валу, опять-таки встрѣтъ его по командѣ залпомъ, а потомъ на штыки прими... Главное, не теряй головы; врагъ не страшень, если ты самъ спокоенъ, ну, а растерялся—пропаль...

Тѣмъ не менѣе, не надѣясь на молодыхъ не обстрѣлянныхъ солдатъ, полковникъ послалъ вызвать ближайшій баталіонъ изъ резерва.

— Помни, доносился до меня голосъ Токмакова,—кто свою шкуру не бережетъ, тотъ на войнѣ и бьетъ. Труса вездѣ найдетъ пуля—не даромъ ихнія вороны черезъ головы палятъ намъ. Кто остался позади—и пропаль.

Стрѣляла, стрѣляла турецкая цѣпь, вѣрно выжидая подхода своихъ таборовъ, «Алла, Алла» которыхъ слышалось позади, какъ и за нами вдругъ зазвучали сигналы горнистовъ... Сигналы подхвачены были направо и налево, послѣднія отзвучія ихъ пропали въ грохотѣ разгорѣвшейся перестрѣлки... Теперь ужь свинцовые шмели роями залетали надъ нами...

— Сергѣй Ефимычъ... Что жъ это они, недоумѣло спросилъ Токмакова молодой солдатъ, все черезъ голову?

— Тебя же учать, что нечего ихъ бояться...

Изь-зади показался нашъ баталіонъ... Онъ шель стройно, бодро. Видно было боевую обстрѣленную часть. Въ рѣшительный часъ и наши солдаты точно переродились... Серіознаго раздумья, оторопѣлости какъ не бывало въ ихъ лицахъ. Смотрять бодро, весело... Подтянулись... Съ бьющимся сердцемъ, вперяя нетерпѣливый взоръ вдаль, мы видѣли что турецкіе огоньки все близятся, очевидно и ихъ цѣпь начала наступленіе... подходящая пѣхота залегла пока сзади.

Чу, грянула первая турецкая пушка.

Граната перелетѣла далеко... Она разорвалась гдѣ-то за нами. Впереди зарылась въ землю другая. Что-то точно сталью разсѣкло воздухъ надъ нашими головами, взвизгнуло, треснуло и рассыпалось свинцовымъ дождемъ. Наша молодежь всполохнулась было, тотчасъ же здѣсь послышался спокойный голосъ Токмакова.

— Это, братцы, шрапнелью называется. Она надъ головой рвется. Шумитъ точно много, но безъ воли Божіей смерти не бываетъ!...

Еще двѣ-три шрапнели разорвались надъ нами... Высоко взлетѣла у Турокъ ракета, освѣщая окрестности...

И вдругъ опять тишина :

Слабѣе выстрѣлы оттуда... Огоньки отходятъ назадъ. Должно-быть Турки отмѣнили наступленіе. Мы высылаемъ секреды впередъ...

— Ну, слава Богу! облегченно вздыхаетъ Токмаковъ. — Признаться, сегодня я боялся за нашихъ: дѣло ночью, и опытнымъ жутко, а ужъ такой молодятинѣ и того жутче...

V.

Ночное сраженіе.

Въ ту ночь, когда наша рота рыла новую траншею, не было «боеваго дѣла» въ полномъ смыслѣ этого слова, но все-таки нашъ полкъ показалъ себя какъ слѣдуетъ. Старикъ Токмаковъ былъ доволенъ и повторялъ: «ничего, изъ ребятъ толкъ выйдетъ». Черезъ два дня вечеромъ было получено изъ штаба приказаніе занять первый гребень изъ находившихся предъ нами, гдѣ у Турокъ были траншеи, и укрѣпиться на немъ. Наканунѣ всю долгую осеннюю ночь стояла такая густая мгла, что разѣзды высланные на рекогносцировку сбивались и попадали не туда куда выѣзжали. Ожидали что и завтра будетъ то же самое... Съ разсвѣтомъ у насъ закипѣла лихорадочная суматоха. Солдаты торопливо чистили ружья. Сами, безъ приказанія, перемѣняли бѣлье, одѣвались во все что было лучшаго...

День былъ сырой, мрачный, холодный; такихъ за всю эту осень не помнили. Лишь бы не заблудиться, а погода—лучше не выдумать: Турки ничего не разглядятъ, пока мы носъ къ носу не столкнемся съ ними. Въ туманѣ все сливалось. Когда мы выстроились, предъ нами уже стоялъ взводъ стрѣлковъ. Они вызвались первыми броситься на турецкіе шанцы... Мы со страстнымъ любопытствомъ новичковъ всматривались въ нихъ, точно хотѣли что-то прочесть въ этихъ обыкновенныхъ, сѣрыхъ, простыхъ лицахъ. Ни искры показнаго воодушевленія, героизма, чего-либо картиннаго, что мы привыкли воображать въ «чудо-богатыряхъ», но эта будничность производила еще большее впечатлѣніе. Она хватала за сердце. «Совсѣмъ какъ мы», невольно думалось каждому. «Значитъ и мы могли бы быть на на ихъ мѣстѣ и сдѣлать то же самое!» Подъ этою скромностью чувствовалось присутствіе настоящей русской отваги—не шумной и не хвастливой, съ которою они сроднились, какъ срод-

днились съ сѣрою шинелью, съ лагерною палаткой. Подвигъ имъ самимъ казался самымъ простымъ дѣломъ, безъ котораго и обойтись нельзя. «Приказано—значить надо исполнить... Велѣно—умирай, а не велѣно—мы и жить согласны!» Такое общее «богатырство» выше личнаго, единичнаго. Оно не даетъ матеріала для эффектныхъ батальныхъ картинъ, но за нимъ другая заслуга—подвиги «боевыхъ частей» вмѣсто подвиговъ отдѣльныхъ лицъ. Это были уже обстрѣленные солдаты, но какія наивныя, довѣрчивыя улыбки освѣтили ихъ лица, когда къ нимъ подъѣхалъ Скобелевъ. Они провожали его глазами. Одинъ особенно—весь во взглядѣ: посмотри де, какъ я стою! и грудь выпятилъ, и животъ подобралъ по формѣ—а вѣдь на смерть идетъ! Но никому изъ нихъ очевидно объ этой смерти и въ голову не приходило, потому что и думать о ней не стоило.

— Ну, что, ребята?.. Не осрамимся мы сегодня? весело бесѣдовалъ съ ними генераль.

— Постараемся, ваше—ство...

— А что постараемся—пока видимо сами не даютъ себѣ отчета.

Скобелевъ улыбается, зорко всматриваясь въ черныя фигуры предъ собою. И всматривается, и вслушивается, точно по голосамъ ихъ рѣшаетъ на что онъ можетъ надѣяться съ ними. А между тѣмъ у самого на лицѣ отражается все бѣлая и бѣлая увѣренность, что дѣло сегодняшняго для удастся. Есть необыкновенно тонкія душевныя связи между полководцемъ и его солдатами: они мгновенно понимаютъ другъ друга: часто взгляда, привѣта съ одной и отвѣта съ другой стороны достаточно, чтобъ явилось взаимное пониманіе и безавѣтная вѣра.

— Не осрамитесь? уже смѣясь самъ этому предположенію, повторяетъ онъ.

— Никакъ нѣтъ... Мы рады!.. согласно бѣжить по рядамъ.

— Смотрите—не зарываться. Не Плевну брать идете, а только выбить Турокъ изъ ихъ траншеи и занять ее... Значить: дорвались и садись туда. Не больше—слышите!

Теперь уже, очевидно, онъ прочелъ по лицамъ солдатъ то, что у нихъ на душѣ, и боится не недостатка мужества, а излишества увлеченія.

— Постараемся!.. А сами еще веселѣе глядятъ, такъ весело что за нихъ даже жутко дѣлается.

— То-то... Тутъ дѣло не въ храбрости, а въ послушеніи. Сказалъ тебѣ начальникъ «стой», такъ хотя и желалось бы погнать непріятеля дальше, ни съ мѣста. А Турокъ бояться нечего...

— Мы не боимся!..

И дѣйствительно, по глазамъ видно что не боятся.

— То-то... Они солдаты хорошіе, а мы ихъ лучше. Помните Ловчу, какъ мы ихъ били?—И на лицѣ у него точно какой-то отблескъ скользнуть.—Помните, какъ вы ихъ погнали?

— Помнимъ! радостно звучитъ уже изъ рядовъ; то же радостное выраженіе отражается и на солдатскихъ лицахъ.

— А какъ дрогнули они, а? не ждали они! Прямо въ самыя морды вы имъ ура крикнули.

— Они отъ насъ всею ордой побѣжали! уже за свой счетъ отзывается улыбающійся во весь ротъ солдатъ.

— Ты былъ тогда со мной... Изъ старыхъ должно-быть?..

— Я съ вашимъ—ствомъ и редуты эти самыя подъ Плевенемъ бралъ... уже совсѣмъ счастливъ тотъ.

— Ну, вотъ, братцы, видите... Дѣло не трудное—вѣдь эти самыя позиціи наши были.

— И опять будутъ, ваше—ство! Постараемся.

Къ намъ (я догналъ своихъ и сталъ въ ряды) генералъ пріѣхалъ позже и озабоченно вглядывался въ наши лица; казалось, ему хотѣлось прочитать каковы мы будемъ въ сегодняшнемъ трудномъ дѣлѣ. Осрамимся или нѣтъ. Вѣры въ новичковъ не было! Слѣдовало сдѣлать

что-нибудь, что подняло бы духъ солдатъ. Съ опытностью настоящаго боеваго психолога генераль нашелся.

— Гдѣ тутъ старый фельдфебель вашъ? спросилъ онъ, подѣхавъ къ ротѣ.

Токмаковъ вышелъ изъ рядовъ и вытянулся.

Скобелевъ зорко всмотрѣлся въ него и снялъ шапку.

— Поклонъ тебѣ, старикъ, отъ насъ отъ всѣхъ! Легко было дѣло дѣлать съ такими орлами!

Потомъ обратился къ намъ, къ офицерамъ.

— Въ лицѣ Токмакова, господа, я вижу связь вашей молодой части со старыми побѣдоносными нашими арміями. Онъ живой обращикъ ихъ славной исторіи. Еще разъ поклонъ, старикъ! И онъ опять высоко поднялъ шапку.

Что-то сверхнуло въ глазахъ у Сергѣя Ефимыча.

— Были у меня такіе, когда мы съ горстью храбрыхъ брали въ Средней Азіи цѣлые города, завоевывали ханства!.. Были, и еще будутъ—вѣдь вотъ явился ты къ своему полку!.. Велика та армія, гдѣ такіе солдаты встрѣчаются...

— Радъ стараться, ваше — ство!

— Гдѣ труднѣе будетъ—выручай! И смотрите—бережь у меня старика, не выдавать его. Если вы да позади останетесь, а его впередъ пустите и потеряете, то — и на глаза мнѣ не попадайтесь потомъ. Я и командовать вами откажусь!

Скобелевъ останавливается... крестится.

Точно вѣтеръ проснулся въ молодой листьѣ—тихий шорохъ бѣжитъ по рядамъ. Крестятся офицеры и солдаты. Каждый читаетъ про себя молитву, каждый теперь точно въ свою душу и сердце смотритъ. Кто знаетъ, быть-можетъ нѣкоторымъ не останется даже мгновенія, чтобы падая обратить взглядъ свой къ этому сѣрому небу, по которому теперь тяжело ползутъ низко нависшія тучи, и поручить Богу свою отлетающую душу.

— Стройся! тихо звучитъ команда.

Впереди длинная цѣпь стрѣлковъ широко, вѣромъ разбрасывается, утопая въ туманѣ. Черезъ минуту, на-

прягая зрѣніе, мы уже не видимъ ихъ вовсе. Шума ихъ шаговъ по мягкой и влажной землѣ тоже не слышать.

— Съ Богомъ! тихо командуетъ намъ генераль.

Мы двинулись...

Около часу мы двигались такимъ образомъ тихо-тихо. Въ моей памяти осталось неопредѣленное впечатлѣніе холмовъ, которые мы покидали за собой, лощинъ, гдѣ оставались менѣе рѣшительные,—неизбѣжная печальная подробность каждаго боя! Надо отдать справедливость—у насъ такихъ было очень мало. Насъ отовсюду охватывала сѣрая и густая мгла. Мы часто въ ней ничего не видали предъ собой. Турецкія позиціи уже недалеко. Вотъ онѣ въ этой загадочной дали... Мы ихъ скорѣе предчувствуемъ, чѣмъ видимъ. Сердце начинаетъ биться сильнѣе. Взглядъ стремится проникнуть сквозь всѣ преграды—и туманъ, и холмы—чтобъ увидѣть, что тамъ за ними ждетъ насъ. Я тоже всматривался и вслушивался... Не грянетъ ли оттуда выстрѣлъ чуткаго часоваго... Но скоро туманъ сталъ еще гуще... Мгла окутала черные силуэты стрѣлковъ въ нашей цѣпи, а слѣдовавшаго предъ нами отряда охотниковъ мы уже давно не видали, точно его и не бывало никогда. И какая тишина! Зловѣщая, словно что-то подстерегающая.

— Слова Богу! слышится подлѣ меня.

Я различаю голосъ Скобелева.

«Чему онъ радуется?» думаю, и понять не могу.

— Слава Богу... Дѣло обойдется безъ большихъ потерь...

Но какъ разъ въ это мгновеніе—сухой звукъ одиночнаго выстрѣла. Онъ точно въ сердцѣ каждаго изъ насъ отдался. Это не трусость, нѣтъ. Это другое совѣмъ. Это значитъ: «вотъ начинается, теперь сейчасъ будетъ... сейчасъ—сейчасъ!»

Кто-нибудь на турецкихъ аванпостахъ угадалъ насъ.

Минута молчанія. Вотъ выстрѣлъ съ другой уже стороны. И тамъ значитъ почувяли... Слава Богу, наши не поддались соблазну начать беспорядочную стрѣльбу по невидимому во мглѣ непріятелю... не отвѣчаютъ... На-

лѣво—затрещало: тамъ Турки точно со-слѣпу открыли огонь, по суетливости, беспорядочности и разсѣянности его очевидно они еще ничего не знаютъ, только показалось имъ что-то—и они насторожились и давай трескомъ и огнемъ сами взбадривать себя «на всякій случай». Мы понимаемъ смыслъ этой нелѣпой трескотни. Читаемъ по ней о томъ что дѣлается въ сердцахъ у защитниковъ траншеи. И солдаты понимаютъ. «Ишь всполыхнулись несуразные!» шепчетъ одинъ около меня. «Пу-жаются со слѣпу!» сочувственно отзывается другой.

— Наши должно-быть ужъ близко.

— Не видать.

Туманъ точно завѣса съ нсба между нами и идущими впереди.

— За мной, братцы!

Кто крикнулъ? Точно изъ чьей-то металлической груди вырвался полный захватывающаго энтузіазма крикъ... «За мной, братцы»—должно-быть офицеръ у охотниковъ! Чу, точно вихрь послышалось общее «ура», подхваченное оглушающими громами непріятельскихъ залповъ, раскатами барабановъ. Мы еще ничего не видимъ, но настъ уже обдало горячимъ ливнемъ пуль. Первые стоны замерли въ общемъ гулѣ атаки, незримой, и потому еще болѣе зловѣщей.

Этотъ вихрь все растеть и растеть. Въ своемъ бѣшенномъ движеніи онъ подхватываетъ и уноситъ съ собой самыхъ малодушныхъ. Что-то стихійное, въ чемъ тонетъ жуткость мысли, инстинкты самосохраненія. Чувствуешь себя частью, атомомъ общей бури и летишь въ ея головокружительномъ порывѣ. По сторонамъ падаютъ такіе же люди, но на первыхъ порахъ ихъ не замѣчаешь. Одно чувство подымается въ душѣ: «скорѣе, скорѣе». Несешь-ся впередъ какъ лавина, и еслибы у лавины было сознание, она бы такъ же стремилась съ неукротимымъ желаніемъ все снести прочь предъ собой. Все, все... Все что Все что смѣетъ стать на ея пути!

Стрѣлковая цѣпь и охотники сдѣлали свое дѣло.

Изъ передовыхъ ложементовъ непріятель былъ выбитъ, но позади за ними еще стояли грозныя траншеи... Теперь должна была начаться роль моихъ солдатъ — и, странное дѣло, въ эту минуту во мнѣ замерло личное чувство, боязнь за себя... Напротивъ, все казалось сосредоточилось на томъ, какъ бы наши не осрамялись, какъ бы старая слава полка не погасла въ эту зловѣщую и мглистую ночь.

— Ваше благородіе! вдругъ послышался около меня голосъ Токмакова. — Капитанъ пружказали — извольте идти. Пора! Надо подпереть цѣпь «урой» его взять. Здорово онъ за свои валы засѣлъ...

Предъ нами былъ довольно-таки крутой склонъ горы.

Я не помню какъ взбѣжалъ туда; что-то въ груди дрожало, что-то изнутри стремилъ меня впередъ, не давая мысли ни на чемъ остановиться. Разъ явилось сознание сдѣлать это — что-то мѣшало отдѣльнымъ идеямъ, опасеніямъ, впечатлѣніямъ разбить это сознание, лишить его захватывающей силы. Смутно рисуется мнѣ до сихъ поръ зрѣлище явившееся вверху. Туманъ тамъ не былъ такъ густъ. По яркой линіи огня, врывавшагося въ эту мглистую тьму, мы замѣтили, что въ наступленіе перешли значительныя силы врага. Пули со злобнымъ шипѣніемъ и чмоканьемъ уходили во влажную землю; жужжа точно осы, носились у самыхъ ушей, сливали свои разнообразныя звуки съ глухими стонами раненыхъ и пронзительными воплями непріятельскихъ таборовъ. Сотни гранатъ съ зловѣщимъ визгомъ пролетали въ высотѣ, вспыхивали и гасли безчисленныя созвѣздія шрапней, сѣя вокругъ страданіе и смерть; но странно, и эти стоны, и эти страданія и смерть проходили точно стороной. Мы ихъ не замѣчали, намъ нѣкогда было на нихъ остановиться... Что-то болѣе могучее росло въ дунѣ! Я не знаю, это ли называется боевымъ воспитаніемъ, но я понялъ одно, что это именно и даетъ побѣду!

Мы все подвигались, какъ вдругъ наши рады наткнулись на приостановившихся стрѣлковъ.

Предъ ними между настугающею сверху массой Турокъ и нашими рядами теперь подымалось смутно что-то черное, неопредѣленное, пропадавшее во мракѣ налѣво и направо. Тамъ за этимъ чернымъ слышался какой-то глухой шумъ, сверхъ этого чернаго вспыхивали багровые огоньки выстрѣловъ. Позади ихъ взрывались крики: «Алла! Алла!» съ рѣзкими звуками чьей-то команды и меланхолическимъ пѣніемъ турецкихъ сигнальныхъ рожковъ.

Пишешь это теперь, и кажется что проходили часы— а все здѣсь совершалось мгновеніями... разомъ укладывалось въ памяти и соображеніе работало съ поразительною быстротой.

«Брустверь ихній!» сообразилъ я.

— Теперь главное не давать нашимъ стоять, а то назадъ побѣгутъ, проговорилъ около нашъ командиръ, и вдругъ звучно, весело, радостно крикнулъ:—Ну, ребята—пора кончать! Съ Богомъ и кинулся впередъ.

Токмаковъ первый бросился за нимъ.—Не дайте мнѣ, старику, пропасть. крикнулъ онъ уже поднимаясь на брустверь.—Не выдавай, дѣтки!

Оба быстро взбѣжали, и за ними темною массой бросилась наша рота, вся оцетинившаяся ружьями на перевѣсъ. Какъ потомъ оказалось, «дѣти» дѣйствительно не выдали «старога фельдфебеля». Они сбили его съ ногъ, даже такъ, что вмѣсто того чтобы напороться на штыкъ турецкаго аскера, Токмаковъ покатился по рыхлой землѣ внизъ и черезъ него моментально оробѣжали десятки ногъ...

Старикъ долго не могъ подняться. «Долго»—это кажется теперь, а тогда все исчислялось мгновеніями. Но когда ему удалось наконецъ выпрямиться—бой ужъ кипѣлъ предъ нимъ и онъ въ вечернемъ мракѣ смутно различалъ только силуэты нашихъ солдатъ.

Мгновенія штыковаго боя кратки.

Я до сихъ поръ не могу дать себѣ отчета въ томъ что творилось въ этомъ узкомъ рву траншеи. Помню только что когда мы всѣ опомнились—по сторонамъ кор-

чились умирающіе, впереди съ криками «аманъ-аманъ» бѣжали выбитые штыками защитники траншеи, а наши солдатики тяжело дыша сидѣли на банкетахъ бруствера, очевидно не понимая еще что сдѣлано ими и только отводя усталъ и собираясь съ новыми силами.

— Спасибо молодцы! крикнулъ ротный командиръ, обходившій теперь занятую траншею.—Чего съ вами не сдѣлаешь—невозможнаго дѣла нѣтъ! Ну, старикъ, поцѣлуй меня. Ты показалъ имъ сегодня, какъ должно солдату вести себя. Теперь намъ бы отстоять здѣсь, пока подойдутъ наши.

— Отстоимся! Теперь ли не отстояться...

Не долго продолжался нашъ отдыхъ.

Далеко-далеко, какъ намъ показалось, слышались сначала смутные крики.

— Ну, теперь, ребята, въ оба гляди. Турки очнулись. Покажутся сейчасъ... Отбиваться надо!

— Отобьемся!

— То-то... Помолись и жди команды. А главное безъ толку да безъ приказа не стрѣлять. На штыкъ его встрѣчай. Турка страсть нашего штыка терпѣть не любитъ. Самое страшное ему дѣло штыкъ русскій. Страшнѣе пули—куда! Пуля летитъ со слѣпу—еще наткнется ли! А штыкъ тутъ вотъ сейчасъ. Насторожился и ждетъ.

Турецкія батареи уже заработали... Ахнули ихъ стальные груди и гранаты полетѣли по направленію къ нашей нововзятой траншеѣ. Очевидно, разстояніе было отлично вывѣрено у нихъ, потому что снаряды зарывались подъ носомъ у насъ, обдавая насъ то желѣзными осколками, то землей... «А, чтобъ тебя!» слышался порой недовольный крикъ заброшеннаго комьями слякоти солдата.

Линія турецкаго огня близилась, пули точно бесчисленные пчелиные рои сорвались изъ встревоженныхъ ульевъ и неслись къ намъ на встрѣчу. И то же жужжаніе что у пчелиныхъ роевъ и та же кажущаяся густота налета.

Турки подходили съ громкими криками, точно ободряя самихъ себя, какъ дѣти поющія въ темнотѣ. Нѣко-

торые изъ нихъ съ нервными восклицаніями «Алла» выбѣгали впередъ. Они не умѣютъ приближаться тихо и при наступленіи сами линіей огня открываютъ свои силы. И теперь по этой линіи мы могл опредѣлить что на насъ идутъ таборовъ пять не меньше. Токмаковъ все время ходилъ за строемъ нашихъ и повторялъ:

— Жди команды ребята, не стрѣлай пока. Подойдутъ ближе, тогда мы ихъ и ошпаримъ.

— Рота—пли! рѣзко прозвучала команда.

Убийственный залпъ прямо въ лицо непріятеля. Минута молчанія. Только шелкаютъ экстракторы и слышенъ шорохъ заряжающихъ ружей. Ни одинъ изъ солдатъ не выстрѣлилъ безъ команды. Командиры чувствуютъ, что вся часть въ рукахъ, что солдаты спокойны и выдержаны. Является увѣренность за сегодняшнюю ночь. Позиція останется за нами. Но непріятель тоже настойчивъ и стоекъ. Турки не приучили насъ къ этому. Османъ-паша, очевидно, сегодня послалъ противъ насъ лучшія свои силы.

— Рота—пли! вновь слышится какъ и въ первый разъ.

Залпъ на еще болѣе короткомъ разстояніи. «Алла, Алла!» и стоны въ близкихъ уже рядахъ непріятеля. Опять шелканье экстракторовъ. Два залпа заставили приостановиться Турокъ, но они быстро выравниваются и идутъ впередъ,

Уже въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ ихъ линіи, уже видны дула ихъ ружей, перебѣгающія фигуры ихъ стрѣлкой, при огнѣ выстрѣловъ различаешь ихъ смуглыя лица, озаряемая краснымъ, точно кровавымъ блескомъ. Видны сплотившія массы позади. Настанетъ минута—и рота пожалуй будетъ раздавлена этою громадною лавиной... Я оглядываюсь на своихъ—у всѣхъ лица точно прикованы туда, ружья на прицѣль—устья дулъ чуть шевелятся, очевидно каждый слѣдитъ за врагомъ и по мѣрѣ ихъ приближенія переводитъ дуло. Нѣсколько минутъ, и рота пожалуй не выдержала бы. Слишкомъ уже не равны силы! Ихъ десять противъ одного нашего!

Пошатнись, отступи—и ни одинъ солдатъ не будетъ живымъ.

Опять команда.

Залпъ—въ лица самыя. Въ шумныхъ лавинахъ смятеніе.

Такого ужаса не выдержали Турки. Передніе пошатнулись, назадъ ринулись, давятъ слѣдующихъ за ними...

Трескотня выстрѣловъ уже въ спины бѣгущихъ.

Мы стойко сдѣлали свое дѣло. Шумная лавина враговъ низверглась внизъ, слышенъ только трескъ отъ ломающейся соломы на кукурузныхъ не сжатыхъ поляхъ, да топотъ нѣсколькихъ тысячъ ногъ.

Теперь мы могли отдыхать... позиція была наша.

Я гордился за свою часть. Она сегодня явила себя равною настоящимъ боевымъ, обстрѣленнымъ солдатамъ. Ждать вражью атаку съ ружьями на прицѣлъ и не поддастся соблазну выпустить хоть одну пулю, выдержать непріятеля (и какого многочисленнаго, сравнительно съ нами!)—прямо на себя; дать потомъ рядъ такихъ такихъ убійственныхъ залповъ, послѣдствія которыхъ показали, что каждый, не поддаваясь личному впечатлѣнію, зорко и осторожно ожидалъ команды—это хоть бы и солдатамъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и въ сотняхъ битвъ окуреннымъ пороховымъ дымомъ!

Токмаковъ тоже горѣлъ весь отъ счастья. Сегодня было его праздникомъ. Рота оказалась такою же желѣзною какъ и прежде!..

Мрачное, сырое и туманное утро, смѣнившее тревожную ночь, застало насъ въ траншеѣ отбитой у Турокъ.

Еще не разъ они предпринимали атаки, чтобъ отбить позицію, но недавній успѣхъ далъ молодымъ солдатамъ вѣру въ свои силы и убѣжденіе въ недостаточной стойкости непріятеля. Сегодня этихъ молодцовъ нельзя было узнать: они совсѣмъ иначе смотрѣли, говорили и держали себя чѣмъ наканунѣ. Между ихъ прошлымъ и нынѣшнимъ днемъ красною строкой прошли вчерашнія боевыя впечатлѣнія, удача, которой они одол-

жены были этою траншеей, свидѣтельницей ихъ подвига.

Я всталъ на банкетъ ея бруствера и засмотрѣлся въ даль.

Сначала туманъ позволялъ разглядѣть сырыя темныя поляны, поросшія неснятою кукурузой. Вся измокшая, къ землѣ прибитая тяжелыми солдатскими ногами, шерховато, мочалинами лежала она у самой нашей траншеи, дальше на ней смутно обрисовывались во мглѣ тѣлѣ убитыхъ враговъ. Въ этомъ призрачномъ освѣщеніи скупаго и сѣраго болгарскаго осенняго дня они едва едва различались отъ гнѣющихся порослей этихъ нивъ, оставленныхъ работниками. Одинъ Түрокъ особенно близко, храбрець должно-быть, чуть не до самой нашей траншеи добѣжалъ и сраженный пулей въ упоръ, ничкомъ упалъ на землю. Феска свалилась, бритая голова точно блеститъ изъ-за кукурузы. А вонъ дальше, изъ-за той же кукурузы только одно лицо видно горбоносое, гололобое... Грозно въ самое небо смотрятъ зоркія очи, должно-быть смерть застала его въ минуту наибольшаго боеваго одушевленія.

Когда я сошелъ внизъ—очевидно впечатлѣнія вчерашней ночи уже стали укладываться—послѣ недавняго боеваго оживленія, кругомъ было мертвое молчаніе.

Солдаты отдыхаютъ. Усталъ сказалась только къ полудню. Еще нѣсколько времени назадъ хотѣлось смѣяться, шутить, весело сознавать себя живымъ и цѣлымъ такъ что утомленія не чувствовалось еще; но теперь оно взяло свое... Шутки замерли сами собой; веселье, какъ огонекъ костра въ сырую мглистую ночь, мало-по-малу погасло. Кое-гдѣ только, какъ дымокъ послѣ него, начинала медленно и тихо завязываться бесѣда, но и тутъ очень скоро она смолкала. Еще немного спустя бодрствовали лишь часовые на банкетахъ, зорко слѣдившіе за таинственною далью, гдѣ въ туманѣ должны были находиться редуты и укрѣпленія непріятели. Этихъ не надо было учить осторожности. Они сами не отводили глазъ отъ мгlistыхъ окрестностей. Вчера—на настоящемъ дѣ-

лѣ всѣ разомъ стали серіозными. и свято исполняли свое дѣло. Тутъ уже не нужны были мѣры для поддержки дисциплины, расшатывающейся иногда въ мирное время или на походѣ. Здѣсь она сама по себѣ была желѣзною и лежала въ сознаниі каждаго. Все остальное, кромѣ часовыхъ, скоро уже спало—спало на зло холоду, на зло мелкому моросившену въ самыя липа дождю... Заснулъ и я.

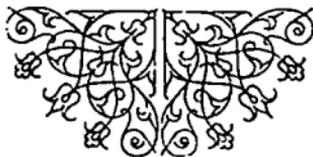
Сколько времени я спалъ—не помню. Когда проснулся, было еще свѣтло. День мало-по-малу умиралъ въ туманѣ и сырости этого осенняго, насквозь пронизывающаго вечера. Съ турецкихъ позицій насъ тоже не тревожили. Готовились ли Турки къ новому штурму—только сегодня и часовые ихъ стрѣляли лѣниво... Такъ рѣдко, такъ лѣниво, что наши не обращали вниманія на эти выстрѣлы. Изрѣдка развѣ вырывалось у кого-нибудь: «ишь балуются!» Когда секреты смѣнились и люди лежавшіе въ нихъ вернулись къ намъ, я спросилъ что дѣлается у Турокъ.

— Прихилились, точно и нѣтъ ихъ. Что песъ--нашкодилъ, и подѣ лавку!

— Незамѣтно у нихъ движенія?

— Тамъ утромъ еще лопотали по-своему, а теперъ молчать.

Очевидно, и у нихъ боевыя впечатлѣнія улеглись, смѣняясь усталю, апатіей, почти мертвымъ равнодушіемъ ко всему.

VI.

Счастье Токмакова.

Черезъ нѣсколько дней, полныхъ утомленія я устали, небольшихъ потерь и величайшихъ возбужденій, Турки уже не пытались отнять новыя позиціи. Они увѣрились что насъ не выбить отсюда—старайся сколько хочешь.

Мы посылали въ траншею только дежурныя части; остальные отдыхали позади въ обезлюдѣвшихъ селахъ, среди сравнительной безопасности, говорю сравнительной, потому что то и дѣло въ обломанныя кровли болгарскихъ землянокъ попадали турецкія гранаты и часто, пробивъ такую крышу, разрывались по ночамъ въ самой землянкѣ среди спавшаго тамъ народа. Мы, впрочемъ, уже претерпѣлись къ этому. У насъ даже устроился офицерскій клубъ, а на площади села играла въ извѣстное время музыка. Туманы не такъ стали густы, дожди рѣже. По утрамъ земля оказывалась покрытою инеемъ, оставшаяся въ поляхъ кукуруза стояла вся бѣлая, точно въ фатѣ вѣнчальной... Зима подходила съ своими холодами, и подъ полотнищами палатокъ солдаты, не находившіе мѣста въ землянкахъ, начинали дрогнуть. Съ турецкихъ позицій къ намъ являлись перебѣжчики. Въ Плевнѣ начался голодъ, и положеніе осаждаемаго города становилось нестерпимо. У насъ почти прекратились военныя дѣйствія. Рѣшили ждать сдачи или ухода Турокъ, а до тѣхъ поръ не рисковать бесполезно жизнью солдатъ. Токмаковъ уже заговорилъ о своихъ малюткахъ, повторяя:—Ну теперь я за гарнадерскую (по старой памяти) роту спокоенъ. Молодцами оказались: старику и на покой можно!

— Получаешь письма отъ вдовы?

— То-то и дѣло что нѣтъ...

Очевидно, старикъ привязался уже къ дѣтишкамъ товарища и теперь рвался къ нимъ...

— Вотъ только возьмемъ мы Плевень, и гайда домой!...

Смерти и устали онъ не боялся, но старья кости ныли отъ холода и сырости. Онъ исполнилъ все, зачѣмъ сюда явился и, хоть откладывалъ со дня на день, но все-таки уже готовился къ дорогѣ назадъ и только самъ про себя повторялъ.

— Вотъ возьмемъ Плевень... тогда уже...

Но еще раньше Токмакова ждало событіе, о которомъ онъ и не думалъ.

Какъ-то утромъ нашъ баталіонъ въ свою очередь занялъ уже спокойную траншею. Токмаковъ остался позади въ землянкѣ—полѣнился пойти со своими. Не на службѣ вѣдь, да и не зачѣмъ—можно дать отдыхъ старымъ костямъ. Его застали съ молодыми только-что присланными на пополненіе солдатами. Онъ имъ рассказывалъ «дѣла давно минувшихъ дней» и недавніе подвиги полка и главное роты, въ которую имъ приходилось поступить...

— Генераль кличетъ въ траншею! позвали его.

— Нешто дѣло? Турки зашевелились?

— Нѣтъ, все спокойно, Сергѣй Ефимычъ. Такъ приказали вамъ явиться.

Токмаковъ умылся, надѣлъ шинель, подфабрилъ съдые усы и, послѣдой разъ оглядѣвъ себя въ ручное зеркало, пошелъ...

Скобелевъ ждалъ его уже.

— Ну, здравствуй, старикъ... Радъ тебя видѣть живымъ и здоровымъ.

— Здравія желаемъ вашему превосходительству!

— Мы тебя ждемъ..

Токмаковъ оглянулъся и ничего не понялъ. Въ траншеѣ были выстроены солдаты. Всѣ смотрѣли на него и точно ждали чего-то... Скобелевъ взялъ старика за руку и ввелъ его въ ихъ ряды.

— Боевому герою нашему—отставному фельдфебелю Сергѣю Токмакову... Шай—на кра-уль!.. скомандовалъ самъ Скобелевъ.

Отчетливо выполнена команда... Токмаковъ вытянулся и замеръ.

— За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадетъ. Великій Князь главнокомандующій прислалъ тебѣ солдатскаго Георгія 1-й степени, котораго у тебя еще не было... Я самъ надѣну его на тебя.

Подъ звуки «военной чести» полковаго оркестра Токмакову подали золатаго Георгія съ бантомъ... Генераль расцѣловался со старикомъ и прикрѣпилъ крестъ ему на грудь.

— Спасибо тебѣ и за твою службу, и за примѣръ, который ты показалъ молодежи! Ну, ребята, нашему дѣду—ура!..

Могучее «ура» было подхвачено во всѣхъ концахъ, траншеи, и когда Токмаковъ шелъ по ней назадъ, солдаты сами вставали и отдавали ему честь. На глазахъ у старика стояли слезы... Онъ нѣсколько дней ходилъ сѣяющій и радостный, такъ что послѣ этого дня уже не особенно обрадовало его назначеніе ему пенсіона за службу.

— Мнѣ что, дѣтишкамъ будетъ легче... А мнѣ, благодаря Бога, и безъ того пропитаться легко было.

Черезъ нѣсколько дней Плевна пала.

Османъ-паша пробовалъ было пробиться, но гренадеры остановили его.

Начинался новый актъ войны, съ героическими перевалами черезъ Балканы, зимними переходами надъ безднами въ виду турецкихъ позицій.

Это было бы уже и не по силамъ старику фельдфебелю, тѣмъ болѣе что онъ сталъ прихварывать...

— Надо поберечь старика! говорилъ Скобелевъ, и какъ-то утромъ позвалъ его къ себѣ.

— Ну, Сергѣй Ефимычъ, ты послужилъ довольно. Отправляйся теперь домой. А то свалишься.

— Я съ полкомъ!.. заговорилъ было Токмаковъ, уже забывшій свое намѣреніе вернуться.

— Вотъ видишь-ли: я душевно радъ тебя видѣть, а только я тебѣ уже какъ начальникъ приказываю—уѣзжай. Теперь наступаетъ такое время, когда ты не отъ

пули, а отъ глупаго тифа пропадешь здѣсь безо всякой пользы... А пока я не говорю тебѣ «прощай», а «досвиданія!» Скоро войнѣ конецъ и мы опять увидимся. Если тебѣ нужно будетъ что-нибудь — обращайся прямо ко мнѣ. Я старыхъ друзей не забываю...

Генераль обнялъ его.

На другой вень нашу роту выстроили нарочно чтобы проститься съ нимъ.

Онъ перецѣловался съ нами, и, едва сдерживая волненіе, обратился къ солдатамъ съ послѣдними словами:

— Помните службу, ребятушки... Честно, усердно, по всей правдѣ!..

И не докончилъ, отмахнулся, перекрестился — и нѣсколько минутъ спустя пропалъ за безлистными деревьями стоящими на краю села.

Уже за Балканами, подъ Санъ-Стефало, до насъ дошла вѣсть, что старикъ будто бы умеръ.

Жаль было, и мы ждали подтвержденій этой вѣсти, чтобъ отслужить по немъ панихиду. Разказами о старомъ фельдфебелѣ коротались длинные вечера долгой скучной стоянки. Нравственный образъ Токмакова словно въ явѣ стоялъ предъ каждымъ изъ насъ.

Надо правду сказать, подъ другими сильными впечатлѣніями воспоминанія прошлаго какъ-то быстро изглаживались, и когда во всей прелести южныхъ красокъ подъ голубыми небесами ритмически спокойное раскинулось предъ нами Мраморное море — среди насъ никто не вспомнилъ стараго фельдфебеля. Не до него было. Бѣлые паруса турецкихъ лодокъ казались крыльями чаекъ надъ синими волнами. Вдали, въ золотистомъ туманѣ чуть мерещились берега Малой Азій, налѣво, дразня наше воображеніе, сіялъ подъ знойнымъ солнцемъ дивный миражъ Константинополя, съ его безчисленными минаретами. Даже солдаты, и тѣ уже не рассказывали ничего о Токмаковѣ. Всѣ повѣрили его смерти. Кто-то рѣшилъ даже: «будетъ, пожилъ — дай Богъ каждому такъ-то».

И на этомъ всѣ успокоились. И въ самомъ дѣлѣ: дай Богъ каждому!

VII.

Д о м а.

Рекупація кончилась...

Мы до нельзя были обрадованы вѣстью, что на дняхъ и насъ двинуть домой. Нашъ полкъ въ это время отъ береговъ Мраморнаго моря попалъ обратно къ Дунаю. Мы занимали Рушукъ и страшно скучали въ этомъ большомъ, омертвѣвшемъ полутурецкомъ городѣ. Вѣчно одно и то же—посѣщеніе кофеенъ съ отвратительными нѣмецкими подержанными пѣвицами, попавшими сюда послѣ долгаго скитальчества по разнымъ трущобамъ Востока; гулянье по площади, на которой нашъ хоръ музыкантовъ исполнялъ то что ему Господь на дуню положить... Единственнымъ развлеченіемъ служили поѣздки по Дунаю, по его зеленымъ островамъ. Вспоминалось какъ годъ назадъ мы шли сюда полные надеждъ... Какъ порѣдѣли наши ряды, какъ мало оставалось товарищей изъ тѣхъ что вмѣстѣ со мной переходили эту великую славянскую рѣку!.. Позади—несмотря на наше самоотверженіе, на тысячи принесенныхъ нами жертвъ—уже раждалась къ намъ злоба и ненависть. Мы точно оказались виноватыми предъ кѣмъ-то; никто еще не могъ дать себѣ отчета,—только недавніе подвиги почему-то вдругъ утрачивали въ нашихъ глазахъ свой блескъ. Поневолѣ приходились считать потери, поминая выбывшихъ товарищей-однополчанъ. Кто остался въ общихъ могилахъ въ болгарской землѣ, кто умеръ по пути въ поѣздахъ Краснаго Креста, кто въ тифозныхъ госпиталяхъ Румыніи. Нако-

нець помянули и Токмакова, и его судьба—умереть,—если онъ умеръ на родинѣ,—являлась еще наиболѣе счастливою. Все-таки дома!

О, какъ хотѣлось намъ домой, скорѣй назадъ на родину,—намъ, ея дѣтямъ, которыя ей принесли въ жертву все, что у нихъ было самага дорогаго и прекраснаго. Намъ казалось, что тольыо она одна можетъ залѣчить наши душевныя раны, что только на ея просторѣ сердце опять забьется спокойно и радостно, что стоитъ намъ лишь перейти ея границы, чтобъ опять воскресла вѣра во все!.. О, какъ хотѣлось домой и съ какою завистью мы провожали тѣхъ, кто имѣлъ возможность сдѣлать это ранѣе, получая отпускъ или командировку...

«Счастливыцы!» говорили вслѣдъ имъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе въ насъ разгоралось нетерпѣніе оставить поскорѣе эту опостылѣвшую намъ, облитую нашею кровью, неблагодарную чужбину!

Наконецъ пробилъ счастливый часъ... Мы въ этомъ отношеніи выпили чашу до дна. Чуть не послѣднимъ нашъ полкъ уходилъ изъ Болгаріи... Съ обруба Дунайскаго берега мы еще разъ взглянули на эту политую нашею кровью землю, помянули павшихъ товарищей и быстро оставили за собой надоѣвшую намъ еще ранѣе Румынію.

Полкъ нашъ стройно, съ развернутыми знаменами и музыкой, вступилъ въ Россію. На самой границѣ мы отслужили молебень, крикнули «ура» родимому краю и радостно начали прислушиваться уже къ сплошнымъ звукамъ своего языка. Здѣсь и мы всѣхъ понимали, и всѣ понимали насъ... Точно не было потерь, устали, тысячи смертей, голода и холода позади, точно это не мы мерзли на вершинахъ Балканъ, тонули въ плевненскихъ болотахъ, умирали на чужихъ поляхъ. Скоро бы все это показалось сномъ, еслибы не встрѣча, ожидавшая насъ на старыхъ мѣстахъ.

Болгары, которыхъ мы освободили, провожали насъ какъ надоѣвшихъ имъ притѣснителей, только здѣсь дома насъ встрѣчали какъ людей честно сдѣлавшихъ свое дѣ-

ло и послужившихъ родинѣ и ея славѣ. Нашъ городъ весь высыпалъ намъ навстрѣчу! духовенство встрѣтило насъ благословешіями, колокола весело звонили намъ свое «добро пожаловать»; «ура» носилось ураганомъ надъ тихими полями, убранными въ этотъ день въ зелень и цвѣты прелестной украинской весны. Торжественно и строго въ прохладномъ воздухѣ вѣяли знамена, прострѣленные турецкими пулями, окуренные пороховымъ дымомъ героическихъ битвъ, казалось еще окруженные возбуждающею чудною атмосферой только-что пережитаго легендарнаго времени... Музыка впереди — мы ужь готовились вступить въ городъ—какъ вдругъ впереди случилось что-то: остановился оркестръ, подѣхалъ туда нашъ полковникъ, кинулись офицеры, и новое «ура» вспыхнуло съ неудержимою силой... Я было съ ротой сдѣлалъ нѣсколько шаговъ — и остановился какъ вкопанный.

Насъ встрѣтилъ—не кто иной какъ похороненный было Сергѣй Токмаковъ съ пріемными дѣтьми, одѣтыми въ форму нашего полка. У Токмакова въ рукахъ было деревянное блюдо съ хлѣбомъ-солью, но его пришлось передать его другимъ—самъ онъ, нашъ старый боевой товарищъ, переходилъ изъ одного объятія въ другія. Онъ оставался все такимъ же худымъ и прямымъ, такъ же сурово топорщились его сѣдые брови и ласково улыбались изъ-подъ нихъ юношескимъ огнемъ горѣвіе глаза...

Впереди насъ ждали другія депутаціи...

Но Токмакова мы не выпустили.

Онъ больше всѣхъ насъ имѣлъ право на скромное и сердечное устроенное намъ торжество. Мы его заставили стать на флангъ его старой «гренадерской» роты и двинуться съ нами впередъ, причемъ солдаты радостно наклонялись изъ рядовъ, желая разсмотрѣть его—онъ ли это воскресъ изъ мертвыхъ и въявь идетъ съ нами...

Черезъ нѣсколько дней весь полкъ давалъ обѣдъ своему старому фельдфебелю.

Мы ему поднесли—отъ нашей роты нарочно для этого заказанный золотой Георгіевскій крестъ съ вырѣзанною на немъ надписью:

Старому нашему фельдфебелю
Сергѣю Токмакову—младшіе товарищи
1-ой стрѣлковой роты *** полка
За любовь и боевую науку.

Старикъ былъ растроганъ, а когда мы всѣ, поднявъ бокалы за его здоровье, крикнули ему наше дружеское товарищеское «ура», онъ стоялъ предъ нами весь блѣдный, но прямой и скромный какъ всегда. Только влажные отъ слезъ глаза выдавали его волненіе.

— Дозвольте и мнѣ... За нашъ храбрый, доблестный полкъ... Чтобы стоять ему такъ же твердо и нерушимо, какъ и всей нашей матушки Россіи!..

Больше онъ и не могъ говорить, да и нельзя было—солдаты подхватили его и на рукахъ вынесли на площадь къ другимъ ожидавшимъ его полковымъ товарищамъ...

ПРАПОРЩИКЪ МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

(Изъ военныхъ воспоминаній).

Вставайте, пора обѣдать!..
Насъ въ землянкѣ было двое, я и только что прѣхавшій къ намъ въ отрядъ молоденькій офицерикъ изъ Петербурга. Нѣжненькій, хорошенькій, какъ дѣвушка. Онъ все время пощипываль то мѣсто, гдѣ у него должны были вырости вполслѣдствіи усы, отсутствіе которыхъ, повидимому, приводило его въ большое смущеніе... По крайней мѣрѣ онъ съ перваго раза счелъ необходимымъ мнѣ объяснить, что у нихъ уже порода такая. У отца, видите ли, только въ тридцать лѣтъ показались усы. Вообще онъ всѣми силами старался скрыть или забыть свои восемнадцать лѣтъ. Попаль онъ къ намъ прямо со школьной скамьи, и первое время все удивлялся отчего это у насъ все дѣлается не по книжкамъ. На груди у него висѣлъ большой медальонъ, на который онъ, повидимому, считаль себя обязаннымъ взглядывать утромъ, «воставъ отъ сна», и вечеромъ «на сонъ грядущій». Дѣлаль это юноша чрезвычайно торжественно. Приготовляль размышленіемъ; потомъ принималь необыкновенно печальный видъ и, наконецъ, открываль свое сокровище. Мнѣ только разъ удалось увидѣть, что тамъ было: прелестное личико молоденькой дѣвушки съ

наивными, веселыми глазами и вьющимися волосами... Онъ меня увѣрялъ, что это образъ, что онъ молится. Бѣдному тяжело было сознаться, что онъ любитъ. Юноша воображалъ, что въ лагерѣ всѣ мы стали грубыми животными и осмѣемъ его свѣжее молодое чувство... Я думаю, нечего прибавлять, что онъ былъ нашимъ общимъ любимцемъ... Его называли фендрихомъ, будущимъ человѣкомъ, Марьей Петровной и т. д. Всего обиднѣе для будущаго человѣка было это женское имя... Онъ даже хмурился, старался говорить грубымъ голосомъ, напускалъ на себя разочарованный видъ и солдатскія манеры. Но, увы! ничто не помогало дѣлу... Марья Петровна, такъ и оставалась Марьей Петровной... Разъ кто-то отъ скуки предложилъ даже разыграть домашній спектакль въ землянкѣ, причемъ роль наивной семнадцатилѣтней дѣвушки должна была достаться Васильеву. Таковая была его фамилія.

— Вставайте, пора обѣдать!..

Мы, разумѣется, вскочили.

— Знаете, я сегодня не подойду къ генералу!.. Сообщилъ мнѣ будущій человѣкъ.

— Почему это?

— Потому что онъ меня вчера обидѣлъ.

— Помилуйте, чѣмъ это?.. Онъ васъ, напротивъ, очень любитъ.

— Я у него вчера просился съ охотниками, а онъ мнѣ велѣлъ идти спать... Ступайте, говоритъ, бай-бай, Марья Петровна... Я офицеръ, а не Марья Петровна, что же это такое, наконецъ!

— Федоръ!

Вошелъ сумрачный деньшикъ, который держалъ Васильева въ большомъ респектѣ и даже внушалъ ему нѣкоторый страхъ.

— Дай помыться...

— Когда вздумали!.. И чего вы пріѣхали сюда? Дурно развѣ вамъ было въ Петербургѣ...

— Ну, не разсуждай...

— Вотъ сегодня еще на дворѣ убило одного...

Пули залетали въ наше село съ турецкихъ позицій. Шальные то и дѣло шлепались по дворамъ и на улицахъ.

— Кого это?

— Бургара одного... Сѣно привезъ, его въ брюхо и вдарило... А то ли дѣло въ Питерѣ: теперь бы ваша машина по Невскому кататься поѣхали и васъ бы съ собой взяли. Вечеромъ бы Александра Ивановна пожаловали. Вы бы съ ней гулять въ лѣтній садъ пошли, либо на острова... Не сидѣлось!.. А тутъ вотъ пули... Бургара убило...

— Ну, хорошо, хорошо...

Когда мы вышли, генераль уже стоялъ около большого шатра, въ которомъ пили чай и обѣдали въ рѣдкіе дни спокойствія. По большей части же приходилось гнить въ сырыхъ траншеяхъ или выскакивать по тревогѣ на аванпосты. Васильеву, впрочемъ, не удавалось еще видѣть огня. Онъ чуть не плакалъ и капризничалъ цѣлые дни, но генераль, видимо, жалѣлъ его молодость...

— Ну, Васильевъ, встрѣтилъ онъ юношу... Радуйтесь.

Васильевъ взялъ подъ козырекъ, но, нахмурившись, ожидалъ новой шутки. Мы всѣ улыбнулись.

— Радуйтесь... Сегодня вечеромъ я васъ...

Васильевъ просіялъ... Сегодня его вѣроятно пошлютъ въ дѣло.

— Сегодня вечеромъ я васъ... не беру съ собою...

Кругомъ расхохотались... У Марьи Петровны на глазахъ проступили слезы.

— Ну, Утѣшьте, я пошутилъ... Вмѣстѣ поѣдемъ въ траншею. А тамъ—что Богъ дастъ.

Будущій человекъ обрадовался и лихо заломилъ фуражку на бекрень. Сегодня—онъ докажетъ всѣмъ и каждому, какъ въ немъ ошибались. Сегодня онъ пристыдитъ насмѣшниковъ и зажметъ ротъ тѣмъ, которые его считаютъ мальчикомъ, дѣвочкой, короче—всѣмъ, чѣмъ хотите, только не офицеромъ.

— А страшно, очень? Не выдержалъ онъ и спросилъ меня на ухо.

— Что страшно?

— Будеть-то страшно или нѣтъ?

— Очень...

— Знаете, я не боюсь... А такъ, съ непривычки— жутко какъ то.

— Такъ вы отказываетесь...

— Что такое?

— Хотите, я сообщу генералу, что вы сегодня нездоровы и васъ брать съ собой не слѣдуетъ.

— Голубчикъ... да вы меня зарѣзать хотите... Я и то ждалъ этого дня какъ свѣтлаго праздника... Вотъ, разодолжили было... Напротивъ, я ужасно радъ... Ужасно!

— О чемъ это Марья Петровна разсуждаетъ? послышался голосъ генерала, обернувшася съ намъ.

— Имѣю честь доложить Вашему Превосходительству, что я не Марья Петровна, а прапорщикъ *** полка 1-го баталіона, Васильевъ! обидѣлся фендрихъ. А вечеромъ—я докажу, что я достоинъ носить это званіе и принадлежать къ полку.

— А что, если я васъ оставлю...

— Вы этого не сдѣлаете! промолвилъ уже въ умоляющемъ тонѣ будущій человѣкъ.

— Прапорщикъ Васильевъ... вы сегодня остаетесь!

— Да что-жъ это такое... Я самъ поѣду... Не для обѣдовъ же я сюда попалъ...

Наконецъ, Васильева успокоили. Убѣдили, что его берутъ съ собою; юный прапорщикъ весь обѣдъ блаженствовалъ. Его называли «прапорщикомъ», обидныхъ прозвищъ не пускали въ дѣло, чокались съ нимъ, спрашивали его совѣтовъ и когда онъ, припоминая книжки, хорошо имъ вызубренные, отвѣчалъ какъ на экзаменѣ, безъ запинки, его серьезно выслушивали, съ нимъ соглашались. Васильевъ даже для пушей важности сталъ пить вино, отъ котораго онъ всегда отказывался. Теперь же онъ не счелъ это возможнымъ. Предлагали тосты за его здоровье, за его будущій георгіевскій крестъ. Юноша даже весь пунцовымъ сдѣлался при послѣднемъ пожеланіи.

— Знаете что? наклонился онъ ко мнѣ.

— Ну-съ.

— Получить Георгія—и умереть!..

Такимъ это было сказано комическимъ тономъ, взволнованный голосъ юноши былъ такъ искренно наивенъ въ эту минуту, что я расхохотался.

— Ну вотъ, я такъ и зналъ, что вы смѣяться будете..

А я, я общалъ воротиться съ Георгіемъ.

— Кому общали, маменькѣ?

— Нѣтъ-съ. Не маменькѣ.

— Значитъ, образу?..

— Какому образу?..

— А которому вы молитесь. «воставъ отъ сна», и «на сонъ грядущій».

Юноша покраснѣлъ еще пуще того...

— Знаете! вдругъ разоткровенничался онъ. Она прелестнѣйшая дѣвушка. Да... Такая... такая... какой другой въ цѣломъ мірѣ нѣтъ!.. И не будетъ!

Глубоко убѣжденнымъ тономъ проговорилъ онъ, пожимая подъ столомъ мою руку.

— Я ей и объ васъ писалъ... Успокоилъ онъ меня, воображая, что это обстоятельство должно сдѣлать меня ужасно счастливымъ. Знаете... она хотѣла ѣхать сюда—сестрой милосердія, да отецъ ее не пустилъ... Онъ важный генераль тамъ... Хоть онъ и служитъ въ интендантствѣ, но человекъ честный...

Шлепокъ вверху, свистъ около, трескъ стекла и всѣ оглядываются на тотъ конецъ, гдѣ сидитъ генераль.

— Ишь, проклятая! Замѣтилъ кто-то около.

— Что это, пуля? переспросилъ фендрихъ.

— Да... прорвала шатеръ и разбила бутылку съ виномъ.

— Наловчились, подлецы; знаютъ, вѣрно, что въ этомъ дворѣ генераль живетъ.

Во время обѣда мы часто слышали слабое жужжанье чего-то за шатромъ, изрѣдка короткій свистящій звукъ и чмоканье въ землю. Когда мы вышли, оказалось что тучи стали надвигаться съ запада. Пахло дождемъ. Гдѣ-то далеко-далеко вспыхивала и гасла, гасла и вспыхивала

перестрѣлка. На сѣромъ фонѣ разомъ померкнувшаго неба вырисовывались рѣзкія очертанія Кришинскаго редута, одного изъ самыхъ грозныхъ укрѣпленій Осман-паши. Масса земляныхъ валовъ издали казалась какимъ-то горбомъ на вершины пологой горы. Кругомъ въ низу шли черные зигзаги и черточки траншей. Изрѣдка всѣ, смолкая прислушивались къ гулу орудія, будившаго своими тягучими выстрѣлами окрестность. Выжидали разрыва, и далекое эхо его едва долетало до насъ вмѣстѣ съ грохотомъ отвѣтнаго удара дальнобойныхъ турецкихъ пушекъ. Изъ разныхъ дворовъ по селу доносился говоръ солдатъ, пѣсни. Гдѣ-то въ сторонѣ, должно быть, у кого-нибудь изъ полковыхъ командировъ, играла музыка. Даже какъ-то странно было слышать вальсы Страуса при этой обстановкѣ.

Къ вечеру погода совсѣмъ испортилась.

Сначала шелъ дождь, потомъ туманъ со всѣхъ сторонъ окуталъ дали, такъ что въ десяти шагахъ отъ себя съ трудомъ можно было различить спутниковъ. Видны были въ сѣрой мглѣ какіе-то сѣрые силуэты, словно тамъ еще болѣе сгущался туманъ. Стало разомъ холодно такъ что мы продрогли..:

— Ну, Марья Петровна, жалѣете что поѣхали?

— Помилуйте, ваше п—во, это самая лучшая минута въ моей жизни!

Старикъ генераль самъ старался по-плотнѣе закутаться въ свое подбитое вѣтромъ пальто. Прапорщикъ чувствовалъ себя на столько счастливымъ, что на этотъ разъ даже не протестовалъ. Онъ какъ будто не замѣтилъ насмѣшливаго тона и прозвища «Марья Петровна», столь ненавистнаго ему въ обыкновенное время. Онъ улыбался, хохоталъ, едва скрывалъ свой восторгъ, едва одолѣвалъ возбужденіе, которое въ немъ росло каждую минуту.

— Знаете, обратился ко мнѣ Васильевъ, я сегодня счастливъ, совершенно счастливъ... Это все равно, что послѣ семи лѣтъ разныхъ выучекъ и муштровокъ надѣть на себя въ первый разъ эполеты...

Въ туманѣ изрѣдка меланхолично посвистывали пули, пролетая высоко надъ нами. Разъ или два вверху прогромыхало, гдѣ-то далеко-далеко разорвалась граната.

Мы держались кучкой, стараясь не разбиваться. Тутъ отстать, значить, заблудиться.

Нужно сказать правду, что счастливое настроеніе духа было только у одного Васильева. Остальные не могли похвастаться этимъ. Въ этотъ сырой, холодный и туманный вечеръ даже болгарская землянка казалась дворцомъ. Нѣсколько разъ старикъ генералъ приостанавливался и окликалъ всѣхъ по имени.

— N. N!

— Здѣсь.

— Ординарецъ Z. Z!

— Марья Петровна!

— Здѣсь!

Отзывался на нелюбимое прозвище Васильевъ и сейчасъ же прибавлялъ.

— Что дѣлать, нужно потѣшить старика!..

— Что вы, ваше превосходительство, не надѣли теплаго пальто? обращался кто-то къ генералу.

— Развѣ я румынскій офицеръ. Вы бы еще меня подъ зонтикъ упрятали и заставили бы колоши и кашнэ носить!..

Туманъ становился все гуще и гуще.

Позади за нами замиралъ говоръ лагеря, нѣсколько разъ на насъ наскакивали казаки, мчавшіеся отъ кого-то и къ кому-то съ донесеніями. Издали обрисовывалось сначала какое-то смутное пятно, оно росло и опредѣлялось; наконецъ, все больше и больше намѣчалась фигура всадника.

— Кого чертъ несетъ! Слышалось намъ на встрѣчу.

— Генералъ ***! Огарашивали казака.

— Виноватъ, ваше п-во...

— Ничего. Откуда и куда?

— Съ позиціи... Турка пальбу открылъ, такъ съ до несеніемъ.

А разъ такъ и лучше было. Отвѣтили: генераль ѣдетъ, и совершенно неожиданно получили: «Много васъ дьяволовъ, генераловъ! Наши казаки должно быть!»

Потомъ также удалялась назадъ фигура всадника съ конемъ, мало-по-малу сливаясь съ туманомъ. Въ послѣдній разъ мелькало намъ какое-то пятно. а когда и оно исчезало, мы опять чувствовали себя здѣсь одинокими и оставленными.

Встрѣчные, впрочемъ, становились все рѣже и рѣже. А когда наступила ночь, въ сумеркахъ ея уже никого не попадалось намъ на встрѣчу.

Ѣхали мы часъ, два...

-- Что за чортъ!.. останавливается, наконецъ, генераль. Давно бы пора быть на позиціяхъ.

— Прямо бы поѣхали—давно бы попали.

— Мнѣ нужно было всю линію объѣхать...

Стали всматриваться впередъ—ничего не разобрать.

— Подать голосъ развѣ!

И кто-то изъ насъ крикнулъ.

Гдѣ-то далеко, далеко послышался замирающій откликъ.

— Въ какой же это сторонѣ будетъ? задались мы вопросомъ.

— Не то вправо.

— Какое вправо,—влѣво...

— Нѣтъ, господа, вы плохо слышите—это впереди...

— Ну вотъ!..

Рѣшили крикнуть еще—и уже положительно не разобрали: нашъ ли это крикъ вызвалъ эхо гдѣ-то далеко-далеко, или такъ и угасъ, не достигнувъ до насъ вполнѣ, отвѣтъ аванпостной цѣпи.

— Поѣдемъ впередъ, прямо... Тѣшилъ нашъ старикъ.

И мы двинулись.

— Все равно, такъ ни такъ, а въ аванпостную цѣпь попадемъ.

Черезъ четверть часа одному изъ нашихъ послышался какой-то говоръ. Мы приостановились. Дѣйствительно,

впереди передъ нами были люди, шаговъ этакъ за двѣсти. Мы подѣхали ближе.

— Эй, кто тамъ?..

Говоръ погасъ или затаился.

— Эй, кто тамъ? Генераль ѣдетъ...

Подѣхали мы еще ближе. Мертвая тишина кругомъ...

Ни слова въ отвѣтъ. Только слышно какъ гдѣ-то въ сторонѣ журчить ручей, пробираясь по каменистому ложу, да впереди ржаніе лошадей...

— Чортъ знаетъ, что такое... Кто у насъ сегодня на аванпостяхъ?

— Донцы...

— Что-жъ они не отвѣчаютъ?.. Послушай, обратился генераль къ одному изъ сопровождавшихъ его драгунъ, Матвѣевъ! поѣзжай, братецъ, впереди и поразсмотри, что тамъ.

Мѣрный топотъ коня, чѣмъ дальше, тѣмъ все тише, и, наконецъ, шагахъ въ пятидесяти замеръ.

Мы ждемъ...

Та же мертвая тишина, тотъ же, не нарушающій этого молчанія мочи, унылый говоръ ручья...

Вдругъ—мы такъ и замерли!) спереди оттуда, куда двинулся Матвѣевъ, трескъ частой, дробной перестрѣлки..

— Да это, господа, магазинки?..

— Онѣ и есть... Ихъ отличишь сразу отъ нашихъ Берданокъ.

Пули жужжать вверху... стрѣляютъ по всей линіи на право и на лѣво...

— Неужели мы на турецкую цѣпь наткнулись?.. Эко туманъ проклятый... Всегда съ нимъ спутаешься.

— Назадъ нужно, ваше превосходительство! замѣчаетъ кто-то изъ насъ.

— Знаю-съ. Матвѣева только дождемся и поѣдемъ.

Впереди опять тотъ же топотъ, только несравненно болѣе быстрый, и фигура Матвѣева скоро обрисовывается передъ нами. Видимо, что человѣку не по-себѣ. Голосъ обрывается, дрожитъ.

— Ваше превосходительство, я важно въ турецкую цѣпь вдарился. Только тогда и разобралъ, какъ они мнѣ «ясакъ» крикнули...

— Много ихъ!

— Густая цѣпь стоитъ. Они какъ запалили—я и назадъ. Лошадь только мою попортили... Во—бокъ ей пуля-то повредила...

— Ну, ладно... Назадъ, ребята...

Мы повернули и насколько медленно ѣхали впередъ, настолько быстро гнали назадъ... За нами все время слышались выстрѣлы изъ турецкой цѣпи. Очевидно, мы блуждали между нашими и неприятельскими аванпостами.

— Должно, не донцы у насъ въ цѣпи?..

— А что?

— Донцы сейчасъ бы отвѣчать начали. Тогда бы жутко пришлось, съ обоихъ сторонъ стали бы летать пули...

И какъ будто накликали.

Наша цѣпь тоже открыла огонь по турецкой. Теперь путь нашъ становился несравненно опаснѣе... Сзади бьютъ турки, спереди отвѣчаютъ имъ русскіе. Еще хуже быть раненымъ или убитымъ своею же пулей...

-- Послушайте, слышится около меня надорванный, жалобный голосъ.

— Что, Васильевъ, скажете?

— Послушайте... это ужасно...

— Что такое?

— Я убѣждаюсь, что я трусь... это ужасно!.. я трусь...

-- Почему же вы это думаете?

-- Потому, что мнѣ жутко...

— Чудакъ вы этакій, всѣмъ жутко... Бѣдь вы не уходите въ скачь, а ѣдете какъ вамъ слѣдуетъ... Повѣрьте, только хвастуны говорятъ, что имъ не жутко въ такія минуты.

— Такъ это ничего?..

— Хотите, спросимъ у генерала?..

А старикъ былъ человѣкъ обстрѣлянный и не терялся въ самомъ ужасномъ огнѣ.

Подѣхали къ нему.

— Ваше превосходительство! А вѣдь скверно.

— Разумѣется, скверно.

— Совсѣмъ не хорошо.

— Жутко!

Я толкнулъ Васильева.

— Жутко... Въ дѣлѣ ничего... А тутъ такъ, безъ дѣла, погибнуть куда какъ неприятно. Ну, а вы, Марья Петровна, какъ?

— Страшно, ваше п - во.

— Всѣмъ одинаково, голубчикъ.

Чѣмъ ближе мы подвигались къ нашей цѣпи, тѣмъ огонь становился оттуда все сильнѣе и сильнѣе. Пули гуще и гуще летали и все по нашему направлешию...

— Ой, крикнулъ Васильевъ и схватилъ меня за руку.

— Ранены вы? живо обернулся я къ нему.

— Нѣтъ... Я такъ...

— Матвѣевъ, маршъ впередъ, да живо, крикни имъ, что это свои. Чего они стрѣльбу открыли.

Матвѣевъ пригнулся къ головѣ коня, далъ ему нагайку и тотъ, несмотря на то, что былъ уже раненъ, стремглавъ помчался впередъ...

Мы разѣхались одинъ отъ другаго подальше, чтобы не такъ подвергаться выстрѣламъ, и затѣмъ бросились всѣ впередъ. Тутъ говорилъ уже сильный страхъ. Мы знали, что въ насъ стрѣляютъ, что въ насъ цѣлятъ, потому что насъ слышутъ. Хорошо, что стрѣляли казаки съ коней, иначе, если бы тутъ была пѣхота, намъ бы пришлось очень плохо, слишкомъ плохо. Многихъ бы не досчитались мы. Тѣ бы залегли и открыли пальбу вровень съ ростомъ человѣка, да пожалуй, еще стали бы залпами угощать...

— Не догонишь ихъ! Возвращается Матвѣевъ.

— Какъ не догонишь?

— Да такъ. Они думаютъ, что турки на нихъ идутъ и отступаютъ по этому самому назадъ. Тамъ позади пѣхота стоитъ, такъ къ ней.

— Часъ отъ часу не легче...

Должно быть, изъ нашей цѣпи дали знать на батарею, находившуюся нѣсколько позади. Оттуда вдругъ блеснуло пламя, тускло блеснуло въ туманы и, немного спустя, послышался грохотъ орудійнаго выстрѣла и вскорѣ за нимъ шушуканье гранаты вверху.

— Такъ! Вотъ попались въ бѣду-то.

— Марья Петровна, гдѣ вы?

— Я здѣсь...

— Юноша отвѣтилъ какъ-то болѣзненно.

— Что это вы плакать, кажется, собираетесь?

— Не заплачете вы?

— Ого, какъ фендрихъ нашъ заговорилъ—совсѣмъ Суворовъ!..

— Ладно, посмотримъ, кто будетъ смѣяться послѣднимъ,—загадочнымъ тономъ отвѣтилъ Васильевъ.

Еще полчаса такого же глупаго положенія...

Наконецъ, впереди послышался топотъ—мы остановились. Топотъ шелъ прямо на насъ. Суда по немъ, полусотня казаковъ шла на рекогносцировку. Двинься мы впередъ—насъ бы приняли въ шашки. Наконецъ, когда отрядъ подвинулся къ намъ на разстояніе человѣческаго голоса, мы его окликнули...

— Да это нани! слышалось тамъ.

— Толкуй—наши. Знаемъ мы бритыхъ этихъ. У нихъ есть, которые и по-русски знаютъ... Поѣдутъ наши оттуда!.. Вали-ка на нихъ...

Сотникъ уже скомандовалъ было, да голосъ его одному изъ ординарцевъ генерала оказался знакомъ.

— Турбаевъ, это вы?..

— Я...

Видимо, тотъ изумился и оторопѣлъ.

— Такъ не стрѣляйте, пожалуйста, а скорѣй двиньтесь сюда.

— Кой чортъ васъ занесъ оттуда?..

— Мы съ генераломъ...

Черезъ полчаса мы уже были далеко, дома, въ землянкѣ у генерала.

Зажгли огонь, вдругъ всѣ окружили Васильева.

— Да вы ранены?..

— Немножко... покраснѣлъ юноша.

Изъ плеча у него текла кровь.

— Какъ-же вы намъ не сказали?..

— Да беспокоить не хотѣлось. Время ли было возиться со мною...

— Скорѣе доктора...

Подняли того съ кровати. Осмотрѣлъ— кость оказалась нетронута.

— Однако, вы, Васильевъ, молодецъ,— замѣтилъ генералъ, ласково глядя на юношу.

Съ тѣхъ поръ Васильева перестали звать Марьей Петровной.

ЭПИЗОДЪ.

Бой только-что окончился. Войска вступили. И солдаты и офицеры были мрачны. Въ рядахъ то и дѣло встрѣчались раненые: у кого рука висѣла на бинтѣ, кто шель, опираясь на ружье, потому что пуля сидѣла въ ногѣ; кто перевязалъ себѣ голову грязнымъ платкомъ, изъ-подъ котораго сочилась кровь, и сдвинулъ кепку на самый затылокъ. Не слышалось ни пѣнія, обычнаго при возвращеніи полка назадъ, ни говора въ рядахъ, значительно порѣдѣвшихъ. Только однообразный топотъ тысячи ногъ смѣшивался въ какой то гулъ, да штыки звякали одинъ о другой... Полковникъ ѣхалъ впереди со своимъ адъютантомъ... Онъ былъ мрачнѣе тучи. У него убили любимаго коня, такъ что онъ долженъ былъ сѣсть на громадную и не уклюжую артиллерійскую лошадь, привыкшую возить орудія и немилосердно подбрасывавшую командира всякій разъ, какъ только онъ забывался и ослаблялъ поводья.

Когда подходили къ боевымъ позиціямъ, я увидѣлъ въ сторонкѣ у дороги знаменитаго своею уродливостью, Деньщика, Сахарова. Это былъ совершенно своеобразный солдатъ. Неуклюжій и колченогій, онъ отличался страшною силою и вто-же время кротостью барбоса, ко-

тораго можетъ спокойно таскать за уши каждый деревенскій мальчишка. Сахаровъ былъ въ высшей степени сосредоточенъ и задумчивъ. Добиться отъ него слова было почти такъ-же трудно, какъ заставить разговаривать уличную тумбу. Тамъ гдѣ слѣдовало расти волосамъ,—на губахъ и на подбородкѣ,—у него ихъ небыло, за то, ни съ того ни съ сего, густая щетина покрывала щеки подъ самыми глазами и пробовала даже взобраться на носъ. Уши тоже были у него покрыты обильною порослью. Ходилъ онъ сгорбившись, точно у него вѣчно на спинѣ былъ какой то невидимый, но страшно тяжелый кулъ. Теперь онъ пристально всматривался въ ряды нашего полка, пропуская одного офицера за другимъ и очевидно отыскивая кого то глазами...

Ваше благородіе! — обратился онъ къ нашему прапорщику, только-что пріѣхавшему въ полкъ изъ Петербурга.—А гдѣ-же мой-то?..

Но прапорщикъ не отвѣтилъ ему ни слова, отвернулся даже... Сахаровъ всполошился и присталъ къ слѣдующему офицеру,—но и тотъ тоже ни слова...

Тогда онъ чуть не взялъ меня за руку.

— Ради Креста!.. Гдѣ мой-то баринъ? Что-же его не видно?.. Я молчалъ какъ и всѣ. Мы знали преданность Сахарова къ его барину—молоденькому офицеру, котсраго весь полкъ звалъ «дѣвочкой».

— Ужли?.. Господи!.. Ужли ранень?..

То-же молчаніе. Никто не хотѣлъ первый сообщить ему печальную вѣсть.

Тогда Сахаровъ замѣшался въ ряды солдатъ, и тѣ ужъ рассказали ему что они помнятъ какъ выбѣжавшій впередъ Оленинъ (фамилія офицера) упалъ пораженный пулей, и затѣмъ его никто ужъ не видалъ, можетъ быть его подобрали санитары; можетъ быть, онъ убитъ наповаль,—ничего неизвѣстно. Сахаровъ, шатаясь, вышелъ изъ рядовъ сѣлъ прямо въ грязь и замеръ въ выраженіи какото-то молчаливаго отчаянія. Полковой песь нашъ, Мухтарка, подбѣжалъ къ нему, лизнулъ Сахарова прямо въ губы, но тотъ даже и не замѣтилъ этой безцеремон-

ной ласки. Недовольный этимъ, Мухтарка, остановился и залаялъ на Сахарова, но когда и на этотъ вызовъ деньщикъ остался безотвѣтнымъ, песь рѣшивъ вѣрно, что ему дѣлать нечего, завилъ хвостъ кольцомъ и побѣжалъ далѣе за полкомъ, входившимъ уже въ лагерь.

Въ нашей палаткѣ были зажжены свѣчи.

Ночь была сырая, холодная непріятная. Гнилой туманъ заполнялъ окрестности. Мы лежали на походныхъ койкахъ и, какъ-бы нехотя, перебрасывались словами. Не хотѣлось говорить... Такъ прошло около часу, когда полотно палатки приподнялось и показалась огромная фигура стараго деньщика.

— Чего тебѣ, Сахаровъ?..

— По всѣмъ перевязочнымъ пунктамъ искалъ, ваше благородіе, —нигдѣ нѣтъ!..

Мы поняли, что онъ говоритъ о своемъ баринѣ.

— Чего-же тебѣ надо теперь?

— Пожалуйста револьверъ, ваше благородіе!

— Револьверъ?—вскочилъ я съ кровати.

— Точно такъ.

— Зачѣмъ тебѣ?.. «Ужъ не застрѣлится-ли хочешь?» мелькнула у меня дикая мысль. Но я тотчасъ же самъ разсмѣялся до того она была дика.

— Я пойду!..

— Куда? Говори толкомъ.

— Барина... своего прапорщика искать.

— Глупый человѣкъ! Пойми, что, если онъ остался тамъ, такъ турки давно ужъ заняли ту гору..

— Точно такъ.

— Туда нельзя тебѣ.

— Это точно. А только пожалуйста револьверъ.

— Да вѣдь русскимъ языкомъ говорятъ тебѣ, что нельзя туда: тамъ турки!..

— Точно что нельзя, а только я пойду... Коли иные прочіи оставляютъ... Что-же это будетъ...

И, проговоривъ едва ли не первый разъ въ жизни столь длинную рѣчь, Сахаровъ точно ослабѣлъ... Онъ,

впрочемъ, самъ увидѣлъ у меня револьверъ, висѣвшій надъ походною койкой, подошелъ къ нему и взялъ...

— Вотъ этотъ самый... Счастливо оставаться!..

И не успѣли мы опомниться, какъ Сахаровъ исчезъ изъ палатки. Мы считали его уже погибшимъ. Но такъ какъ на войнѣ смерть — дѣло обыкновенное и каждый къ ней готовъ, то мы тотчасъ-же заснули, не думая ни о Сахаровѣ, ни о его молоденькомъ прапорщикѣ.

Между тѣмъ въ эту ночь произошло совершенно необыкновенное дѣло. Сахаровъ выбрался за наши позиціи. На аванпостахъ стояли драгуны, бывшіе всю компанію съ нами и хорошо знавшіе Сахарова. Они даже не удивились, когда онъ заявилъ имъ о своемъ намѣреніи идти отыскивать своего барина. Нанѣ братъ, баринъ, смотритъ на это, какъ на что-то безумное и необычайное, — солдатамъ-же такой подвигъ казался совершенно обыкновеннымъ, и даже обязательнымъ для деньщика.

Затѣя Сахарова показалась все-таки очень рискованною даже и простымъ солдатамъ.

— Чудакъ-человѣкъ! — замѣтилъ одинъ изъ драгуновъ. Какъ-же ты его въ этакой темени увидишь? Сколько ихъ, поди тамъ навалено.

— А сѣрнички зачѣмъ? У меня братъ десять коробковъ сѣрничекъ съ собою!..

И онъ пошелъ впередъ.

Солдаты рассказывали ему гдѣ былъ бой, гдѣ пуля настигла Оленина, гдѣ онъ упалъ, и гдѣ вѣроятно, онъ лежитъ до сихъ поръ, если только турки его не покончили.

Часа три пришлось брести Сахарову, то сбиваясь съ пути въ лощинахъ, гдѣ всѣ тропинки спутывались и выходили назадъ, то попадая на обрывы, гдѣ прекращалась всякая возможность идти далѣе. Тихонько подвигаясь впередъ, онъ чутко прислушивался: не послышится-ли говора турецкихъ солдатъ или стона раненыхъ впереди. Но, хотя вѣтеръ дулъ оттуда, ни одного звука не доносилось къ Сахарову; только въ обмякшихъ стебляхъ кукурузы, никѣмъ не снятой, такъ какъ мирное населе-

нѣ бѣжало съ мѣста военныхъ дѣйствій, начинался и стихалъ какой-то шорохъ. Сахаровъ, подкрадываясь, прислушивался, то оказывалось, что это или шакаль пробирался по одному съ нимъ направленію къ туркамъ, разсѣяннымъ на мѣстѣ боя, или бѣжалъ туда голодный волкъ, раздвигая полусгнившую поросль. Кое-гдѣ Сахарову приходилось оступаться и падать лицомъ въ липкую грязь; руки его вязли въ пей, и онъ съ трудомъ подымался опять. Передъ нимъ, наконецъ, выросъ склонъ, по которому онъ пошелъ вверхъ, но не сдѣлалъ еще и пятидесяти шаговъ; какъ тамъ, на верху, должно быть на самомъ гребнѣ, въ туманѣ выдѣлились какія то красныя пятна. Они то росли, то гасли въ темнотѣ. «Костры... Должно быть, турецкая цѣпь»,—сообразилъ Сахаровъ и приостановился. Переложивъ спички за пазуху, чтобы не смокли, легъ плашмя и поползъ впередъ. Чѣмъ ближе подползалъ онъ, тѣмъ ему было труднѣе. Всякая глина, казалось, задерживала Сахарова и не пускала его дальше. Онъ почти тонулъ въ слякоти, наконецъ не удержался и полетѣлъ въ низъ. Шорохъ отъ паденія услышали въ цѣпи. Одинъ изъ аскеровъ (турецкихъ солдатъ) даже выстрѣлилъ на удачу, и Сахаровъ слышалъ, какъ шальная пуля шлепнулась въ слякоть, скопившуюся на днѣ лощины. Часто въ темнотѣ Сахаровъ видѣлъ, какъ какіе-то силуэты, переходя съ мѣста на мѣсто, наклонялись къ землѣ, точно шарили по ней, и двигались дальше. Это были башибузуки оббиравшіе раненыхъ и убивавшіе ихъ. Разъ онъ самъ приникъ къ землѣ, когда прямо на него двинулся такой силуэтъ. Башибузукъ наклонился надъ нимъ, но не успѣлъ еще вслушаться, дышетъ ли лежанцій, какъ Сахаровъ схватилъ его руками за горло и задушилъ его раньше чѣмъ тотъ успѣлъ вскрикнуть. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Сахаровъ зажигалъ спичку и смотрѣлъ на погоны подвернувшагося ему подъ ноги трупа. Сотни турокъ лежали на землѣ. Деньшикъ ползъ между ними, не отдыхая ни минуты, разглядывалъ, искалъ. Онъ не терялъ надежды, что найдетъ своего прапорщика,—и эта надежда придавала ему бодрости,

воодушевляла его. Проворно, точно кошка, ползъ онъ между трупами. Черезъ три часа упорныхъ поисковъ, Сахарову, наконецъ, удалось наткнуться на своего офицера. И какъ разъ во-время, потому что къ тому пригорку, на которомъ безсильный, съ перебитой ногой и пулей въ плечѣ, лежалъ Оленинъ, — ужъ подбирались башибузуки... Еще пять, десять минутъ — и они доканали бы несчастнаго прапорщика, чтобъ стоны его не мѣшали грабежу...

Утромъ наша цѣпь замѣтила впереди, въ туманѣ что-то двигавшееся къ ней. Только что аванпостный хотѣлъ дать выстрѣлъ, какъ оттуда послушалось чрезъ силу, хриплое, усталое. Не стрѣлай! . Слышь, свои... Прапорщика Оленина несущи...

И дойдя до передоваго звѣна, Сахаровъ свалился, какъ мертвый.

Оказалось, что черезъ все пространство, занятое турками, храбрый и великодушный Сахаровъ протащилъ своего офицера, лежа на животѣ и медленно ползя впередъ. Чтобы тотъ не упалъ со спины, онъ привязалъ его къ себѣ ремнемъ и полотенцомъ, которые тоже предусмотрительно захватилъ съ собою... Попавъ опять въ одну изъ лощинъ, онъ проползъ мимо непріятельскихъ часовыхъ и поднялся на ноги только тогда, когда былъ внѣ ихъ выстрѣловъ.

Нечего и говорить, что подвиги Сахарова вызвали общее удивленіе.

Онъ не уходилъ въ лазаретъ отъ койки больнаго Оленина и ухаживалъ за нимъ, какъ нянька.

Въ первый-же свободный день, на нашихъ позиціяхъ былъ собранъ весь отрядъ, къ которому принадлежалъ нашъ полкъ. Когда солдаты выстроились, старшій генералъ, командовавшій отрядомъ, приказалъ вызвать впередъ Сахарова.

Тотъ выступилъ такой же мрачный и неуклюжій, какъ всегда.

— Спасибо тебѣ, герой! поцѣловалъ его командующій отрядомъ. Ты доказалъ, что въ каждомъ изъ насъ,

подъ сѣрою шинелью, бьется вѣрное и преданное сердце. Твой подвигъ великъ и предъ родиной, и предъ Богомъ! Немудрено первому броситься на турецкій брустверь; а вотъ такъ, какъ ты, одному пойти къ врагу и вызволить оттуда своего офицера—это и труднѣе и посмѣлѣе!

Потомъ онъ повѣсилъ ему именнаго «Георгія», поцѣловалъ и крикнулъ:

— Рядовому Сахарову—ура!..

«Ура!»—подхватили солдаты. И съ новенькимъ крестомъ на груди, глотая слезы, катившіяся у него изъ глазъ, Сахаровъ шелъ къ себѣ.—«Ура!»—гремѣло ему на встрѣчу, и слѣдовало за нимъ.—«Ура!» слышалось и тогда, когда онъ ушелъ, взволнованный, въ свой уголокъ...

МОСКОВСКО-ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ и МАГАЗИНЪ

Коммиссіонера Хозяйственнаго Управленія при Свя-
тѣйшемъ Синодѣ и Кіевской Духовной Академіи.

Ф. А. ГОГАНСОНА

- 1) Уголь Крещатика и Прорѣзной, д. № 1.
- 2) Подоль Александровская ул., д. Рихерта. — Контора
склада и Отдѣленія для иногороднихъ Прорѣзная № 3.
въ Кіевѣ.

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНЫЯ.

Законовѣдѣніе. — Политическая экономія. — Статистика.

Бѣлогриць-Нотляревскій. Л. Кон-
спектъ курса уголовного пра-
ва (Общая и особенная часть).
Читаннаго въ Унивѣрситетѣ
Св. Владиміра. К. 1892. ц. 3 р.
50 к.

Грязновъ И. Конспектъ вексельна-
го права. Состав. по Мей-
еру, Цитовичу и Торговому
Уставу, примѣнительно къ
программѣ юридической ком-
мисіи, К. 1890. ц. 60 к.

— Конспектъ торговаго
права. Состав. примѣнитель-
но къ программѣ юридиче-
ской комисіи по Торговому
Уставу и Цитовичу. К. 1890.
ц. 60 к.

— Конспектъ уголовного
права. Составилъ по Уложе-
нію о наказаніяхъ, Лохвиц-
кому, Сергіевскому, и Фой-

ницкому, примѣнительно къ
программѣ юридической ком-
мисіи. К. 1890. ц. 75 к.

Игнатьевъ Б. Конспектъ финансо-
ваго права соотвѣтственно
программѣ для окончатель-
ныхъ испытаній въ Государ-
ственной Юридической ком-
мисіи по курсамъ проф. Льво-
ва, Сидоренко, Лебедева, Ило-
вайскаго, Ходскаго и др. К.
1891. ц. 75 к.

Кистяновскій А. Элементарный
учебникъ общаго уголовного
права съ подробнымъ изло-
женіемъ началъ русскаго уго-
ловнаго законодательства.
Часть общая. 3-е изд. печатано
безъ перемѣнъ со 2-го.
К. 1891. ц. 4 р.

Повторительный курсъ исторіи рим-
скаго права, примѣнительно

- къ программѣ юридической комисіи К. 1891. ц. 75 к.
- Рахмиловичъ Е. Краткій курсъ статистики, 2-е изд., исправленное и значительно дополненное съ 11 политическими въ текстѣ. К. 1891. ц. 1 р.
- Схематическая таблица по политической экономіи. К. 1891. ц. 25 к.

Философія. Психологія. Естествознаніе. Медицина.

- Анализъ мочи. Составлено по новѣйшимъ источникамъ (со включеніемъ анализа на ртуть и іодъ). К. 1889. ц. 20 к.
- Андреевъ. Какъ и отчего. Вопросы и отвѣты о главнѣйшихъ физическихъ явленіяхъ и законахъ природы. Изданіе 2-е К. 1880. ц. 30 к.
3. Баустъ. О причинахъ обуславливающихъ развитіе мужскаго и женскаго потомства, Перев. подъ ред. А. Ковилевскаго, ц. 20 к.
- Бэнъ А. Душа и тѣло. Изданіе 2-е, исправленное. Содержаніе: гл. 1-я, Постановка вопроса; гл. 2-я, Связь между душой и тѣломъ; гл. 3-я, Понятіе о связи между душой и тѣломъ; гл. 4-я, Общіе законы соотношенія между душой и тѣломъ; гл. 5-я, Разумъ; гл. 6-я, Какъ соединены тѣло и душа; гл. 7-я. Историческій очеркъ вопроса о душѣ. К. 1884. ц. 1 р.
- Варшавскій В. Повторительный курсъ по судебной медицинѣ. 2-е изданіе исправленное и

- дополненное. К. 1891. ц. 1 р. 50 к
- Гутманъ. Рецептура дѣтскихъ болѣзней. Состав. по новѣйш. источникамъ. К. 1892. ц. 60 к.
- Чарльзъ Дарвинъ. Способность растений къ движению. Переводъ съ англійскаго Милорадовича и Кобеляцкаго съ 189 рисунк. въ текстѣ К. 1882. ц. 3 р.
- Ильинскій П. Сборникъ законоположеній для врачей, ветеринаровъ, фармацевтовъ, акушеровъ и фельдшеровъ. Съ дополненіемъ. 5157 статей на 100 листахъ 1600 стр. Спб. 1889. ц. 7 р. Въ отдѣльной продажѣ IV вып. о фельдшерахъ и акушеркахъ. ц. 1 р.
- Конспентъ лекцій по кожнымъ болѣзнямъ и сифилису К. 1890 ц. 1 р.
- Кребсъ. Сохраненіе энергии, какъ основное положеніе новѣйшей физики. Съ 60 рис. К. 1880, ц. 80 к.
- William Lee. Лечение внутреннихъ и наружныхъ болѣзней смѣсью французской водки съ солью. К. 1884. ц. 35 к.
- Литванъ М. Повторительный курсъ физиологической химіи (по физиол. хим. А. Шеффера и др. руковод.) К. 1889. ц. 75 к.
- Лиховицъ Г. Химическій качественный анализъ неорганическихъ тѣлъ. К. 1892. ц. 1 р.
- Медицинская физика. В. 1. (Движеніе, Жидкости и газы. Упругость). ц. 1 р. 25 к. В. 2 и 3-я (Звукъ. Свѣтъ. Телота. Электричество. Копспектъ). К. 1892. ц. 1 р. 50 к.
- Наумовичъ (Протоіерей). Весѣды Степана Сторазумова о сель-

- скомъ хозяйствѣ. К. 1888. ц. 15 к.
- Его-же. Какой улей рамочной системы можетъ замѣнить на югѣ Россіи старья дуплянки. К. 1888. ц. 15 к.
- Основы гигиены. Составлено по новѣйшимъ источникамъ. Съ рисунками К. 1890. ц. 2 р. 25 к.
- D-г Herman Peters. Изслѣдованіе мокроты туберкулезныхъ bacilla. Переводъ съ нѣмецкаго В. К. Панченко. К. 1887. ц. 30 к.
- Повторительный курсъ глазныхъ болѣзней. Составленъ примѣнительно къ программѣ испытанія, на званіе лѣкаря въ медицинской комиссіи. К. 1892. 75 к.
- Подробный повторительный курсъ органической химіи (въ вопросахъ и отвѣтахъ). Составленъ по различнымъ оригинальнымъ и переводнымъ учебникамъ. К. 1890. ц. 1 р.
- Тоже неорганической химіи (въ вопросахъ и отвѣтахъ). Составленъ по руководствамъ: Менделѣева, Кольбе и Рихтера. К. 1890. ц. 1 р.
- Pulman. Химико-микроскопическое изслѣдованіе мочи въ отношеніи ея болѣзненныхъ измѣненій. Руководство для практическихъ врачей и къ употребленію въ военныхъ госпиталяхъ. Пер. подъ редакціей проф. Тритшеля К. 1891. ц. 50 к.
- Repetitorium по акушерству со включеніемъ эмбриологій и ученія о ненормальностяхъ таза. Составлено по новѣйшимъ руководствамъ. Изд. 2-е. К. 1892. ц. 1 р.
- Repetitorium по частной патологій и терапій составленной по новѣйшимъ свѣдѣніямъ примѣнительно къ программѣ испытанія на званіе врача. К. 1890. ц. 2 р.
- Repetitorium. по фармакологій. Составлено по новѣйшимъ источникамъ. К. 1889 ц. 2 р. 75 к.
- Добавленія къ repetitorium по фармакологій. Состав. по новѣйшимъ источникамъ. К. 1889. ц. 50 к.
- Рецептура составлена по новѣйшимъ источникамъ. К. 1892. ц. 50 к.
- D-г Roth. Врачебныя средства современной медицины съ приложеніемъ новѣйшихъ врачебныхъ средствъ и терапевтическими указаніями. Переводъ съ нѣм Д-ра Шмигельскаго. К. 1889. ц. 1 р. 50 к.
- Жвѣтъ Божій. Книжка для народнаго чтенія. Изд. 4-е одобрено М. Н. П. Спб. 1875. ц. 20 к.
- Спенсеръ Г. Основныя начала „Познаваемое“. Перев. Л. Алексѣева. К. 1886. ц. 2 р. 50 к.
- Стонгэмъ А. (Д-ръ медицины). Токсологія или наука о дѣторожденіи. (Гигіена беременныхъ и новорожденныхъ). Перев. съ англійскаго по новому исправленному авторомъ изд. 1891 г. К. 1892 ц. 1. р. 25 к.
- И. В. Троицкій, — пр.-доц. университета св. Владиміра. Курсъ лекцій о болѣзняхъ дѣтскаго возраста. Изд. 2-е, испр. и дополн. Общая часть. 1) Анатомио-физиологическія особенности. 2) Гигіена. 3) Особенности терапій. К. 1888. ц. 2 р. 50 к.

И. В. Троицкій Курсъ дѣтскихъ болѣзней, ч. II. Болѣзни органовъ пищева-ренія. К. 1889. ц. 2 р. 50 к.

Эбштейнъ Проф. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Перев. д-ра Аршавскаго. К. 1892. ц. 15 к.

Учебныя руководства и по собія.

Андріяшевъ А. Русско-славянскій букварь по звуковому методу для одновременнаго обученія чтенію и письму въ школахъ и дома. Съ изображеніемъ св. Кирилла и Меѳодія, съ рисунками для первоначальнаго рисованія и прописями для письма. Изд. 9-е, одобрен. для употребл. въ училищахъ. К. 1890. ц. 15 к.

Андреевъ. Наша родина и чужія страны. Краткая географія. Изд. 2-е. К. 1880 ц. 30 к.

Богдановъ П. Употребленіе знаковъ препинанія въ русскомъ языкѣ съ приложеніемъ синтаксиса русской рѣчи и систематическаго диктанта. 4-е изданіе, одобренное М. II. Просвѣщенія. К. 1888. ц. 60 к.

— Этимологія русскаго языка. Курсъ старшихъ классовъ гимназій. Изданіе 2-е. К. 1883. ц. 1 р.

— Русская Грамматика. Курсъ младшаго возраста. Для кадетскихъ корпусовъ, гимназій, реальныхъ и городскыхъ училищъ. Ч. I и II Этимологія и синтаксисъ. К. 1888 ц. 50 к.

Volapük. Вспомогательная книга для скорого и легкаго изученія основныя началъ все-

мірнаго языка Альфреда Кирхгоффа. Третье значительно дополненное изданіе. К. 1888. ц. 60 к.

Гальберштадтъ Н. Рѣшеніе алгебраическихъ задачъ Бычкова. Состав. по послѣднему изданію. К. 1887. ц. 2 р. 50 к.

Ключъ къ греческой грамматикѣ Григоровскаго. Перев. басень Эзопа К. 1884. ц. 20 к.

Ключъ къ учебнику М. Эртеля. Переводъ русскихъ статей на пѣмец. языкъ. К. 1884. ц. 30 к.

Ключъ къ упражненіямъ помѣщеннымъ въ руководства къ изученію латинскаго языка Кюнера. Пер. Носова. Перев. на латинскій К. Отто К. 1886. ц. 50 к.

Конспектъ латинскаго языка. Изданіе миниатюрное, 2-е изд. исправленное. К. 1887. 40 к.

Краткій конспектъ греческаго языка Изданіе миниатюрное. К. 1887. ц. 60 к.

Краткій греческо-русс. словарь. Миниатюрное изданіе. К. 1891. ц. 50 к.

Краткій русско-греческій словарь съ обозначеніемъ этимологическихъ особенностей каждаго слова. 2-е изданіе миниатюрное. К. 1887. ц. 35 к.

Словарь латинско-русскій. Сост. С. Р. Л...ръ. Изд. миниатюрное. К. 1892. ц. 35 к.

Краткій русско-латинскій словарь съ обозначеніемъ этимологическихъ и синтаксическихъ особенностей. Изд. 4-е, исправл. Шульца, миниатюрное. К. 1887. ц. 60 к.

Краткій русско-пѣмецкій словарь. Изданіе миниатюрное. К. 1888. ц. 35 к.

Краткій русско-французскій словарь съ обозначеніемъ этимологическихъ и синтаксическихъ особенностей каждаго слова. Кіевъ. 1888. 35 к.

Крыжановскій В. Рѣшеніе всѣхъ задачъ на построеніе въ геометріи А. Давыдова (по способу предположенія задачи рѣшенной). Стъ 213 чертежами въ текстѣ. Изданіе 3-е исправленное. К. 1888. и. 1 р. — Биографіи греческихъ и римскихъ классиковъ съ указаніемъ на содержаніе важнѣйшихъ ихъ произведеній и нѣкоторыми приложеніями. (Настольная книга для воспитанниковъ гимназій). Стъ 9-ю литографированными рисунками и 2-мя группами бюстовъ главнѣйшихъ греческихъ и римскихъ писателей. К. 1887. и. 1 р. 25 к.

Леру Э. Адъюнктъ.—Профессоръ Парижскаго университета. Словарь гомеровской миеологии и географіи. Перевелъ съ французскаго И. Боговскій. Одобрено ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособия по греческому языку г для ученическихъ библиотекъ гимназій Мин. Нар. Просвѣщенія. К. 1889. ц. 60 коп.

Лубенецъ Т. Первоначальная книга для чтенія въ школахъ и дома. К. 1889 г. ц. 25 к. — Родная нива. Задачи для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Пособіе для изученія русскаго языка въ начальныхъ училищахъ Ч. 1-я. Изд. 3-е измѣненное. К. 1890. ц. 20 к. Ч. 2-я вышшее построеніе рѣчи. Стъ рисун-

ками. Изд. 2-е съ перемѣнами. Кіевъ. 1884. 30 к.

Ляхницкій И. Учебникъ начальной географіи. Курскъ 1-й. К. 1888. ц. 50 к.

Практическій самоучитель англійскаго языка. Стъ приложеніемъ правильнаго произношенія каждаго слова. Составленъ по Флюгелю Анж, Гейдлей, Плате, М. Равичемъ. К. 1888. ц. 50 к.

Практическій самоучитель нѣмецкаго языка. Составленъ по методу профессора Тума, д-ра Флюгеля и Гейдлей. М. Л. Равичемъ. К. 1880. ц. 50 к.

Въ недѣлю правильно читать и писать и говорить по французски. Новѣйшій французскій карманный самоучитель. Составленъ по Felicien Menard и Charles Maréchal. К. 1891. ц. 50 к.

7.500 словъ. Словарь иностранныхъ словъ наиболѣе употребительныхъ въ русскомъ языкѣ. Составленъ подъ редакціей М. За—скаго. Изданіе 2-е исправленное и значительно дополненное. К. 1890. ц. 35 к. Первое изданіе въ количествѣ 5000 экз. разошлось въ 6 мѣсяцевъ.

Туловъ. Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбуки. К. 1881. ц. 75 к.

Уроки чистописанія по квадратной сѣткѣ. Руководство при обученіи письму. К. 1890. ц. 30 к.

Греческіе классики въ русскомъ переводѣ.

Геродотъ. Исторія. Кн. 1-я. Переводъ Оомицкаго. К. 1851. ц. 75 к.

- Кн. 4-я. Переводъ со словаремъ и прилож. о юнпическомъ діалектѣ. К. Гальберштадта. К. 1887. ц. 50 к.
- Кн. 5-я. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣч. Л. Горбачевского. К. 1890. ц. 60 к.
- Кн. 6-я. Подстрочный перев. со словаремъ и примѣчаниями, Л. Горбачевского К. 1892. ц. 60 к.
- Кн. 7-я. Переводъ со словами и примѣчаниями Люціана Горбачевского. Кіевъ. 1892. 60 к.
- Кн. 8-я. Переводъ со словами и примѣчаниями. Кіевъ. 1892.
- Кн. 9-я. Переводъ слова и примѣчанія. Съ греческаго перев. И. Д. Тускуланскій. К. 1890. ц. 50 к.
- Гомеръ.** Одиссея. Переводъ со словаремъ и примѣчаниями К. Гальберштадта. К. 1889. кв. I—XII по 30 к.
- Илиада. Переводъ со словаремъ и примѣч. К. Гальберштадта. К. 1889. кв. I—XII по 30 к.
- Демосевенъ.** Олинскія рѣчи. Рѣчь противъ Филиппа. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣч. К. Данильченко. 2-е изд. К. 1891. ц. 65 к.
- Рѣчи противъ Филиппа (2, 3 и 4). Переводъ со словаремъ и примѣчаниями Н. Страхова. К. 1889. 60 к.
- Ксенофонтъ.** Анабазисъ. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаниями К. Кремера. К. 1890. Кн. 1-я, изд. 2-е и 40 к. Кн. 2-я, 2-е изд. ц. 40 к. Кн. 3 и 4 ц. 60 к. Кн. 5, 6 и 7—ц. 1 р.
- Меморабілія. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣч. К. Гальберштадта. 2-е изд. 1891 кн. 1 и 2, ц. 50 к., кн. 3 и 4 ц. 50 к.
- Платонъ.** Апологія Сократа въ русск. переводѣ со слов. и примѣч. Данильченко. Изд. 2-е. К. 1890. ц. 50 к.
- Критонъ. Переводъ со словаремъ и примѣч. Паскалова. К. 1890. ц. 35 к.
- Избранныя сочиненія. Лахетъ. Греческій текстъ съ русск. примѣч. и введеніемъ А. О. Поспишиля. Изд. 2-е исправленное. К. 1887. ц. 75 к.
- Протогоръ. Переводъ со лдаремъ и примѣчаниями. К. 1890. ц. 60 к.
- Федопъ или одушѣ. Діалогъ. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаниями, В. Кельтуяли. К. 1886. ц. 60 к.
- Эвтифронъ. Діалогъ. Перев. со словаремъ и примѣч. К. Гальберштадта. К. 1888 ц. 40 к.
- Софокль.** Антигона. Подстрочный переводъ съ примѣчаниями и біографическимъ очеркомъ К. Гальберштадта. К. 1888. ц. 50 к.
- Электра. Трагедія. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣч. А. Ридель. К. 1887. ц. 40 к.
- Филоктетъ. Трагедія. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣч. С. А. Островскаго. К. 1888. ц. 60 к.
- Эдипъ царь. Трагедія. Переводъ со словами и примѣчаниями Зелявда. Кіевъ. 1892. ц. 50 к.

— Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія. Подстрочный переводъ со словаря и примѣч. К. 1892. ц. 50 к.

Римскіе классики въ русскомъ переводѣ.

- Виргилій. Энеида. Пѣснь 1-я со словаремъ и подстрочными примѣч. Изд. 3-е испр. В. Блонскаго. К. 1891 ц. 50 к.
 — Пѣснь 2-я. Перев. со слов. и примѣч. В. Блонскаго. Изд. 4-е. К. 1890. ц. 40 к.
 — Пѣснь 3-я. Перев. со словаря и подстрочн. примѣч. В. Блонскаго. Изд. 4-е. К. 1892. ц. 35 к.
 — Пѣснь 4-я. Перев. со словаря и подстрочн. примѣч. Е. Логвинова. Изд. 2-е, К. 1886, ц. 40 к.
 — Пѣснь 5-я. Перев. со словаря и подстрочн. примѣч. Е. Логвинова. К. 1886. ц. 40 к.
 — Пѣснь 6-я. Перев. со словаря и подстрочн. примѣч. Е. Логвинова. 2-е изд. К. 1891. ц. 40 к.
 — Пѣснь 7-я. Перев. со словаря и подстрочн. примѣч.— Изд. 3-е. Котляра и Гороваго. К. 1887. ц. 40 к.
 — Пѣснь 8-я. Перев. со словаря и подстрочн. примѣч. изд. 3-е, Котляра и Гороваго. К. 1887. ц. 40 к.
 — Пѣснь 9-я. Перев. со словаря и подстрочн. примѣч. изд. 3-е, Котляра и Гороваго. К. 1887. ц. 40 к.
 — Пѣснь 10, 11 и 12-я. Переводъ со словаремъ и подстрочн. примѣч. К. 1883 г. ц. 1 р. 25 к.
 Горацій. Оды въ русск. перево-

дѣ, со словаремъ и подстро — примѣч. Сахарова. Кн. 1 и 2-я, ц. 60 к. кн. 3 и 4 ц. 60 к.
 — Сатиры. Подстрочн. перев. 20 сатиръ со словар. и примѣч. Блонскаго 2-е изд. К. 1892 ц. 60 к.

- Корнелій Непотъ. Жизнеописанія великихъ людей. Переводъ со словами и примѣч. К. Гальберштадта. К. 1889. ц. 75 к.
 — Биографіи знаменитыхъ полководцевъ. Переведъ съ латинскаго и объяснилъ И. Е. Тимошенко. К. 1888. ц. 1 р.
 Овидій. Метаморфозы. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями К. Логвинова 2-е изд. К. 1891. кн. 1 и 2 ц. 60 к., Кн. 2, 10 и 14 ц. 40 к., кн. 6, 7 и 13. ц. 50 к., Кн. 8, 11, 12 и 15-я. Цѣна 60 к.
 Саллюстій. Югуртинская война. Подстрочн. перев. со словаремъ и примѣч. Логвинова. 2-е изд. К. 1892 ц. 60 коп.
 — Заговоръ Катилины. Подстрочный переводъ со словаря и примѣч. Е. Логвинова. К. 1887. ц. 60 к.
 Титъ Ливій. Исторія Рима отъ основанія города. Кн. 1-я. Переводъ со словами и примѣчаніями. К. 1892. ц. 75 к. Кн. 2-я. Перев. М. Николаи и Ч. Д. Переводъ снабженъ примѣчаніями и словами. К. 1890. ц. 75 к.
 — Кн. 21-я со словаремъ и примѣчаніями. Пособіе для учащихся безъ помощи учителя. Перев. Люціана Горбачевскаго. Кіевъ. 1891. 60 к.
 — Книга 22-я. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчан. В. Кельтуяли. К. 1887. ц. 60 к.

- Юлій Цезарь. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣч. М. Запольскаго. Кн. 1-я. К. 1889. ц. 85 к.
- Книга 2-я, К. 1890. ц. 50 к.
- Книга 3-я, К. 1890. ц. 50 к.
- Книга 4-я, К. 1890. ц. 50 к.
- Книга 5-я, К. 1890. ц. — к.
- Книга 6-я, К. 1890. ц. 50 к.
- Записки о гальской войнѣ, кн. 7-я, въ русскомъ переводѣ со словаремъ и примѣчаниями. О. Воскресенскаго. К. 1884 г. ц. 90 к.
- Цицеронъ. Маркъ Тулій. Разсужденіе о старости. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаниями В. Икеишанова. К. 1887. ц. 50 к.
- За Архія поэта. Пер. со словами и примѣч. Кіевъ 1892. ц. 30 к.
- О назначеніи Кнея Помпея полководцемъ. Переводъ Ростовцева. К. 1879. ц. 50 к.
- За Лигарія. Перев. со словами и примѣчаниями. К. 1892. 30 к.
- Въ защиту Секста Росція Америцкаго. Переводъ Ростовцева. К. 1879. ц. 60 к.
- Первая филиппика противъ Марка Антонія. Переводъ, слова и примѣчания. Перевелъ съ латин. К. Ф. Даченко. К. 1891. ц. 30 к.
- Противъ Катилины. Переводъ А. И. Ак—овъ М. 1886. 30 к.
- За Милона. Подстрочный переводъ со словаремъ и подстрочными примѣчаниями. В. Кельтуяли. К. 1887. ц. 60 к.
- Тускуланскія бесѣды. Подстрочный переводъ со словами и примѣчаниями. М. Д. Н. К. 1888. Кн. I—ц. 60 к.,

Кн. II и III—ц. 75 к. Кн. IV и V—ц. 75 к.

— Противъ Верреса. Перев. со слов. и примѣч. К. Д. К. 1892. ц. 60 к.

Популярно-научныя книги.

Женщина и мужчина любовь и бракъ. Альбомъ цитатъ и изрѣченій извѣстныхъ писателей и мыслителей. 3-е изд. К. 1987. ц. 50 к.

Мантегацца П. Профессоръ антропологін во Флоренціи Искусство быть здоровымъ. Переводъ съ нѣмецкаго. 3-е изд. К. 1890. ц. 60 к.

Полевой П. Художественная Россія. Общедоступное подробное описаніе нашего отечества по отдѣльнымъ городамъ и областямъ охватывающее всѣ стороны русской жизни и представляющее несомнѣнный интересъ для русскаго образованнаго читателя желающаго близко ознакомиться съ бытомъ русскаго народа. Изданіе украшено 166 ю рисунками и портретами. СПб. 1885 г. Цѣна вмѣсто 5 руб. — 2 руб.

Шофильдъ А. Иной міръ или четырехмѣрное пространство. Переводъ съ англ. А. А. К—ой. К. 1890. ц. 60 к.

Беллетристика и книги на малорусскомъ языкѣ.

Бябиновъ В. Эмиль Золя (этюды) съ приложеніемъ повѣсти Э. Золя—Та, которая меня любитъ. К. 1891. ц. 25 к.

Бьерисонъ. Полное собраніе сочиненій. 10 т. Переводъ проф. И. В. Лучицкаго.

Верба и зирна. Казка. З. Т. К.
1880. н. 5 к.

Глибовъ Л. До мирового. Жартъ
въ 1 дн. Спб. 1891. ц. 15 к.

Дивна-чорнобривка и сорокъ роз-
бѣйныкѣвъ. К. 1990. ц. 5 к.

Новалевская С. и Лефлеръ А. К.
Борьба за счастье. Двѣ на-
раллельныя драмы. Перев. съ
шведскаго. М. Лучицкой. К.
1892. ц. 1 р.

Кухаренко Я. (Наказный атаманъ
земли вѣйска черноморсько-
го). Збирвыкъ творивъ. 1) Че-
рноморскый побѣтъ на Ку-
бани мижъ 1794 и 1796 ро-
камы Драма въ 3-хъ дѣяхъ.
2) Пластунъ. Черноморське
оповидання. 3) Вороний кинь,
оповидання. 4) Чабапы и вив-
цы въ Чорноморіи. Оповидан-
ня. 5) Чабанськый словарь.
Додатокъ спомынокъ про
Ясырь и смерть генераль-май-
ора Якова Герасимовича Ку-
харенко П. Барыленко. К.
1878. ц. 75 к.

Левичный І. Дви московкы. По-
вѣсть. К. 1882. 40 к.

Лермонтовъ М. Полное собраніе
сочиненій. Съ портретомъ и
статьею о Лермонтовѣ К. И.
Арабажина. Изд. 2-е. Съ ри-
сунками Михайлова по эски-
замъ художника Брожа. Съ
прибавленіемъ всѣхъ юноше-
скихъ произведеній. К. 1892.
ц. 1 р. Въ изящн. перепл. съ
золот. тисп. 1 р. 50 к.
Первое изданіе. К. 1891. ц.
60 к. Въ пер. 1 р.—1 р. 35 к.
— Отдѣльныя произведенія
изданныя для народа:

Ангель смерти. 3 к.

Ашикъ-Керибъ. 3 к.

Болринъ Орша. 3 к.

Герой нашего-времени. ц. 15 к.

Демонъ. 5 к.

Измайлъ-Бей. 6 к.

Казначейша. 3 к.

Маскарадъ. 10 к.

Мцыри. 3 к.

Пѣсня про купца Калашни-
кова. 3 к.

Мирный Панасъ. Перемудривъ. Ко-
медія въ пятьхъ справахъ. К.
1886. ц. 75 к.

Немировичъ-Данченко Вас. Бѣло-
морье и Соловки. Путевые
очерки и рассказы. К. 1892.
ц. 1 р. 25 к.

— Въ огнѣ. Повѣсть изъ по-
слѣдней русско-турецкой вой-
ны. Съ рисунками Чичагова.
К. 1892. ц. 1 р.

— Гроза. Романъ въ двухъ-
частяхъ. 7-е изд. К. 1892. ц.
1 р. 50 к.

— Козырная масть. Романъ.

— Контрабандисты. Романъ.

Роскошное изд. съ 86 рис.

К. 1892. ц.

— Плевна и Шинка. Ро-
манъ. Изд. 2-е К. 1892.

— Оедька рудоконъ. Раз-
сказъ для дѣтей. Съ рисун-
ками Н. Каразина. К. 1892.

Олексій поповычъ, мати удова и
тры сыны. Сестра и братъ.
Пародни думы. К. 1890. ц. 5 к.

Пушяинъ А. Евгений Онѣгинъ. Ро-
манъ въ стихахъ К. 1887. ц.
15 к.

Радичъ В. Въ чаду кулисъ. Ро-
манъ. К. 1892 г. ц. 75 к.

Толстой Л. Много-ли чедовѣку
земли нужно. К. 1892. ц. 3 к.

— Плоды просвѣщенія. Ко-
медія въ 4 хъ дѣйств. К.
1892. ц. 15 к.

— Смерть Ивана Ильича
1884—1886 г. К. 1891. ц. 10 к.

Шевченко. Т. Г. Кобзарь. 1889.
1 р. съ перес. 1 р. 25 к. въ
изящномъ переплетѣ 2 р

- Шиллеръ Ф. Коварство и любовь. Мѣщанская трагедія въ пяти дѣйств. Перев. Гомберга. К. 1892. ц. 25 к.
 — Орлеанская дѣва. Роман тическая трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. съ нѣм. И. Шеремецинскаго. К. 1892. ц. 25 к.
 — Разбойники. Трагедія. Перев. съ нѣм. К. 1892. ц. 25 к.

Библиотека крошка.

Роскошное и оригинальное изданіе отпечатанное въ миниатюрномъ видѣ величина книги одичъ вершокъ и по изяществу своему можетъ служить прекраснымъ подаркомъ. Въ серію „Библиотеки крошки“ входятъ слѣдующія сочиненія:

- Богдановичъ. Душенька.
 Гнѣдичъ. Рыбки.
 Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. 15 к.
 Карамзинъ. Бѣдная лиза. 5 к.
 Козловъ. Княгиня Долгорукова. ц. 10 к.
 — Чернецъ. ц. 5 к.
 Нотляревскій. Москаль чаривникъ ц. 10 к.
 — Наташка полтавка. 10 к.
 Лермонтовъ. Ангелъ смерти. 5 к.
 — Герой нашего времени (Бэла, Княжна Мери и Тамань). ц. 35 к.
 — Ашикъ-Керибъ. 5 к.
 — Бояринъ Орша. 10 к.
 — Бэла. ц. 15 к.
 — Два брата.
 — Демонъ. 10 к.
 — Измаиль Бей. 10 к.
 — Казначейша. 5 к.
 — Княжна Мери. ц. 15 к.
 — Литвинка.
 — Люди и страсть.
 — Маскарадъ. ц. 15 к.
 — Мцыри. ц. 5 к.

- Пѣсня про купца Калашникова. ц. 5 к.
 — Странный человекъ.
 — Тамань. ц. 5 к.
 — Фатальность
 Пушкинъ. Барышня крестьянка. .
 — Борисъ Годуновъ.
 — Графъ Нулинъ. ц. 5 к.
 — Дубровскій.
 — Кавказскій плѣнникъ. ц. 10 к.
 — Каменный гость.
 — Мѣдный всадникъ. д. 5 к.
 — О работникѣ Балдѣ и рыбацкѣ и рыбкѣ. ц. 5 к.
 — О дарѣ Салтанѣ. ц. 5 к.
 — Пиковая дама. ц. 10 к.
 — Полтава. ц. 10 к.
 — Русланъ и Людмила.
 — Скупой рыцарь. ц. 5 к.
 — Станціонный смотритель. ц. 5 к.
 Фзнь-Визимъ. Недоросль. ц. 15 к.
 Крошкѣ поименованныхъ „Библиотека Крошка“ будетъ пополняться преимущественно произведеніями лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Книги приобрѣтенныя цѣлыми изданіями:

- Азбука для начальнаго обученія съ рисунками. Кіевъ 1878. 2 к.
 Алтай и его минеральныя богатства. Народное чтеніе. К. 1885. 5 к.
 Андреевъ В. Жизнь животных и растений. Изд. 2-е. К. 1880 г. 15 к.
 — Русская старина. Краткая русская исторія для народныхъ школъ. Кіевъ 1875. 15 к.
 Андрияшевъ А. Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ училищахъ. Въ 2 ч.

Ч. 1-я Молитвы, объясненіе праздникоу, священная исторія ветхаго и новаго завета, объясненіе православнога богослуженія и о таинствахъ. Кіевъ 1875. ц. 25 к. Ч. 2-я. Изд. 4-е вновь обработано и значительно исправленное. Кіевъ 1880. 30 к. — Повѣсть о Богданѣ Хмельницкомъ съ его портретомъ. Кіевъ 1883. 10 к.

Аристовъ Г. Волшебный стрѣлокъ. Сказка въ стихахъ. К. 1871. 15 к.
— Злая мачиха. Сказка въ стихахъ. Кіевъ 1871. 5 к.
— Стихотворенія. К. 1871. 60 к.

Архангельскій А. Родительское наставленіе къ наукамъ и жизни, съ баснями и стихами. Ц. 50 к. Эта книга даетъ полное понятіе дѣтямъ ва даль къ ученію и жизни и назидательная для всѣхъ возрастовъ.

Барановскій С. Идеографія. Общій языкъ для всѣхъ народовъ. Харьковъ 1884. 10 к.

Бень-де-Фуньеръ. Игры древнихъ. Описаніе, происхожденіе и отношенія ихъ въ религіи, исторіи, искусствамъ и правамъ. Съ гравюрами по антикамъ. Перев. со 2-го франц. изданія подъ редакціею, съ примѣчаніями и съ предисловіемъ А. А. Иванова. Содержаніе: М. П. Леонтьеву.— Предисловіе къ переводу.— Предисловіе автора.— Игрушки.— Игры дѣвиць.— Подражательная игра.— Игры съ гонкою и увертливостію.— Игры и упражненія силы и гибкости.— Игры ловкости.—

Игры съ животными.— Добавка къ предисловію. Одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. Кіевъ 1890. 1 р.

Буссе. Собраніе ариметическихъ задачъ по изданію Департамента народнаго просвѣщенія. Изд. 17-е исправленное. Кіевъ 1876. 20 к.

Вернь Ж. Гекторъ Сервадакъ. Путешествіе и приключенія въ солнечномъ мірѣ. Переводъ С. Самойловича. Съ 95 рисунками Филиппото, гравиров. Лаплантомъ. М. 1887. 2 р. 50 к.

Войноховскій Н. Какъ Лиза послала письмо къ Богу. Разсказъ для маленькихъ дѣтей взятый изъ дѣйствительной жизни. Кіевъ 1882. 20 к.

Дикообразъ (по Врему). Кіевъ 1877. 1 к.

Долина рѣки Припети или Пинское подѣсье и его жители. Народное чтеніе Кіевского Общества грамотности. Кіевъ 1885. 5 к.

Жирарденъ. Дѣдушка. Перелѣано съ французскаго для дѣтей В. Куликовой. ц. 15 к.

Житіе преподобнаго Антонія и преподобнаго Варлаама печерскихъ. Народное чтеніе Кіевского Общества грамотности. Кіевъ 1885. 10 к.

Житіе преподобнаго Феодосія печерскаго. Народное чтеніе Кіевского Общества грамотности. Кіевъ 1885. 10 к.

Жуковскій В. А (1733—1852. Биографическій очеркъ. Изд. 2-е испр. 10 к.

Жукъ хлѣбный и его истребленіе. Кіевъ 1881. 10 к.

Задержаній Н. Іосифъ Юнгманъ

- Очерки изъ исторіи чешской литературы XIX в. Кіевъ 1874. 40 к.
- Зарецкій Л. Еврейскія тайны. Очеркъ религіозныхъ вѣрованій евреевъ, ихъ обычаевъ и правовъ, а также ихъ воззрѣній на лица и народы иныхъ исповѣданій въ 2 ч. Одесса 1873. 80 к.
- Иващенко П. О личности императора Александра I и просвѣтительной при немъ дѣятельности. Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Кіевской 1-й и 2-й Гимназій въ день 100-лѣтняго юбилея Александра Благословеннаго. Кіевъ 1878. 10 к.
- Императоръ Александръ II. Государь освободитель Народное чтеніе Кіевского Общества грамотности. Кіевъ 1885. 5 к.
- Иуды и Ирины въ семьѣ русскаго народа. СПб. 1880. 10 к.
- Кардо-Сысоовъ В. Богъ, царь и народъ. Настоящая книга для русскаго крестьянина. СПб. 1880. 20 к.
- Кіевъ въ русской поэзіи. (Альбомъ) Содержаніе: Отд. I. Кіевъ и его святыни, И. Козлова. — Кіевъ П. Маркевича. — Кіевъ В. Бенедиктова. — Строфы изъ стихотворенія „Кіевъ“ Бенедиктова. — Кіевъ Е. Гребенки. — Кіевъ А. Хомякова. — Кіевъ П. Холмова. — Кіевъ П. Арбузова. — Кіевъ Д. Минаева. — Прѣдълаврск. акафистомъ въ среду С. П. — Наканунъ Успенсва дня. С. П. — При входѣ въ Софійскій соборъ, С. П. — Софія Н. Арбузова. — Въ Софійскомъ соборѣ, С. П. — На хорахъ Софійскаго собора, С. П. — Развалины Десятинной церкви, Б. Розена. — На развалинахъ Десятинной церкви. А. Подолнискаго. — Михайловскій монастырь, П. С. — Андреевская церковь, П. С. — Въ братскомъ монастырѣ, С. П. — На Щекавицѣ, Н. Арбузова. Отд. II. Днѣпръ и окрестности. Зарожденіе и судьба Днѣпра, пресвященнаго Инокенгія Херсонскаго. — Днѣпръ П. Маркевича. — Дума на берегу Днѣпра, А. Башилова. — Днѣпръ Н. Гоголя. — Изъ „Аскольдовой могилы“, Загоскина. — Разливъ Днѣпра, А. Подолнискаго. — На Днѣпрѣ въ половодье А. Фета. — „Днѣпръ бушуетъ“, М. Розенгейма. — Вечеръ на Днѣпрѣ (изъ Современника). — Почи на Днѣпрѣ, Д. Герасимова. — Днѣпровскія русалки. А. Муравьева. — Днѣпровскій темень. А. Саларева. — Изъ Пляча Ярославны, И. Козлова. — Надъ Днѣпровскимъ порогомъ, Н. Арбузова. — Признаніе, Е. Гребенки. Приложеніе. Кіевъ (изъ поэмы „Наливайко“). Рылѣва, — Видъ Кіева, Левицкаго. — Прѣдъ „Нерушимой Стѣной“, С. П. — А. Н. Муравьеву, Ф. Тютчева. — Ему-же, А. Апухтина. — Народныя пословицы и поговорки, къ библиографіи Кіева. К. 1890 ц. 60 к.
- Константиновичъ М. Химическія бесѣды. Общепонятное изложеніе химическихъ свѣдѣній, съ 172 политипажными рис. Изд. 2-е. Кіевъ 1880. 1 р. 25 к.
- Носсианскій Н. Азбука для учащихся, къ одновременному обученію чтенію и письму. К. 1872. 5 к.

- Крымъ и крымскіе татары. (По поводу столѣтія присоединенія Крыма къ Россіи). Изд. 2-е испр. и. 10 к.
- Лаянъ В. Живъ или вѣтъ. Историческая повѣсть для дѣтей. ц. 10 к.
- Левинцій Ф. Времена года по Штринбюгу для народныхъ школъ. Кіевъ 1871. 60 к.
- Литвинова П. Азбука для народн. школъ. Составлена по звуковому способу для нагляднаго обученія. Кіевъ 1877. 10 к.
- Литургія православной церкви. Посobie для мірянъ и для церковныхъ хоровъ, съ объясненіемъ неясныхъ словъ и выраженій въ церковныхъ пѣсняхъ. Кіевъ 1885. 5 к.
- Графъ Лорисъ-Мелиновъ. Михаилъ Таріеловичъ. Начальникъ Верховной Распорядительной Комиссіи. (Съ портретомъ). СПб. 1880. 20 к.
- Любенъ А. Руководство къ методическому преподаванію географіи. Со многими задачами и вопросами для устнаго и письменнаго рѣшенія. Переводъ съ нѣмецкаго, 12-го исправ. изданія Г. Аристова, съ добавленіемъ отъ переводчика подробнаго изложенія географіи Россіи. Изд. 3-е. Кіевъ 1881. 60 к.
- Максимовичъ М. Слово о полку Игоревѣ, въ переводѣ на письменный русскій языкъ. Кіевъ 1879. 15 к.
- Мельниковъ Н. Славянская звѣзда. Литературный альманахъ. Кіевъ 1877. 20 к.
- Мессъ А. Neros brevior. Руководство для употребленія въ III классѣ гимназій. Изд. 2-е. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Кіевъ 1890. 80 к.
- Молитвы ежедневныя православнаго христіанина съ объясненіями и толкованіями. Изд. 3-е. Кіевъ 1883. 12 к.
- Молитва Господня, изъясненная въ девяти бесѣдахъ, 2-е изданіе. Кіевъ 1874. 20 к.
- Монограммы для вышиванія русскія, фраппузскія и нѣмецкія (по канвѣ и гладью) 8 вып. Цѣна за 8 в. 25 к.
- Муналовъ Н. Учебникъ географіи для одноклассныхъ училищъ города Кіева. Одобрено Попечительскимъ Совѣтомъ Кіевского Учебнаго Округа для одноклассныхъ училищъ города Кіева. К. 1883. 40 к.
- Мурашко Н. Образцы рисунковъ по клѣткамъ по системѣ Фребеля 4 вып. Кіевъ 1879 за вып. 10 к.
- Школа черченія и рисованія по клѣточкамъ по системѣ Фребеля. Для народныхъ училищъ, 4 вып. Кіевъ 1879. за 4 в. 24 к.
- Народная Читальня. Андріяшевъ А. Начальное обученіе грамотѣ по звуковому способу. Кіевъ. 1875. 10 к.
- Всего по немногу или включъ къ собесѣдованію о полезныхъ и любопытныхъ предметахъ, съ приложеніемъ статьи: „о народныхъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ“, а также статьи „Почему и потому“. Кіевъ 1875. 10 к.
- Всеобщая географія. Переводъ съ французскаго Г. Аристова. Кіевъ 1875, 10 к.
- Древняя исторія. Іудея, Египеть, Ассирія, Вавилонія, Финикія, Карфагенъ, Сирія, Персія, Греція и Римъ. Съ

- приложеніемъ хронологической таблицы. Переводъ съ французскаго Г. Аристова. К. 1891. 10 к.
- Исторія среднихъ вѣковъ. Переводъ съ французскаго Г. Аристова. Кіевъ 1875. 10 к.
- Новая исторія. Переводъ съ французскаго. Кіевъ 1875. 10 к.
- Избранныя мѣста изъ сочиненій Лермонтова съ объясненіями и примѣчаніями. Кіевъ 1875. 10 к.
- Наумовъ Н. Чудакъ. Быль для дѣтскаго чтенія. п. 5 к.
- Не сказана а быль. Какъ разбогатѣли англійскіе ткачи. Уставъ прядильно-мануфактурной артели въ городѣ Манчестерѣ. Кіевъ 1873. 10 к.
- Носорогъ. (По Брему). Кіевъ 1877. 1 к.
- Нѣсколько словъ объ отопленіи и освѣщеніи. М. К. Кіевъ 1874. 10 к.
- О воспитаніи дѣтей. (Отъ рожденія ихъ до отпятія отъ груди. п. 2 к.
- О священномъ коронованіи и муропомазаніи русскихъ самодержцевъ. Кіевъ 1883. 5 к.
- О чудесномъ избавленіи отъ опасности Государя Императора Александра II. 4-го Апрѣля 1866 г. Кіевъ 1866. 5 к.
- Пантюховъ И. Краткія свѣдѣнія по всеобщей исторіи, служащія введеніемъ къ изученію русской, съ тремя картами. Кіевъ 1871. 25 к.
- Первоначальники русскихъ иноковъ святыя Антоній и Феодосій и другіе первые подвижники русскіе, вышедшіе изъ печерскаго монастыря. Кіевъ 1867. 10 к.
- Писанин. Разсказъ. Подарокъ дѣтямъ на празникъ Пасхи Переводъ съ вѣмецкаго. М. Р. Кіевъ 1874. 25 к.
- Плачь Г. Кіева. Издавъ по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ. Кіевъ 1884. 25 к.
- Плетневъ Н. Молитвенныя изліянія чувствъ вѣрующей души. Стихотворенія. Кіевъ 1881. 5 к.
- Правила и программы для производства испытаній въ учебныхъ заведеніяхъ лицамъ, желающимъ поступити на службу вольноопредѣляющимся 3-го разряда, на основаніи ст. 171 и 173, пункта 3 Устава о воинской повинности. Кіевъ. 1880. п. 5 к.
- Преподобный Несторъ лѣтописецъ. Народное чтеніе Кіевскаго Общества грамотности. Кіевъ 1884. 10 к.
- Разказы библейскіе изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, съ картою Палестины. Изд. 2-е, значительно дополненное. Кіевъ 1879. 15 к.
- Ригеръ Ф. Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа. Перев. В. Задерацкаго. Кіевъ 1872. 60 к.
- Риттъ Г. Первоначальныя понятія объ ариметикѣ и умственномъ исчисленіи. Переводъ съ французск. Г. Аристова. Кіевъ 1872. 20 к.
- Ракитинъ Н. Что крестьянину на гибель то жиду приноситъ прибыль. (Разсказъ для народа). Кіевъ 1830. 5 к.
- Рождественскій Я. Обученіе письму—чтенію, способъ соединеннаго письма—чтенія. Азбука съ прописями и картинками въ текстѣ. Составляе И. П. Рождественскій. Испра-

- вленное по указаніямъ Ученнаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Кіевъ 1877. 20 к.
- Рубисевъ М. Начальная ариметика. Пособіе для начальнаго преподаванія ариметики 4-е изданіе. Кіевъ 1883. 35 к.
- Руданонія С. Народная азбука для церковно-приходскихъ школъ по звуковому способу. Кіевъ 1884. 10 к.
- Руководство къ разведенію огородини. Въ 2 ч. Получшимъ сочиненіямъ составилъ Ю. С. изд. 2-е исправленное и дополненное. К. 1872 10 к.
- Руководство учителямъ одноклассныхъ и двухклассныхъ народныхъ училищъ, извлечено изъ руководства учителямъ, изданнаго по повелѣнію императрицы Екатерины II. Изд. 2-е. Кіевъ 1885. 10 к.
- Сборникъ русскихъ народныхъ гимновъ и пѣсень. Пособіе при обученіи пѣнію въ народн училищахъ по нотнымъ таблицамъ. Кіевъ 1891. 10 к.
- Свидницкій А. Русская азбука. Руководство для учащихся 2-е изд. Кіевъ 1872. 5 к.
— Русская азбука. Руководство для преподавателей. Кіевъ 1868. 5 к.
- Сибирь Сѣверо-Западная и народы въ ней кочующіе. Народное чтеніе Кіевского Общества грамотности. Кіевъ 1885. 5 к.
- Символь вѣры въ переводѣ на русский языкъ. Съ объясненіями и толкованіями, а также съ приложеніемъ статьи о вѣрѣ, извлеченной изъ твореній святителя Тихона Задонскаго. Кіевъ 1883. 10 к.
- Синицкій Д. С. Пушкинъ, какъ литературный дѣятель. Рѣчь, произнесенная на актѣ Кіевской первой гимназій. Кіевъ. 1880 20 к.
- Словарь иностранныхъ словъ съ добавленіемъ нѣкоторыхъ не вполне понятныхъ русскихъ словъ. Пособіе при чтеніи книгъ въ школь и дома. Со многими рисунками необходимыми для объясненія словъ. Кіевъ 1881. 1 р.
- Словарь употребительнѣйшихъ иностранныхъ словъ. Кіевъ 1877. 3 к.
- Наглядныя таблицы по сельскому хозяйству для народныхъ и сельскихъ школъ. 1) Таблица садоводства, раскрашенная съ книжкою наставленія къ разведенію садовъ и о вредныхъ насѣкомыхъ. Ц. 50 к.
— 2) Таблица шелководства. Наглядное изображеніе вѣеи жизни шелковичнаго червя отъ развитія ячечекъ до кладки оныхъ бабочками, съ показаніемъ ежедневныхъ приемовъ употребляемыхъ при воспитаніи шелковичныхъ червей. Ц. 25 к.
— 3) Таблица пользованія рогатымъ скотомъ. Съ объяснительнымъ текстомъ. Цѣна 50 к.
- Таблицы нотнаго пѣнія. Составлены по опредѣленію Совѣта Инспекціи народныхъ училищъ юго-западнаго края. Гимны ц. 40 к. Народныя пѣсни, ц. 1 р. 80 к. Нотная азбука на 3 хъ лист. больш. форм. ц. 30 к.
- Типы народовъ всего земнаго шара, 64 типа. Печатаемы въ типографіи Бракагуза по изд. Гирта съ фотографическ. снимковъ. Лейпцигъ. ц. 30 к.

Туловъ М. О процессѣ поэтическаго творчества. Кіевъ 1881. 40 к.

— Русскій букварь. Одобрень Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ народныхъ училищахъ. Изданіе 3-е, Кіевъ 1881. 5 к.

— Руководство для обучающихъ чтенію по русскому букварю. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библиотекъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій. Кіевъ 1875. 10 к.

Успенскій Н. Справочная книжка по русскому правописанію съ объясненіемъ грамматическихъ правилъ. Кіевъ. 1875. 10 к.

Уставъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Кіевъ 1872. 40 к.

Ученіе о богослуженіи христіанской православной церкви, составленное по программѣ утвержденной Св. Синодомъ. Кіевъ 1873. 20 к.

Хохолушко П. Косово поле. Историческая повѣсть изъ эпохи покоренія Сибири турками въ XIV вѣкѣ. Переволь съ чешскаго. Н. Задеградскаго. 2-е исправл. изданіе. Кіевъ 1874 40 к.

Чтенія изъ четырехъ евангелистовъ и изъ книги дѣяній апостольскихъ на русскомъ языкѣ, для употребленія въ училищахъ. Кіевъ 1880. 20 к.

Что дѣлать чтобы быть здоровымъ. В. 1-я Вода. Кіевъ 1871. 10 к.

Шахотинъ Л. Употребительнѣйшія

бытовья русскія пословицы. Кіевъ 1876. 10 к.

Элементарный курсъ всеобщей географіи. („Изъ книги Elements of geographie, Darton et Hodres Schoof Librari“). Переводъ съ англійскаго съ дополненіями, сокращеніями и измѣненіями Г. Аристова. Кіевъ. 1872. 20 коп.

Аль ертъ Э. Учебникъ клинической и оперативной хирургіи. Перев. съ 2 исправл. и дополненнаго нѣмецкаго изданія подъ ред. и съ примѣч. Доцента А. С. Яценко и А. К. Флейшера. т. 1. 1883. вм. 4 р.—30 к.

— Диагностика хирургическихъ заболѣваній. 20 лекцій. Пер. со 2 нѣмец. изд. Спб. 1882. вм. 2 р. 50—1 р.

Аманъ Ж. Клиника послѣродовыхъ болѣзней перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ прибавленіемъ д-ра медицины А. А. Шварца. 1883. вм. 2 р. 20—30 к.

Амасевскій. Таблицы для расчета вина по спиртомѣру Траллеса. ц. вм. 50—25к.

Андреевъ Народы-старцы: Китай, Японія и Индія. Истор. бесѣды. Спб. вм. 75—25 к.

Андреевъ. Начальное образованіе. вм. 1 р.—35 к.

Баръ. (Агропомъ). Практическое руководство къ современному устройству сельско-хозяйственныхъ имѣній. ц. вм. 3 р. 50 к — 1 р.

Беранже. Пѣсни. 1810—1816. За исключеніемъ переведенныхъ В. Курочкинымъ и др. Перев. Н. Лебедевъ. К. 1875. Вм. 1 р. 25—50 к.

Берлюзъ Ф. Наглядныя таблицы фармакологическаго дѣйствія

- нѣкоторыхъ лекарствен. веществъ. Перев. съ франц. Сиб. 1883 в.м. 50—20 к.
- Бехтеревъ В. Объ отправленіи полукружныхъ каналовъ перепончатого лабиринта. Сиб. 1882. вмѣсто 50—5 к.
- Брезганъ М. Хроническій катарръ носа и глотки. Клиническое изслѣдованіе. Перев. съ нѣм. В. Сиргиста. Спб. 1881 в.м. 60—25 к.
- Бухгеймъ. Руководство къ фармакологіи. Перев. подъ ред. проф. Э. Гейбеля. 1880 в.м. 4—1 р. 50 к.
- Бѣлецкій Носенко П, Пасѣчникъ или опытное пчеловодство въ южной полосѣ Россіи П. в.м. 75—25 к.
- Вельфлеръ А. Вырѣзываніе рака привратника желудка. Операциі проф. Вильрота. Перев. съ нѣм. Е. Ильина. Спб. 1881 в.м. 40—5.
- Гаане. Руководство для клиническихъ практикантовъ и врачей. Пер. съ нѣмецкаго подъ редакціей В. В. Святловскаго. Спб. 1882 в.м. 1 р.—50 к.
- Геннелъ Э. Квѣточныя души и душевныя квѣтки перев. съ нѣмецкаго ц 40 к.
- О раздѣленіи труда въ природѣ и въ жизни человѣка. Перев. съ нѣм. ц. в.м. 35—10 к.
- Генле I. Очеркъ анатоміи человѣка. Перев. съ нѣм, проф. И. К. Вагнера и проз. М. А. Попова. Текеть съ атласомъ изъ 284 таб. часть которыхъ окрашена. X. 1882. в.м. 10—3 р.
- Герценштейнъ Г. Общія основы борьбы съ эпидеміей холеры въ Россіи. Сиб. 1886 ц. 5 к.
- Гирифельдъ М. Сокращенный повторительный курсъ по общей хирургіи, составленный по руководству Вильрота. Спб. 1881. вмѣсто 1 р.—25 р.
- Гогоцкій. Краткое обзорніе педагогикки (изъ лекцій въ Университетѣ Св. Владиміра и на высшихъ женскихъ курсахъ) вып. 1 и 2. в.м, 1 р. 65—1 р.
- Философскій словарь т. 3. Буквы, I, K, Л. М. Н, О. в.м. 2—1 р.
- Горвицъ М. О неукротимой рвотѣ беременныхъ. Спб. 1882. вмѣсто 1 р. 50 к.—35 к.
- Дерблика В. Притворныя болѣзни молодыхъ новобранцевъ. Руководство для врачей и членовъ присутствій по воинской повинности. Спб. 1882. в.м. 1 р. 50—75 к.
- Дзѣдушинскій. Самоубійство в.м. 1 р.—35 к.
- Дуннакъ. Клиническія лекціи по женскимъ болѣзнямъ. Переводъ подъ ред. д-ра медицины А. А. Шварца. 1881. в.м. 1 р. 25—35 к.
- Дыбновскій. Лекціи фармакологіи съ прибавленіями ко всѣмъ статьямъ по современ. состоянію науки В. О. Подвысоцкаго изданіе 4-е 1885. вмѣсто 4—1 р.
- Дюлафов. Руководство внутрен. патологіи. 2 тома. Перев. съ франц. В. и Е. Святловскаго. Спб 1882—84. в.м. 4 р. 90—75 к.
- Дюрингъ. Болѣзни кожи, съ предисловіемъ проф. Фурнье и примѣчаніями французск. переводчиковъ. Пер. Д. Фридрихта, подъ ред. А. Г. Подолетнова и А. Я. Бруева. Сиб. 1885. 4 р.
- Зевортъ Э. Исторія новаго времени (XVI—XVIII ст.) Перев.

- подъ ред. съ дополненіями проф. И. В. Лучицкаго. 1883. в. 4 р. 50—1 р. 50 к.
- Зевлигмюллеръ А.** Учебникъ болѣзней нервн. систем. Пер. съ нѣм. А. Черемшанскаго, съ 56 рис. въ текстѣ. Сиб. 1883. в. 2 р. 30—40 к.
- Капизи М.** Патологія и терапія сифилиса. Пер. съ нѣм. Л. С. Гинзбурга. Перв. половина съ 10 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1888. в. 1 р. 25—50 к.
- Карпинскій И.** Травматическіе вывихи костей. Съ рисунками въ текстѣ, Сиб. 1883. в. 75—10 к.
- Келеръ.** Карманная книга рецептовъ, дополненная рецептами употребляемыми при клиникахъ Университета Св. Владимира П. Жуконъ. 1881. в. 1 р. 50—50 к.
- Кирхнеръ.** Руководство къ ушнымъ болѣзнямъ для врачей и студентовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Д-ра С. В. Орѣчкина, подъ ред. М. М. Ломиковскаго. Съ 39 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1886. в. 1 р. 25—60 к.
- Кистяновскій.** Проф. Молодые преступники. В. 1 р. 50—60 к.
- Кое-что о настоящемъ и прошедшемъ евреевъ.** В. 50—20 к.
- Коломнинъ С.** О резекціи верхней челюсти по поводу опухолей. Сиб. 1882. вмѣсто 40—5 к.
- Перевязка наружной сонной артерій, двухъ-сторонняя пенька при новообразованияхъ. Сиб. 1883, вмѣсто 50—5 коп.
- Конгеймъ.** Общая патологія. Переводъ В. Сигриста. Томъ 2-й. Сиб, 1881 вмѣсто 3 р. 50—75 к.
- Краузолъ Г.** Болѣзни червеобразнаго отростка и слѣпой кишки. Переводъ В. Сигриста. Сиб. 1881. в. 30—5 к.
- Круглевскій Н.** Очеркъ развитія ученія о воспаленіи. Сиб. 1881. вмѣсто 45—5 к.
- Кунце.** (Средній) Compendium практической медицины переводъ съ предисловіемъ и подъ ред. проф. Ф. Ф. Меринга. 1881. в. 3—1 р. 50 к.
- Кунце Е.** Основы практической медицины. Переводъ съ третьяго, втораго дополненаго и измѣненнаго нѣмецкаго изданія Б. П. Сикорскаго. Сиб. 1883. ц. 1 р. 50 к.
- Краткій повторительный курсъ частной патологіи и терапіи.** Сиб. 1882. ц. 1 р. 50 к.
- Кумысъ.** приложеніе его въ различныхъ болѣзняхъ способъ употребленія. Діетическіи и другія условія при употребленіи Д-ръ Л... ц. 20 к.
- Курсъ повторительный по рецептурѣ и фармакологіи.** Составлено по разнымъ источникамъ Сиб. 1884. в. 1 р. 50—35 к.
- Курсъ сокращенный повторительный по физиологіи.** Сиб. 1883. вмѣсто 60—20 к.
- Лейнартъ Р.** Общая естественная исторія паразитовъ, особенно водящихся у человѣка. Учебникъ для зоологовъ, врачей и сельскихъ хозяевъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. Брандта. Съ 92-мя политипажамми въ текстѣ. Сиб. 1881. в. 1 р. 50—50 к.
- Лучицкій проф.** Католическая лига и кальвинисты во Франціи. В. 2 р. 50—1 р. 50 к.
- Люна - Шампюньера Ж.** Противогнилостная хирургія. Основы, способа примѣненія и результаты листеровской перевязки. Переводъ со втораго француз-

- скаго пополненаго изданія 1880 г. Н. Жанровскаго. Съ 15 рисунками въ текстѣ. Спб. 1881. в. 1 р. 50—25 к.
- Мальгень.** Руководство къ оперативной хирургіи. Перев. съ 8-го французскаго изд. подъ ред. проф. И. И. Насилова. Спб. 1883. В. 3 р. 50—50 к.
- Матвѣевъ А.** Курсъ акушерства для учащихъ 3 вып. Изд. 2-е испр. и допол. К. 1876. в. 4 р.—1 р.
- Руководство къ повивальному искусству. К. 1872. в. 2 р.—50 к.
- Мединусъ Л.** Судебно-медицинское изслѣдованіе пищевыхъ и вкусовыхъ средствъ. Перев. съ нѣмецк. д-ра Н. Крузенштерна. подъ ред. и съ доп. Непіемъ, А. Доброславина. Спб. 1881. В. 1 р.—85 к.
- Мейнертъ Г.** Психіатрія. Клиника заболѣваній передняго мозга, основанная на его строеніи, отравленіяхъ и питаніи. Перев. М. Е. Ліона подъ ред. П. И. Ковалевскаго. Первая половина съ 64 рисунками и 1 литографической таблицей. Х. 1885. В. 2 р.—50 к.
- Минкулинскій.** Краткій курсъ ученія о сифилисѣ. Спб. 1885 в. 1 р. 75—75 к.
- Недолинъ.** Романы, повѣсти и рассказы. в. 1 р. 50—50 к.
- Непотъ Корнелій.** Біографіи знаменитѣйшихъ полководцевъ пер. съ латинскаго И. Е. Тимошенко. 1883 ц. 1 р.
- Нуссбаумъ.** О ракъ съ клипической точки зрѣнія перев. съ прим. Владимира Подвысоцкаго ц. 40 к.
- Пантюховъ И.** Химическія свѣдѣнія изд. 2-е Ц. 40 к.
- Полотебновъ Я.** Современное со-
стояніе дерматологіи въ Рос-
сіи Спб. 1883 вмѣсто 40—5 к.
- Практическое руководство для хо-
зяекъ.** (Поваренная книга) в. 1 р.—50 к.
- Рише А.** Практическое руковод-
ство хирургической анатоміи.
Переводъ съ пятого француз-
скаго изданія подъ ред. П.
Ф. Лесгафта. Спб. 1885, в. 8
руб. 40—1 р. 50 к.
- Резенталь І.** Бернгардтъ М. Ученіе
объ электричествѣ для врачей
и электротерапія. Съ 105 ри-
сунками въ текстѣ. Перев. съ
нѣм. Д-ръ С. З. Серебряковъ.
Спб. 1885. Вмѣсто 3—1 р.
- Ромеръ.** Романъ безъ интриги
ц. 60 к.
- Руководство описательной анато-
міи.** Составлено по І. Гиртлю
съ рисунками Гейцмана изъ
анатоміи Грея, подъ редак.
П. Лесгафта. 2 тома. Т. І.
Ученіе о костяхъ. Т. II. Уче-
ніе мышцахъ и апоневро-
захъ. Спб. 1885. В. 8—3 р.
- Сансъ.** Коса на камень. (Повѣсть).
ц. 65 к.
- Самуэль С.** (проф. въ Кенигсбер-
гѣ). Compendium общей пато-
логіи переводъ съ нѣмецк. съ
предисловіемъ проф. Н. А.
Хржонщевскаго. 1882. Вмѣсто
3 р.—50 к.
- Сидоренко.** Записки по финансо-
вому праву (теорія финан-
совъ). в. 2 р.—50 к.
- Соронинъ И.** Дѣло о Мироновичѣ,
Семеновъ и Безакъ, въ су-
дебно-медицинскомъ отноше-
ніи. Спб. 1885 в. 20—5 к.
- Спенсеръ.** Описательная социоло-
гія съ таблицами В. 3 р. 50—
2 р.
- Начала социологіи. (Обрядо-
вая учрежденія). в. 1 р. 50—
1 руб.

- Теранецкій А. Анатомія и исторія развитія пиклопин у чело-вѣка, съ примѣчаніями о раз-витіи простыхъ уродовъ во-обще. Съ 6 рисунками въ тек-стѣ. Спб. 1882 г. в. 50—5 коп.
- Томасовскій А. Судь и евреи. Кар-тинки съ природы. Сцены и рассказы изъ еврейскаго бы-та. в. 1 р.—35 к.
- Троицкій-Сенютовичъ. Начальное обученіе русской грамотѣ. в. 40—20 к.
- Фортъ. Основы оперативной хи-рургіи. Пер. съ французскаго подъ ред. д-ра В. Понча. Спб. 1881. вмѣсто 3 р.—60 к.
- Фришъ Г. Основы патологій и терапіи послѣ родонаго пері-ода. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. Г. Е. Рейна. Спб. 1885. в. 1 р.—50 к.
- Женскія болѣзни. Руковод-ство для студентовъ и вра-чей. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. К. Ѳ. Славянскаго. Спб. 1882. в. 2 р. 80—1 р.
- Хвостенъ Болѣзни поджелудочной желѣзы. Переводъ съ нѣмец. В. Сигриста. Спб. 1881. в. 60—10 к.
- Цаглеръ. Руководство къ общей и частной патологической ана-томіи и къ нотогинезу. Подъ ред. Г. Н. Минха. 3 част. съ атласомъ 1886. в. 10—2 р. 50 к.
- Техника микроскопическаго изслѣдованія патолого-анато-мическихъ иренаратовъ К. 1885. Цѣна 40 к.
- Цимсень. Электричество въ меди-цинѣ. Пер. подъ ред. К. Г. Тритшеля съ 53 рис. въ тек-стѣ и 1 табл. 1881. в. 2 р.—
- 30 к.
- Шефферъ А. проф. Физиологиче-ская химія. 1883. в. 3 р.—1 р. 50 к.
- Шигаричъ. Поэма въ Кіевѣ и на подѣльсѣ и мелкія стихотво-ренія в. 1 р.—20 к.
- Шморгуновъ. О священннхъ кни-гахъ. в. 50—25 к.
- Шнитцлеръ. Методы изслѣдова-нія гортани, носа и уха. Ла-ринго и риноскопія. Перев. съ нѣм. П. А. Зеленскаго, съ прибавленіемъ отоскопій, съ 49 рис. для врачей и студен-товъ Спб. 1872 в. 1 р.—30 к.
- Шпеннеръ. Учебникъ Іудейской вѣры. в. 45—20 к.
- Зихгорсть Г. Руководство къ част-ной патологій и терапіи для врачей и студентовъ. Съ мно-гочисленными рисунками въ текстѣ 2 т. Пер. съ нѣм. д-ра С. 'З. Серебренникова. Спб. 1885. в. 11—4 р.
- Руководство къ физическимъ методамъ изслѣдованія впу-тряннхъ болѣзней. Перев. съ нѣм. Н. Вилькина и М. Гиршфельда. въ 2 частяхъ. Изслѣдованія аппарата крово-обращенія и брюшннхъ ор-гановъ. Съ 71 рис. и одной хорошо литографированной таблицей. Спб. 1883. вмѣсто 4 р. 50—2 р. 50 к.
- Зринсень. Теоретическая и прак-тическая хирургія. Переводъ съ 7-го исправлен. и попол-неннаго англійскаго изданія, съ предисловіемъ проф. Е. И. Богдановскаго. Съ 862 рисун-ками въ текстѣ. 2 т. Спб. 1884—85 г. в. 12 р. 90—4 р. 50 к.